

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

№ 1 (27) • 2019

Тема номера:

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕАЭС НА 2019–2024 ГОДЫ

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В.О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru
Сайт журнала: <https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2019
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

№ 1 (27) • 2019

Topic of the Issue:

STATE AND PROSPECTS OF THE EAEU DEVELOPMENT FOR 2019–2024

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
- © Editorial Board of the Journal "Eurasian Integration: Economy, Law, Policy" (compilation), 2019
- © All rights reserved

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, советник Президента Российской Федерации, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт РАН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

ПОЛЕЖАЕВА Ольга Дмитриевна

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

ЖАКЫПОВА Фатима Надыровна, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор экономических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

НАСЫРОВ Алмаз Турусбекович, ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, кандидат экономических наук

ПАЛЬЧИК Геннадий Владимирович, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор педагогических наук

РАХИМОВ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

РАХИМОВ Ибод Хабибулаевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Маджлиси Оли Республики Таджикистан в МПА СНГ, ПА ОДКБ

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, директор Института Конфуция Российского государственного гуманитарного университета, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АКАЕВ Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, доктор технических наук

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета, доктор политических наук

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор экономических наук, кандидат политических наук, доцент

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

ЛИБЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, доктор юридических наук

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор юридических наук

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика»

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэвийн, профессор, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHARGE

POLEZHAEVA Olga

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD of Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor in Law

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

ZHAKYPOVA Fatima, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

NASIROV Almaz, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, PhD in Economics

PALCHIK Gennady, Rector of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Doctor of Pedagogical Sciences

RAHIMOV Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

RAHIMOV Ibod, Deputy Secretary General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan to the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

HAN Lihua, Director of Confucius Institute of Russian State University for the Humanities, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Director of the Integration Development Department of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Aabygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

AKAEV Askar, professor of Lomonosov Moscow State University, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University, Doctor of Political Sciences

YEREMEEV Stanislav, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Doctor of Economics, PhD of Political Sciences, Associate Professor

KAZANTSEV Andrei, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Economics

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law, editor of the "Law" section

KROTOV Mikhail, the Chief of staff of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman, Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, editor of the "Economics" section

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law, Doctor in Law

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, Doctor in Law

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, Doctor of History

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road", Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

TOROPYGIN Andrei, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Political Sciences, editor of the "Politics" section

KHASH-ERDENE Sambalhundeviin, Professor, Chairman of the society «Knowledge» of Mongolia, Doctor of Sociological Sciences

CHEN ZHIGAN, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg, Doctor of Economics

Содержание

От главного редактора

11 Глазьев С. Ю.

ГЛАВНОЕ

12 Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна к главам государств — членов Евразийского экономического союза

16 **Интервью с Татьяной Валовой**
Участие в ЕАЭС дает большие экономические эффекты

18 **Глазьев С. Ю.**
Большое евразийское партнерство: созидая новый мир

21 **Интервью с Андреем Денисовым**
Российско-китайское сотрудничество — стабилизирующий фактор в нынешнем турбулентном мире

25 **Алферов Ж. И.**
Квантовая экономика. Российской науке надо переходить от выживания к развитию

ЭКОНОМИКА

28 **Шамахов В. А., Случевский В. В.**
Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь»

34 **Свиридович В. А.**
Финансовая поддержка предпринимательства в странах ЕАЭС

ПРАВО

42 **Архипова А. Ю.**
Прогнозирование и практическая реализация политико-правовых идей постсоветской России

49 **Воронов А. М.**
Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях

ПОЛИТИКА

54 **Кефели И. Ф., Комлева Н. А.**
К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве

61 **Марджанян Ара А.**
ОДКБ — современные вызовы. Взгляд из Армении

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

67 **Рябухин П. П.**
Бишкекский протокол: взгляд с дистанции в четверть века

71 **Торопыгин А. В.**
Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

79 **Клаус Шваб**
Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции

85 *Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией международного научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»*

Contents

From the Editor-in-Chief

- 11** **Sergei Y. Glazyev**

THE MAIN

- 12** Appeal of The Chairman of the Supreme Eurasian Economic Council, Prime Minister of the Republic of Armenia Nikol Pashinyan to the heads of the member states of the Eurasian Economic Union
- 16** **Interview with Tatyana Valovaya**
Participation in the EAEU gives great economic effect
- 18** **Sergei Y. Glazyev**
A Great Eurasian Partnership: Building a New World
- 21** **Interview with Andrei Denisov**
Russian-Chinese cooperation is a stabilizing factor in the current turbulent world
- 25** **Alferov Zh. I.**
Quantum Economics. Russian science needs to move from survival to development

ECONOMICS

- 28** **Vladimir A. Shamakhov, Vyacheslav V. Sluchevsky**
Some Aspects of Pairing Projects EEMA — “One Belt — one Way”
- 34** **Vasiliy A. Sviridovich**
Financial Support of Entrepreneurship in Countries of EEU

LAW

- 42** **Anna Y. Arkhipova**
Forecasting and the Practical Implementation of the Legal Ideas of Post-Soviet Russia
- 49** **Alexey M. Voronov**
Topical Issues of Administration of Migration Processes on Space of the CSTO in Modern Conditions

POLITICS

- 54** **Igor F. Kefeli, Natalia A. Komleva**
On the Role of Information and Ideological Security the Counter-Strategy Hybrid War in Eurasia
- 61** **Ara H. Marjanyan**
Collective Security Treaty Organization — Main challenges. View from Armenia

EURASIAN CHRONICLE

- 67** **Peter P. Ryabukhin**
The Bishkek Protocol: a View from a Quarter of a Century Distance
- 71** **Andrey V. Toropygin**
Bishkek Protocol. How It Was: Memories and Comments

OUR PUBLICATION

- 79** **Klaus Schwab**
Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution
- 85** *Rules for authors of the articles, admitted to the editorial office of the international scientific and analytical journal “EURASIAN INTEGRATION: ECONOMY, LAW, POLICY”*

От главного редактора

Sergei Y. Glazyev

Advisor to the President of the Russian Federation, Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the RAS, Moscow, Russian Federation; <http://glazev.ru/>

В сегодняшнем политэкономическом дискурсе нет недостатка в пророчествах самого драматического толка, связанных с ожиданием радикальных перемен: от тотальной роботизации и связанной с ней всеобщей безработицы до краха капиталистических устоев, отмирания денег, а вместе с ними и всего человечества. Отчасти такая антиутопическая футурология имеет под собой основания — мир, как никогда раньше, вступил в этап очень динамичных и слабо предсказуемых преобразований. Вовлеченные в глобальную гибридную войну державы, военно-политические блоки и торгово-экономические коалиции вместо созидания гармоничного, насколько это возможно, будущего заняты повсеместными баталиями за сферы и регионы доминирования.

Непросто увидеть за этим калейдоскопом противоречивых изменений сколько-нибудь устойчивые тенденции, опираясь на которые можно было бы прогнозировать будущее. Для этого нужно понимать закономерности социально-экономического развития, которое, как уже не раз подчеркивалось мною и моими коллегами на страницах «Евразийской интеграции», в отличие от широко применяемых эконометрических моделей, неравномерно, нелинейно, неравновесно и неопределенно. С большей или меньшей определенностью можно судить о краткосрочных перспективах на участках стабильного роста экономики, которые прерываются периодически происходящими структурными изменениями, формирующими новые технологические траектории, институты, центры воспроизводства экономики. Казавшиеся еще вчера незыблемыми устои рушатся, под их обломками гибнет множество судеб не успевших приспособиться людей и организаций. На их месте возникают принципиально новые технологические конструкции и институты, воспроизводство которых определяет новый цикл социально-экономического развития. Посвящение в известной степени открывающего 2019 г. номера «ЕИ» поиску баланса интересов в Большой Евразии в этом смысле является архиважным.

**Глазьев
Сергей
Юрьевич**

Советник
Президента РФ,
доктор
экономических
наук,
академик РАН

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԿԱՐԶԱՂԵՏ
ПРЕМЬЕР-МИНИСТР РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ОБРАЩЕНИЕ

Премьер-Министра Республики Армения Н.В. Пашиняна
к главам государств-членов
Евразийского экономического союза

г. Ереван

25 января 2019

Республика Армения с 1 января 2019 г. приняла председательство в органах Евразийского экономического союза: в Высшем Евразийском экономическом совете, Евразийском межправительственном совете и Совете Евразийской экономической комиссии.

Председательство Армении приходится на 5-летие подписания Договора о Евразийском экономическом союзе. За прошедшие 5 лет Евразийский экономический союз состоялся в качестве успешного интеграционного объединения и, несмотря на трудности первых лет, в настоящее время показывает убедительные темпы роста взаимной торговли и диверсификации структуры торговых и экономических отношений.

Для государств-членов ЕАЭС евразийская интеграция – приоритетное направление, позволяющее улучшать условия хозяйствования для бизнеса, наращивать сотрудничество с традиционными и создавать новые партнерства с целью реализации экономического потенциала интеграционного объединения. При этом все государства-члены должны приложить максимум усилий для продолжения и активизации институционального развития ЕАЭС. Армения, в свою очередь, приложит все усилия для сохранения положительной динамики интеграции, для решения задач, которые могут придать дополнительный импульс экономическому росту наших стран.

Хотел бы обратить ваше внимание на необходимость решения ряда важнейших и актуальных для ЕАЭС задач.

Одним из ключевых интеграционных направлений Евразийского экономического союза является энергетическая отрасль, как основа создания равных и недискриминационных условий конкуренции в отраслях экономики ЕАЭС. В этом контексте следует активно работать над реализацией программ формирования общих рынков нефти, нефтепродуктов и газа, а также формирование общего электроэнергетического рынка. Необходимо активизировать усилия, направленные на проведение скоординированной энергетической политики и на скорейшее решение чувствительного вопроса ценообразования на недискриминационной основе на энергоресурсы и их транзит по территориям государств-членов Союза, в том числе с учетом транзитных компонентов.

Необходимо приложить усилия для развития и диверсификации евразийской транспортной инфраструктуры, которая станет стимулом для роста товарооборота внутри Союза и экспорта товаров на внешние рынки, а также для развития транзитных транспортных коридоров.

Важным направлением сотрудничества является консолидация усилий IT-сообществ государств-членов с целью активного развития высокотехнологических секторов экономики и полноценной реализации «Цифровой повестки» Союза. «Цифровая повестка» ЕАЭС должна стать одним из основных инструментов совершенствования Союза, повышения его эффективности и привлекательности, устранения административных, таможенных и торговых барьеров. В рамках реализации «Цифровой повестки» необходимо последовательное продвижение инициатив, направленных на углубление интеграционных процессов и получение прямой выгоды для экономик и граждан государств-членов, таких как внедрение электронных сопроводительных документов в государствах-членах союза, создание электронной биржи труда и иных аналогичных платформ.

Считаем важным укрепление уровня доверия внутри Союза. Введение современных систем прослеживаемости товаров и грузов создаст техническую основу для такого укрепления. Важно, чтобы данные системы были современными и экономными и устраняли барьеры, а не создавали их. Для Армении, не имеющей общей границы с интеграционным объединением, цифровая прослеживаемость может стать гарантией реализации всех четырех свобод – без создания дополнительных препятствий.

Считаем целесообразным предпринять более активные шаги в направлении гармонизации регуляций и регламентов государств-членов ЕАЭС в сфере экономики и торговли, так как опыт последних лет показывает, что значительная часть препятствий, с которыми сталкивается бизнес, являются результатом отсутствия единых, скоординированных, согласованных правил деятельности.

Немаловажным является очевидная необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективную и справедливую реализацию прав граждан государств-членов, осуществляющих трудовую деятельность, а также пенсионеров, внесших свой вклад труда в развитие наших стран.

Важно продолжить развитие торгово-экономических отношений ЕАЭС с третьими странами и объединениями. Реализация соответствующих соглашений с Ираном и КНР, а по завершении переговоров – с Сингапуром, Сербией, Египтом, Израилем и Индией может дать дополнительный импульс в процесс интеграции союза в мировую экономику. Также необходимо укреплять позиции Союза в международных организациях, в том числе в ВТО, оказывать содействие Сторонам в переговорных процессах на этой площадке.

Объединение усилий для продвижения товаров ЕАЭС на внешние рынки в условиях самообеспечения Союза во многих сферах экономики постепенно становится одним из основных вызовов для обеспечения сбалансированного роста наших экономик. Такие усилия помогут совместному выходу евразийских производителей на внешние рынки и поддержат появление кооперационных цепочек внутри Союза.

Необходимо продолжить усилия, направленные на повышение уровня доступности, обеспечение роста и устойчивости финансового сектора, а также повышение эффективности и развитие конкуренции на этом рынке. Следует также стремиться к существенному росту объема национальных валют Союза в расчетах между субъектами наших стран.

Мы убеждены, что наращивание равноправного сотрудничества в рамках нашего интеграционного объединения в конечном итоге должно служить созданию комфортных условий для ведения бизнеса и полноценной реализации человеческого потенциала.

Рассчитываю на эффективное сотрудничество и поддержку со стороны государств-членов Евразийского экономического союза

в практической реализации инициатив армянского председательства в 2019 году. Выражаю надежду, что через год мы будем иметь более консолидированный и эффективный союз, служащий интересам наших экономик, государств и народов.

**Председатель
Высшего Евразийского
Экономического совета**

Н.В. Пашинян

Участие в ЕАЭС дает большие экономические эффекты

В 2019 г. исполняется 5 лет с момента подписания Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС, далее — Союз) и отмечается 25-летие идеи евразийской интеграции, впервые высказанной в 1994 г. президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Как отметила член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Татьяна Валова в интервью журналу «Международная жизнь», пройденный этап можно охарактеризовать как “25 years challenge”.

«В 1994 г. была только идея евразийской интеграции, а спустя 25 лет мы уже отмечаем 5-летие Договора о создании ЕАЭС и имеем полноценный Союз. Прделан огромный путь, и создан реально действующий экономический Союз», — заявила министр. При этом, по ее мнению, своего рода Брекзита в ЕАЭС не случится. «Я не очень в это верю, поскольку у нас своего рода Брекзит был в 1991 г., и часто такие ситуации не случаются. Самый первый урок, который мы должны извлечь из Брекзита, заключается в том, что сейчас после двух лет переговоров Великобритания несет экономические убытки всюду, где-то больше, где-то меньше», — подчеркнула Татьяна Валова.

Говоря об успехах Союза, было отмечено, что, по оценкам Евразийской экономической комиссии, ЕАЭС на втором месте после Европейского союза по уровню интеграции. «Недавно мы проводили в ЕЭК аналитическое исследование с учетом наших собственных наработок. Постарались оценить уровень интеграции в рамках известных региональных блоков. Мы посмотрели на ЕС, а также на такие старые организации, как АСЕАН, МЕРКОСУР, и на опыт нашего интеграционного развития. Результаты достаточно понятные, но для нас очень приятные — на первом месте по уровню интеграции находится ЕС, на втором месте стоит ЕАЭС. Существенно опережаем АСЕАН и МЕРКОСУР, более старые объединения, которые, тем не менее, еще пока не вышли даже на уровень полноценного таможенного союза», — обратила внимание Татьяна Валова.

Татьяна Валова, Елизавета Антонова
Фото: Инна Яникеева

Успех ЕАЭС, по мнению министра, заключается также и в том, что участие в Союзе предоставляет большие экономические преимущества для государств-членов. Это можно наблюдать на примере Армении и Киргизии. «Россия, Белоруссия и Казахстан к ЕАЭС шли поэтапно: в 2010 г. был создан Таможенный союз, затем было единое экономическое пространство, потом Союз, то есть эффекты интеграции были разделены на достаточно растянутый временной период. В свою очередь, Армения и Киргизия одновременно из режима свободной торговли в рамках СНГ, который у нас был, перешли к полноценному экономическому Союзу. И мы увидели, какие огромные эффекты дает интеграция. Мы уже иногда, может быть, их и не осознаем. Однако анализ продемонстрировал, что участие в ЕАЭС дает большие экономические эффекты», — подчеркнула член коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК.

При этом, отвечая на заявления критиков о том, что ЕАЭС стал политизированным, Татьяна Валовая акцентировала, что страны-участницы сознательно не допускают появления в Союзе какого-либо политического измерения. «Это наш осознанный выбор. Не потому, что у наших стран нет политических контактов. У нас прекрасные отношения и во внешнеполитической сфере, и на базе двусторонних отношений, и на базе нашего участия в СНГ, ОДКБ и так далее. Но мы отделяем принимаемые решения в рамках Союза от политических. И это существенно, как мне кажется, облегчает нам жизнь, поскольку мы концентрируемся на практических решениях без какой-либо политизации. Это укрепляет политические позиции наших государств в мировой экономике и политике», — отметила министр.

По мнению Татьяны Валовой, одним из любопытных моментов Евразийского экономического союза является тема дедолларизации, особенно в сравнении с опытом Европейского союза. «Доля доллара в наших взаимных расчетах между странами существенно меньше, чем во взаимных расчетах между государствами ЕС. В наших взаимных расчетах, если брать по объему, доля доллара — от 15 до 20%. Остальные расчеты ведутся в национальной валюте. По большей части в российском рубле. Доля российского рубля — от 75 до 80%. А в ЕС их взаимные расчеты в долларах составляют 55%, притом что у них есть единая валюта», — отметила министр, добавив, что в ЕАЭС не планируют вводить единую валюту.

Инна Яникеева,
редактор журнала «Международная жизнь», 31.01.2019

Большое евразийское партнерство: создавая новый мир

Глазьев С. Ю.

главный редактор, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация;
<http://glazev.ru/>

A Great Eurasian Partnership: Building a New World

Sergei Y. Glazyev

Editor-in-Chief, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics), Professor, Moscow, Russian Federation; <http://glazev.ru/>

В настоящее время, в соответствии с объективными закономерностями долгосрочного экономического развития, мир переходит к новым технологическому и мирохозяйственному укладам. Одновременно совершается технологическая революция и смена системы институтов, определяющих воспроизводство национальных и мировой экономик.

Смена технологических и мирохозяйственных укладов — болезненный процесс, сопровождающийся структурным кризисом, экономической депрессией, обострением военно-политической напряженности. Отсюда повсеместная неразбериха. Властно-хозяйственные отношения, сложившиеся в ходе предыдущего цикла эволюции мировой экономики, защищаются заинтересованными в их продолжении элитами и обслуживающими их институтами любыми средствами, вплоть до мировых войн. Но победителем в этих войнах всегда оказывался новый лидер, носитель более эффективной системы производственных отношений, институты которых затем копировались другими странами, распространяясь в мире, и формировали новый мирохозяйственный уклад.

Так, в прошлом веке Великобритания, стремясь сохранить свое лидерство, спровоцировала две мировые войны между наиболее опасными для себя конкурентами, но так и не смогла удержать свою колониальную систему, эксплуатируемую в настоящее время американскими транснациональными корпорациями. Сегодня исчерпание потенциала роста доминирующих в уходящем с авансцены укладе США уже провоцирует разбалансировку международных отношений; и там, где это приемлемо с точки зрения гипотетического эффекта отдачи, американцы применяют силу преимущественно гибридного типа.

Наглядный пример арьергардного вторжения США в евразийские дела — Украина, являвшаяся до 2014 г. опорной страной для реализации планов широкой региональной экономической интеграции с участием России. Собственно, смыслом разрушившей практически все конкурентоспособные элементы украинской научно-производственной системы, инспирированной Госдепартаментом и Пентагоном, и госпереворота с последующим установлением американского контроля было именно недопущение участия республики в формировании Таможенного союза и ЕАЭС в качестве полноправного участника. Экономическое объединение с ее членством, напомним, сулило ЕАЭС ощутимые экономические преимущества, оцениваемые в 1,5 трлн долл. прироста ВВП до 2030 г. Такого развития событий с восстановлением кооперационного взаимодействия России и Украины в рамках работоспособного союза еще живущий в парадигме «холодной войны» и теряющий рычаги управления «гегемон» не мог допустить.

Противостояние зарождению еще более крупных, нежели ЕАЭС, субконтинентальных группировок в Евразии выстраивалось до недавнего времени в логике глобального распространения отношений свободной торговли, что предполагало заключение двух трансокеанских торгово-экономических соглашений: «О Транстихоокеанском партнерстве (ТТП)»¹ и «О Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП)»². Несмотря на тактическое отступление Трампа от заданных его предшественником геополитических приоритетов в части либерализации торговых режимов с основными торговыми партнерами США, расценивать этот маневр следует трезво и прагматично. Будучи, по сути, частью перкинсовской «корпоратократии», вероятность того, что нынешний хозяин Белого дома добровольно откажется от императива в духе демократов-неокон-

¹ Text of the Trans-Pacific Partnership [Электронный ресурс]. URL: <http://tpp.mfat.govt.nz/text> (дата обращения: 10.01.2019).

² Directives for the Negotiation on the Transatlantic Trade and Investment Partnership between the European Union and the United States of America [Электронный ресурс]. URL: <https://marietjeschaake.eu/wp-content/uploads/2013/06/TTIP-mandate.pdf> (дата обращения: 10.01.2019).

серваторов «Америка прежде всего», что предполагает в том числе товарно-денежную экспансию на крупнейшие рынки, формирующие спрос, очень невелика. Тем более что, по экспертным оценкам, потенциальный эффект от создания ТТИП измеряется суммой в 100 млрд долл. дополнительного выпуска продукции и возможностями увеличения американского экспорта минимум на 20%.

В отложенном же, но не аннулированном окончательно соглашении с ЕС международная корпоратократия и финансовая олигархия являются бенефициарами не столько в части выгод от расширяющихся торговых возможностей, сколько в части норм заложенного в него инвестиционного партнерства. Например, предусмотренные ТТИП нормы содержат новеллы относительно правовой защиты интересов иностранных инвесторов (преимущественно американских ТНК), которые создают им серьезные преимущества относительно резидентов европейских стран, подрывают сложившуюся в них правовую систему, а также ущемляют интересы граждан и ставят в зависимое положение государства. Речь идет о процедурах урегулирования споров между инвестором и государством, в рамках которых первые получают возможность специального международного (вне национальных юрисдикций) арбитража в отношении ущемляющих их интересы законодательных актов национальных правительств.

Необходимо отметить, что ни одно из затронутых выше соглашений, органично дополняющих американскую картину мира в части формирования зон экономического влияния, не предусматривает участие Китая, Индии, а также других стран БРИКС, хотя на долю последних уже приходится 16% мировой торговли, 30% ВВП, 25% инвестиций, 26% территории и 42% населения.

У России, ищущей альтернативные развилки экономической интеграции в рамках инициативы Президента В. В. Путина по созданию Большого евразийского партнерства (БЕП), есть опора на ключевого в АТР «азиатского тигра» в лице КНР. Ее председатель Си Цзиньпин в обоснование акселерации центростремительных тенденций между взаимно тяготеющими государствами континента на прошедшем во Владивостоке экономическом форуме терминологически и идеологически обозначил суть конструируемой интеграционной группы — Экономическое кольцо Северо-Восточной Азии. С трибуны ВЭФ-2018 это прозвучало так: «Необходимо в приоритетном порядке повышать уровень взаимосвязанности транснациональной инфраструктуры, в сфере либерализации и упрощения торгово-инвестиционных процедур, содействовать ликвидности рынка, передвижению капиталов и технологиям, оптимизировать ресурсное обеспечение и индустриальную структуру, сообща построить открытую региональную экономику и создать экономическое кольцо Северо-Восточной Азии... Мы готовы вместе со всеми странами глубоко изучать возможности развития сотрудничества по другим многосторонним и субрегиональным форматам, чтобы запустить больше практических проектов на благо народов региона. В этом рассчитываем на большую роль Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фонда Шелкового пути в плане финансового сопровождения... С учетом таких факторов Северо-Восточной Азии, как различные модели и неравные уровни развития, быстрые темпы роста экономики и многочисленные совместные проекты, странам региона важно, основываясь на реальности, работать на долгосрочную перспективу, интенсифицировать планирование и координацию — с тем, чтобы осуществить гармоничное и устойчивое развитие экономики и общества, ресурсов и окружающей среды, человека и природы»¹.

По сравнению с преобладающе фигурировавшими идеологемами «Экономический пояс нового Великого шелкового пути» и «Один пояс — один путь» в новый термин, подчеркивающий российский фактор интеграции, закладывается новое содержание, подтверждающее своевременность цели создания БЕП. Такое кольцо Северо-Восточной Азии предположительно должно строиться путем гармонизации национальных стратегий развития посредством усиления связности хозяйственных комплексов участвующих в нем стран. В этом контексте российской стороне важно добиться результативности национальной программы опережающего развития Дальнего Востока, иначе задуманное кольцо превратится в треугольник мощного экономического взаимодействия Китая, Японии и Республики Корея. Выдвинутый председателем КНР концепт создания широкой зоны сотрудничества предполагает вариативность используемых интеграционных пакетов. Так, между ЕАЭС с КНР действует носящее непреференциальный характер соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве; с Вьетнамом Евразийский союз имеет отношения свободной торговли; в Азиатско-Тихоокеанском регионе действуют десятки торговых соглашений, отличающихся модальностью, широкой охвата сфер и подходов к регулированию внешнеэкономической деятельности.

При всем разнообразии форм и механизмов субрегиональной и континентальной экономической интеграции (за исключением процессов в сегодняшнем ЕС) все они исходят из представления

¹ Нагорный А., Коньков Н. Россия и Китай открыли Северо-Восточный фронт против «коллективного Запада». [Электронный ресурс]. URL: http://zavtra.ru/blogs/dvojnoj_udar_po_pax_americana (дата обращения: 10.12.2018).

о суверенитете и субъектности интегрируемых государств, ориентированы на общее понимание взаимной выгоды и отсутствие какой-либо дискриминации одних по отношению к другим. Такой подход полностью соответствует философии Интегрального мирохозяйственного уклада. В пике уходящему имперскому укладу, исповедующему доктрину либеральной глобализации, новый уклад (называемый также «Азиатским циклом накопления капитала») сегодня формируют Китай, Индия и другие страны БРИКС и ШОС. В отличие от несущего постулата т. н. «Вашингтонского консенсуса» о дерегулировании экономик, эти страны с теми или иными оговорками создают систему управления экономическим развитием, сочетающую государственное планирование и рыночную самоорганизацию, подчиняя свободу предпринимательства задачам повышения общественного благосостояния. Не максимизация прибыли любой ценой, характерная для имперского мирохозяйственного уклада, а наращивание производства для повышения уровня жизни населения, исходя из принципа гармонизации интересов различных социальных групп, является движущим мотивом производственных отношений нового мирохозяйственного уклада. Если руководствоваться принципами выстраивания международных экономических отношений, исключая подчинение и навязывание чужой воли, то к оформившемуся ядру нового уклада, пока, правда, с натяжкой, можно прибавить страны Индокитая, Иран, Пакистан, а также в перспективе — Японию, Республику Корея и ЕАЭС.

Необходимо признать, что воспроизводственные процессы в государствах последнего, несмотря на формальную суверенность, по-прежнему характеризуются крайней внешней зависимостью. Это, в свою очередь, обуславливает неубедительные макроэкономические показатели результатов собственно евразийской интеграции, уровень которых в силу преимущественно субъективных причин ниже предкризисного 2013 г.

Чтобы преодолеть интеграционную стагнацию, государства ЕАЭС должны заняться внутренним обустройством, применяя схемы, успешно реализованные в странах ядра интегрального мирохозяйственного уклада. При этом, прежде всего, России, если она действительно нацелена на формирование конкурентоспособного Большого Евразийского пространства, учитывающего ее интересы, следует задуматься о создании суверенных каналов формирования госинвестиций. Как показывает опыт КНР и Индии, вслед за их ростом происходит приращение и частных инвестиций: субъекты предпринимательства опираются на снижение рисков и используют государственную инфраструктуру. В свою очередь, государство проводит антициклическую политику, обеспечивая кредиты экономике в периоды спада частной инвестиционной активности.

Таким образом, любые формы континентальной интеграции и экономического партнерства с государствами и их коалициями, как на Востоке, так и на Западе, будут игнорировать наши государственные интересы, если эффективность народнохозяйственной системы России, характеризующаяся ежегодным приростом ВВП на душу населения, а также фактическим распределением этого продукта, будет балансировать недалеко от границ статистической погрешности. При этом ссылки на мировую финансово-экономическую конъюнктуру и неизбежность ретрансляции внешних шоков на нашу экономику в силу ее открытости давно перестали быть состоятельными, поскольку другие открытые экономики растут гораздо более высокими темпами. Согласно прогнозу МВФ, на фоне 1,5–1,7% роста в 2018–2019 гг. темпы роста ВВП в США составят 2,2–2,3%, в Китае — 6,4–6,6%, в Индии — 7,4–7,8%, в среднем по АСЕАН — 5,3%.

В целом гармонизация интересов по широкому кругу вопросов в Евразии, учитывающая особенности каждого участника региональной интеграции, на уровне теоретических представлений и проектировок выгодно отличается от отношений «ведущий–ведомый», закладываемых ориентированными на США проектами мегарегиональных торгово-экономических группировок. Впрочем, пока инициатива БЕП не обрела своего практического воплощения и не синтезированы первые оценки баланса плюсов и минусов в каждой паре стран — участниц партнерства, делать далеко идущие выводы о его преимуществах для России преждевременно. Вместе с тем абсолютно необходимой представляется постановка российской стороной целей и задач нашего участия в БЕП, формулирование ожиданий от реализации конкретных проектов в рамках сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь» как ключевого звена широкого евразийского партнерства.

Российско-китайское сотрудничество — стабилизирующий фактор в нынешнем турбулентном мире

**Денисов
Андрей Иванович**

Чрезвычайный
и Полномочный
Посол России
в Китайской Народной
Республике, член РСМД

Посол РФ в КНР Андрей Денисов в интервью «Интерфаксу» рассказал о состоянии отношений между двумя странами в 2018 г., задачах, стоящих в области их дальнейшего совершенствования, координации действий Москвы и Пекина по актуальным мировым проблемам.

— Андрей Иванович, как Вы оцениваете общее состояние российско-китайских отношений в 2018 г.? Какую роль двустороннее партнерство играет в стабилизации весьма непростой международной обстановки?

— 2018 г. оказался весьма плодотворным для российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. С одной стороны, эта «формула» предельно четко отражает уровень наших связей. С другой стороны, и в Москве, и в Пекине признают, что нам уже становится «тесновато» в этих рамках. Кооперация приобретает все более выраженное глобальное измерение, и мы имеем все основания полагать, что именно российско-китайское взаимодействие играет в современном турбулентном мире роль стабилизирующего фактора. Пусть не по всем, но по очень многим вопросам наши позиции близки или совпадают. Есть, безусловно, свои нюансы. Но это вполне естественно для таких крупных государств, постоянных членов Совета Безопасности ООН, как Россия и Китай. Главное, что и в Москве, и в Пекине заинтересованы в создании предсказуемой, стабильной, здоровой внешней среды для реализации задач развития национальных экономик. При этом российско-китайские отношения деидеологизированы, основаны на принципах взаимного уважения и равноправия, политического и военного доверия, невмешательства во внутренние дела друг друга.

Весной, как вы знаете, в Китае было переизбрано государственное руководство, проведена беспрецедентная по масштабу реформа партийных и правительственных органов, обозначены долгосрочные магистральные направления развития страны. У нас, в свою очередь, также прошли выборы президента и был сформирован новый состав правительства.

Политический диалог между Россией и Китаем не прерывался и, как и прежде, отличался доверительным и конструктивным характером. В 2018 г. наши лидеры провели четыре полноформатные встречи. В июне Владимир Путин совершил государственный визит в Китай, а также принял участие в XVIII заседании Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. В сентябре Председатель КНР Си Цзиньпин побывал во Владивостоке, где в качестве главного гостя впервые участвовал в Восточном экономическом форуме. Еще две встречи состоялись, как принято говорить, «на полях» международных форумов — 26 июля во время саммита БРИКС в ЮАР и 30 ноября в Аргентине, где проходил саммит «Группы двадцати». Кстати, если посчитать, то с момента избрания Си Цзиньпина Председателем КНР в 2013 г. главы наших государств встречались уже 27 раз. Хотел бы подчеркнуть, что ни одна из этих встреч не носила, что называется, «протокольный характер». Каждый раз это предметные, обстоятельные беседы по самым актуальным вопросам двусторонней повестки и международным делам. Поэтому, уверен, в 2019 г. такая практика будет продолжена.

Лидеры России и Китая уже договорились провести первую встречу в апреле нынешнего года. Владимир Путин прибудет в Пекин для участия в качестве главного гостя в международном форуме высокого уровня «Один пояс — один путь». А уже в июне Председатель Си Цзиньпин согласно очередности посетит с визитом нашу страну и будет главным гостем Петербургского международного экономического форума. Ожидаем, что контакты наших лидеров могут состояться также на площадках ШОС в Киргизии, «большой двадцатки» в Японии, БРИКС и АТЭС в Бразилии и Чили соответственно. Так что, как видите, график контактов весьма плотный и насыщенный. Тем более что в 2019 г. мы будем отмечать важную дату — 70-летие установления дипломатических отношений с Китаем. Это знаковое событие, особенно если вспомнить, что наша страна

признала молодую Китайскую Народную Республику на второй день после ее образования. Разумеется, в рамках празднования этого юбилея состоятся яркие масштабные мероприятия.

В прошлом году активно развивалось наше практическое сотрудничество. В ноябре в Пекине состоялась XXIV регулярная встреча глав правительств России и Китая. Она, если можно так выразиться, венчает огромный пласт работы «на земле», которая ведется в течение года в рамках двусторонних межправительственных комиссий, возглавляемых вице-премьерами. Таких комиссий у нас пять. Это, к слову, беспрецедентный пример партнерства во всех без исключения областях. И, несмотря на смену в этом году практически всего состава сопредседателей комиссий как с российской, так и с китайской стороны, это нисколько не сбilo общий настрой на углубление кооперации на вверенных участках работы.

Ушедший 2018 г. и новый 2019 г. объявлены годами российско-китайского межрегионального сотрудничества. Это придало дополнительный импульс наращиванию контактов между регионами наших стран. На сегодняшний день у нас на разных уровнях муниципального управления сложилось свыше 360 партнерских пар, которые с разной степенью интенсивности находятся во взаимодействии. Здесь я бы отдельно остановился на хорошо зарекомендовавшем себя формате сотрудничества групп регионов «Волга — Янцзы» (субъекты Приволжского федерального округа России и регионы верхнего, среднего течения реки Янцзы). Укрепляются связи между российским Дальним Востоком и Северо-Востоком Китая.

Вместе с китайскими коллегами работаем над идеей распространить этот успешный опыт. К примеру, Пекин в связке с Тяньцзинем и провинцией Хэбэй могли бы стать опорными точками взаимодействия с Москвой и регионами Центрального федерального округа. А Санкт-Петербург и Шанхай вовлекли бы в орбиту прямых деловых контактов Северо-Западный федеральный округ и провинции восточного Китая. Видим здесь существенный потенциал.

— *Считаете ли Вы возможным, что объем торговли между Россией и Китаем в 2018 г. пре-
взойдет рубеж 100 млрд долл.? По оценкам, какие новые показатели в этом отношении могут
быть достигнуты в 2019 г.? В каких отраслях экономического взаимодействия в прошлом году
были достигнуты наибольшие успехи и что еще препятствует росту товарооборота? Как развива-
ется инвестиционное сотрудничество между странами, каковы его перспективы?*

— Я практически не сомневаюсь, что по итогам 2018 г. объем товарооборота между Россией и Китаем преодолет отметку в 100 млрд долл. и даже, вероятно, выйдет на рубеж в 110 млрд долл. По данным китайской таможенной статистики, за 11 месяцев 2018 г. мы наторговали на 97,2 млрд долл., что на 27,8% больше в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. Как правило, эти цифры чуть выше оценок российской стороны, что связано с разницей в методологиях подсчета, однако в целом соответствуют действительности. Это неплохой результат. Тем более что по итогам года мы будем иметь положительный торговый баланс в нашу пользу — порядка 10 млрд долл. Пекин сохраняет статус нашего главного торгового партнера. А Россия, в свою очередь, имеет все шансы вернуться в десятку крупнейших торговых партнеров Китая. Сейчас мы на 11-й строчке по итогам ноября.

При этом российский экспорт в КНР в этом году по стоимости прибавляет сразу 44%. Это во многом связано с ростом цен на нефть и нефтепродукты, топливно-энергетический сектор по-прежнему обеспечивает порядка 70% нашего экспорта в Китай. Россия в 2018 г. упрочила свои позиции в качестве крупнейшего экспортера сырой нефти в КНР. За 9 месяцев суммарные объемы поставок нашей нефти в Китай увеличились на 12,5% до 50,5 млн т. Наращивание объемов было обеспечено в том числе за счет запуска с 1 января второй нитки российско-китайского нефтепровода «Сковородино — Мохэ», в результате чего его пропускная способность удвоилась и достигла 30 млн т в год.

Одним из наиболее успешных совместных проектов является строительство завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) — проект «Ямал СПГ», в котором 29,9% принадлежит китайским компаниям. Летом были осуществлены пробные поставки газа в Китай танкерами по участку Северного морского пути, а в декабре с опережением графика на один год введена в эксплуатацию третья очередь завода, благодаря чему он вышел на проектную мощность 16,5 млн т в год. Кстати, получив в 2018 г. уникальную возможность побывать на Ямале и увидеть «стройку века» собственными глазами, хотел бы отдельно отметить высокие технологии, которые там применяются. Не будет ошибкой назвать его проектом XXII-го, а не XXI в. Это, к слову, свойственно всему комплексу энергетического сотрудничества России и Китая — и в угольной промышленности, и в электроэнергетике, не говоря уже об атомном секторе, где мы успешно продолжаем наполнять нашу кооперацию с Китаем новыми долгосрочными контрактами. В прошлом году был подписан солидный пакет из 7 документов. Имею в виду, прежде всего, договоренности о строительстве

новых энергоблоков российского дизайна на Тяньваньской АЭС, двух энергоблоков на АЭС «Сюйдапу» в северо-восточной провинции Ляонин и демонстрационного реактора на быстрых нейтронах.

Возвращаясь к газовой тематике, не могу не сказать, что мы стоим на пороге серьезных прорывов. В конце 2019 г. состоится пуск российско-китайского магистрального газопровода по «восточному» маршруту. С учетом проектной мощности в 38 млрд кубометров он может дать существенную прибавку стоимостному показателю нашей торговли с Китаем. В планах — рассмотрение вопросов поставок «голубого» топлива в Китай с Дальнего Востока России, из Арктики.

Энергетика, как я уже говорил, в обозримой перспективе будет основным драйвером нашего с Китаем экономического сотрудничества. Эту ситуацию не изменить в одночасье, но и алармистских настроений по этому поводу быть тоже не должно. Необходимо использовать имеющиеся преимущества, извлекать из них пользу и одновременно работать по другим направлениям. К примеру, у нас уверенно растут поставки в Китай российской сельскохозяйственной и пищевой продукции. В условиях торговых трений между США и Китаем нам удалось почти вдвое, до 1 млн т, нарастить поставки в КНР отечественной сои. В целом с января по октябрь объем взаимной торговли сельхозпродукцией у нас вырос более чем на 28% и составил 3,5 млрд долл. Добиваемся расширения номенклатуры продовольственных товаров, поставляемых в Китай из России, львиную долю (почти 60%) которых по-прежнему занимают рыба и морепродукты. Со следующего года должны начаться поставки в Китай отечественной молочной продукции и замороженного мяса птицы.

Активно развивается электронная торговля. По оценкам экспертов, в текущем году ее объем может превысить 4 млрд долл. Что касается инвестиционной составляющей, на конец 2017 г. объем всех видов накопленных китайских инвестиций оценивался свыше 28 млрд долл., в первой половине этого года Пекин вложил еще почти 2,3 млрд долл. Динамика есть. Утверждены 70 ключевых совместных проектов на общую сумму порядка 120 млрд долл. В настоящее время 15 из них активно реализуются, 11 проектов успешно сданы в эксплуатацию, еще по 29 ведутся переговоры.

К вопросу о перспективах нашего товарооборота с Китаем в 2019 г. хотел бы подчеркнуть, что у нас есть необходимые заделы для дальнейшего наращивания показателей. И целевой ориентир — 200 млрд долл. Это, между прочим, задача, поставленная главами наших государств. Хорошие результаты есть в транспортной сфере. Пожалуй, главный из них — мы вышли на завершение строительства первого на нашей общей границе моста через пограничную реку. Это железнодорожный мост, который расположен в районе китайского города Тунцзян провинции Хэйлунцзян и российского села Нижнеленинское в Еврейской автономной области. Там долгое время шло отставание от графика, это отставание удалось преодолеть, и в октябре китайская и российская части моста были соединены, т. е. мост уже есть. Надеемся, что в 2019 г. объект будет сдан в эксплуатацию и по нему пойдут первые поезда. Кстати, за 10 месяцев текущего года объем перевозок контейнеров железнодорожным транспортом в сообщении Китай — Европа — Китай через территорию России вырос на 23% до 323 тыс. контейнеров ДФЭ (условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств: контейнеровозов и контейнерных терминалов. — *Прим. ред.*).

Быстрыми темпами идет строительство автомобильного моста из китайского г. Хэйхэ в российский г. Благовещенск. Этот мост по плану также должен быть закончен в наступившем 2019 г. Кстати, в Хэйхэ кроме автомобильного моста строится пассажирская канатная дорога, чтобы людям с обеих сторон — и китайцам, и нашим гражданам — можно было очень легко перемещаться на другой берег реки Амур.

Имеются, конечно, и сложности на пути расширения торгово-экономического сотрудничества. Нам важно развивать транспортную инфраструктуру, модернизировать пункты пропуска, поддерживать углубление практического сотрудничества между таможенными и карантинными ведомствами России и Китая, упрощать взаимное инвестирование и торговые процедуры, продвигать механизмы межбанковских расчетов в национальных валютах. Но это все вопросы роста, которые решаемы, но требуют определенного времени.

В 2018 г. мы сделали важный шаг в деле сопряжения строительства ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс — один путь». В мае в Астане подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Одновременно ведется работа по разработке соглашения о Евразийском экономическом партнерстве.

— *Намерены ли Россия и Китай добиваться постепенного смягчения международных санкций против КНДР по мере действий Пхеньяна в направлении денуклеаризации? Насколько тесная координация налажена между Москвой и Пекином по данной проблеме?*

— Да, и это было бы правильным и логичным шагом для поддержания положительной динамики развития ситуации на Корейском полуострове. В условиях сохранения санкций в прежнем

объеме Пхеньян попросту потеряет заинтересованность в осуществлении дальнейших действий на треке ядерного разоружения. Как неоднократно публично заявляли наши китайские коллеги, резолюции СБ ООН устанавливают, что в зависимости от выполнения Пхеньяном положений этих резолюций и по мере необходимости нужно будет корректировать ограничительные меры, в т. ч. приостанавливать их действие или полностью отменять. Москва и Пекин полагают, что санкции — не самоцель, и Совет Безопасности должен поддерживать и оказывать содействие усилиям по денуклеаризации полуострова, продвигать процесс политического урегулирования.

Тесный характер нашей координации с Пекином по ситуации на Корейском полуострове подтверждает то, что данная тема практически всегда обсуждается среди внешнеполитических вопросов в ходе переговоров на высшем и высоком уровнях. Также на регулярной основе проводятся консультации сопредседателей российско-китайского Диалога по безопасности в Северо-Восточной Азии — заместителя министра иностранных дел Российской Федерации И. В. Моргулова и заместителя министра иностранных дел КНР Кун Сюанью. В январе, августе, октябре 2018 г. такие встречи прошли в Москве, в марте, июле, декабре — в Пекине. Регулярно «сверяют часы» и наши постпредства при ООН в Нью-Йорке. Кстати, в октябре в Москве впервые состоялась встреча заммининдел в формате Россия — Китай — КНДР, по итогам которой было принято совместное информационное коммюнике с выражением общих подходов трех стран к проблемам Корейского полуострова. Среди прочего стороны, отметив «предпринятые КНДР важные шаги в направлении денуклеаризации, сочли необходимым своевременно приступить к пересмотру Советом безопасности ООН санкционных мер в отношении КНДР». Кроме того, подтверждена общая позиция против односторонних санкций.

— *США объявили о планах выхода из Договора РСМД (Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности). При этом Вашингтон настаивает, что разногласия по этой проблеме должны обсуждаться с участием Китая. Обсуждаем ли мы данную ситуацию с нашими китайскими партнерами, которые также озабочены намерением США покончить с ДРСМД? Возможен ли какой-то наш совместный ответ Вашингтону?*

— Пропагандистская шумиха, развернутая США вокруг своих планов выхода из ДРСМД, включая ссылку на «существенное нарушение» Договора Россией и проекцию на страны — обладательницы арсеналов наземных ракет средней и меньшей дальности, включая Китай, Иран и КНДР, является выражением стремления «освободить руки» при выборе средств противодействия всем тем, кто входит в «американские списки» геостратегических оппонентов США. В связи с этим исходим из того, что Соединенные Штаты могут денонсировать Договор вне зависимости от мнения и действий России, других вовлеченных участников. Стремление США под различными надуманными предлогами (о якобы невыполнении Россией обязательств по Договору и т. д.) разрушить существующую систему ограничения вооружений вызывает серьезную обеспокоенность, поскольку подобная политика может крайне негативно отразиться на глобальной системе безопасности в целом. Убеждены, что развал ДРСМД способен тяжело ударить по международной безопасности и стратегической стабильности, ввергая целые регионы в гонку вооружений. Это также чревато ускоренной эрозией архитектуры контроля над вооружениями, включая возможный подрыв Договора о СНВ, а также негативными последствиями для перспектив дальнейшего ядерного разоружения и устойчивости режима ДНЯО.

В этой связи признательны Китаю за поддержку в работе над российским проектом резолюции ГА ООН по ДРСМД, хотя он и не был принят Генассамблеей, и осуждение Пекином планов США по выходу из Договора. Понимаем негативную реакцию наших китайских партнеров на бестактные публичные заходы со стороны США относительно подключения КНР к гипотетическим новым договоренностям в области РСМД, включая неуклюжие попытки Вашингтона вбить клин между КНР и Россией по данной тематике. Убеждены, что любые идеи в данной чувствительной области должны учитывать легитимные интересы всех сторон и рассматриваться на основе консенсуса.

Источник: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiysko-kitayskoe-sotrudnichestvo-stabiliziruyushchiy-faktor-v-nyneshnem-turbulentnom-mire/> 09.01.2019

Квантовая экономика. Российской науке надо переходить от выживания к развитию

Алферов Ж. И.

академик РАН, Нобелевский лауреат

Не дожив двух недель до 89-летия, скончался великий советский, российский ученый, академик Российской академии наук, Нобелевский лауреат Жорес Иванович Алферов. Редакция журнала публикует сохранившееся в архиве «Военно-промышленного курьера» выступление Жореса Ивановича о роли отечественной науки, в которой наш великий современник своим талантом и трудом занял достойнейшее место.

Указ Петра I о Российской академии наук состоял всего из четырех строк: нужно определить место и доход Академии наук и художеств, где будут заниматься переводами и изданием книг, а также «знатными науками и художествами». После этого специальным постановлением Сената было определено, что такое Академия наук: организация со своими лабораториями, музеями, объединяющая выдающихся ученых, имеющая свой университет и гимназию. Академики должны быть профессорами в университете, а студенты университета — учителями в гимназии. Таким образом, в постановлении Сената 1724 г. были заложены основы фундаментального университетского образования. Оно возникло в нашей Академии наук. Ее доход был назначен «в 24 912 рублей, собираемых с таможенных или центных сборов» пяти городов. Сумма оказалась вдвое больше, чем бюджет Парижской академии наук, которая была крупнейшей в Европе. Причем было прописано, что деньги предназначаются только для академии и «ежели они не использованы, ни на какие другие расходы не идут», в бюджет не возвращаются, как нынче, а остаются для употребления в научных целях.

Академия наук России с самого начала занималась производительными силами страны. Она провела колоссальную экспедиционную работу, осваивая огромные территории России и неизведанные регионы планеты. Но академия — это не только фундаментальные базовые исследования, но и рождение новых наук, технологий. И атомные реакторы, и полупроводники, и радиолокация, Северный морской путь и многое другое родилось и развивалось в нашей академии. Если бы нам не пришлось в 1945-м после Хиросимы и Нагасаки отдать все силы решению проблемы атомной бомбы, чтобы не было американской монополии, я думаю, открытие транзисторов как вершина полупроводниковой революции могло произойти в Ленинградском физико-техническом институте. Систематические работы по полупроводникам здесь начались еще с 1930–1931 гг. Всю жизнь я занимаюсь этой тематикой. Со студенческих лет мечтал попасть в Ленинградский физтех, чтобы работать с Абрамом Федоровичем Иоффе. И когда узнал, что есть вакансия, 30 января 1953-го туда пришел. А спустя многие годы стал директором, возглавлял этот замечательный институт 16 лет. Помню, его бюджет за первые три года моего директорства вырос втрое, а потом упал в 20 раз. Если пересчитать эквивалентно в долларах того времени, в 1991-м бюджет был 80 млн, в 1992-м — четыре. Важно было спасти институт. Могу сказать, что международное научное сообщество, наши контакты и контракты сыграли в этом более значительную роль, чем меры тогдашней власти. В 1996 г., будучи депутатом Госдумы, я внес поправку к закону, чтобы нам разрешили сдавать помещения и арендные деньги использовать на нужды института, она была принята. В то время моя зарплата директора физтеха была 50 долл. Я продавал видеоманитофоны, чтобы просто купить продукты. Нам нечем было платить за электричество, не на что вывезти мусор. Арендные деньги позволяли как-то решить проблему. Начиная с 2000 г., с приходом к власти Владимира Путина, отношение к нам изменилось. И в 2005-м я предложил «убрать» аренду — нужно науку двигать, ситуация теперь другая. Нельзя продолжать исповедовать философию выживания — нужна идеология развития. К сожалению, в Минобрнауки выступили против этой поправки.

Сегодня мы имеем в два-три раза меньше средств, чем в лучшие советские годы. Конечно, финансовые сложности уже не те, и главная проблема сегодня — невостребованность экономикой и обществом научных результатов. Решение здесь одно: возрождение высокотехнологичного сектора. Президент Путин блестяще сформулировал задачу страны, сказав, что мы должны получить 25 млн высокотехнологичных рабочих мест. Эта формула не только для бизнеса, но и для науки с образованием. Исключительно важно, что руководство страны понимает и ставит столь амбициозные стратегические цели. Если у нас будет работать многомиллионный высокотехнологичный сектор, мы действительно слезем с «сырьевой иглы». Причем в первую очередь высокие технологии должны идти в добывающие отрасли. Просто потому, что таким способом проще заметно увеличить их доходы, которые пойдут на дальнейшее инновационное развитие.

Очень многое зависит от экономической политики. В нынешних условиях создание по ключевым направлениям госкомпаний, где основная доля акций принадлежит государству, — очень разумная идея. Но она требует и грамотного исполнения. К примеру, возникновение Роснано объяснимо. Вообще инициатором изучения нанопроцессов был американский профессор Смоли, за что и получил Нобелевскую премию в 1996-м. У нас в институте семинары «Физика и технология наноструктур» проводятся с 1992 г., тогда словечко «нано» еще редко употреблялось. И когда возникла компания «Роснано», мы начали взаимодействовать, но вскоре прекратили сотрудничество. Я тогда написал Анатолию Чубайсу примерно следующее: «У вас будет полный кризис, потому что по уставу Роснано нельзя поддерживать науку, исследования. Вы можете подобрать все, что было сделано нами до, а дальше что? Капитализация возникает после, вначале должно появиться дело. Все движется только благодаря научным исследованиям — от результата к результату».

Организовать Министерство среднего машиностроения было сложнее, чем nanoиндустрию сейчас. Но стране требовалась атомная техника, и никому в голову не приходило, что надо быстро передраить то, что сделали американцы, и не двигать науку самим. При этом проблем было безумно много. Да, первая бомба стала в какой-то мере копией американской, но вторая — полностью наша, вдвое мощнее, чем штатовские аналоги. И не зря все изделия назывались «РДС» («Россия делает сама»). Тогда родилась масса новых технологий, не только оружейных, лишь благодаря тому, что Средмаш тратил большие деньги на научные исследования. Сегодня один из лидеров, в том числе и в создании уникальных установок, — Новосибирский институт ядерной физики имени Будкера. Будучи в Академии наук СССР, он получал большое дополнительное финансирование из Минсредмаша. Сегодня другие политические обстоятельства. Мы должны по-особому поддерживать стартап-компании там, где они «выросли», — в академических институтах и университетах, создавать необходимую инфраструктуру, бизнес-условия. Это магистральная дорога для высоких технологий. Но надо, чтобы Ростех, Роснано и другие компании активно вкладывали в вузовскую и академическую науку, платили деньги. Иначе они окажутся на мели.

Чрезвычайно важна еще одна вещь. Мы должны создавать в системе образования технологические центры, в работе которых будут участвовать наши корпорации, занимающиеся внедренческим бизнесом. Это очень трудно, но обязательно нужно делать, так они получают высококвалифицированных специалистов, активнее пойдет процесс коммерциализации научных разработок. При этом академию не нужно противопоставлять университетской науке. Если сегодня посмотреть на индекс цитирования вузовских источников, окажется, что значительная часть связана с тем, что там работают сотрудники РАН. Это наше общее дело.

Но надо развивать и академические университеты. Тем более что закон переводит аспирантуру из разряда подготовки высших научных кадров в образовательную деятельность. Статус академического университета, а он и был задуман как один из способов укрепления и развития аспирантуры, дает возможность решать проблему. Это помогает системе образования двигаться вперед. В ней должны рождаться новые направления, а они возникают по большому счету в Академии наук. Иоффе предложил создать физико-механический факультет в Ленинградском политехе — это был первый в мире инженерно-физический факультет. Московский физтех — дитя Капицы, Курчатова, Иоффе — начинался как физико-технический факультет МГУ. Базовые кафедры в Ленинградском электротехническом институте, а потом в политехе — все из академии. Сегодня междисциплинарность в обучении — естественный процесс. Нынешнее физико-математическое образование должно сочетаться с фундаментальными знаниями в биологии и медицине. Мой коллега Дэвид Роджер как-то сказал: «Современные лекарства нельзя создавать без знания квантовой теории».

В науке всегда самыми ценными являются неожиданные, а не прогнозируемые результаты. К примеру, исходя из ряда общих соображений в области энергетики лично я много лет являюсь сторонником использования энергии Солнца. Возникла солнечная энергетика в космических

разработках. Третий советский спутник и американский спутник «Авангард» — это солнечные батареи в космосе. Сегодня полеты на низких орбитах обеспечивает кремний, а на высоких — полупроводниковые гетероструктуры. Программы создания энергетики на полупроводниковых солнечных батареях и в США, и у нас активизировал первый энергетический кризис 1974 г. Тогда один ватт мощности на солнечных батареях стоил 100 долл. Сегодня — 2–3 долл. Когда подешевеет еще в два-три раза, более широкое использование станет экономически выгодным. Я абсолютно уверен, что вторая половина XXI в. пройдет под знаком энергетики на полупроводниковых солнечных батареях. Мы профессионально сильны в том деле, которым занимаемся, — в науке, образовании, технологиях, и должны делать все, чтобы этот колоссальный потенциал использовался для развития экономики.

Российская академия наук — могучая организация. Она много сделала и лучше сохранилась, чем какая-либо из отраслей. Самым страшным для нашей страны по последствиям — политическим, экономическим и чисто человеческим — был развал СССР. Когда великая держава распалась на 15 независимых государств (а «независимыми» их следует называть, потому что от большинства из них, как правило, ничего не зависит), мы подорвали нашу экономику. Это прекрасно видно хотя бы на примере электронной промышленности. Она была во всех союзных республиках, а осталась, по сути, только в России на уровне примерно четверти или трети от того, что было, и в Белоруссии. В остальных ныне суверенных государствах ее уже нет. С Академией наук этого не произошло. Все основные учреждения Академии наук СССР находились на территории РСФСР. В конце 80-х были попытки их растащить, создать Российскую академию наук при наличии Союзной. Я категорически выступал против этого. Помню, в феврале 1990 г. меня пригласили на пленум ЦК КПСС, где я еще раз четко высказал свою позицию: создание РАН, когда существует АН СССР, ударит по развитию науки как таковой. И когда уничтожили Союз, Академия наук сохранилась полностью, ее разделить не удалось. Это очень важно.

В свое время мощные министерства, обеспечивавшие оборону страны, — Минсредмаш, Минобщемаш, Минэлектронпром, Минрадиопром, Минсудпром, Минавиапром (кстати, они выпускали 60% высокотехнологичной гражданской продукции) — создавались учеными. В каждом из них было главное научно-техническое управление. При разумном отношении в переходе к новой экономической системе эти ведомства могли стать транснациональными компаниями, которые соревновались бы с ведущими мировыми державами. Этого не произошло. В тот момент, когда технологическое развитие на Западе шло необычайно бурными темпами, мы развалом СССР были выброшены на обочину мирового процесса. Сейчас страна должна вернуть утраченные позиции. Мы живем в условиях острейшей конкуренции за рынки сбыта, в том числе и в первую очередь за российские. Только создавая новые технологии, в которых нам удастся вырваться вперед, мы сможем выиграть конкуренцию. РАН объединяет высококвалифицированных профессионалов, знающих науку — и академическую, и вузовскую, и отраслевую. Наша академия всегда была вневедомственной организацией, в нее входят ведущие ученые страны независимо от того, где они работают. Мы должны сохранить все лучшие традиции, какие у нас есть.

Атаки на Академию наук начались не сегодня. Например, сразу после революции, в первые годы советской власти для антинаучных нападок использовали тезис «Академия — наследница царского режима». А в начале 90-х ее называли наследницей тоталитарного советского режима. Но мы считаем себя прежде всего наследниками Петра Великого и служим Великой России.

*Опубликовано в выпуске «Военно-промышленного курьера» № 8 (771)
(подготовил А. Захарцев)*

ЭКОНОМИКА

Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь»

Шамахов В. А.^{*}, Случевский В. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются основные проблемы и перспективы сопряжения двух глобальных проектов, разветвляющихся на Евразийском пространстве, — Евразийский экономический союз и «Один пояс — один путь». В реализацию этих проектов вовлечены многие государства, перед которыми стоят острые проблемы выбора экономических партнеров, союзников, сочетания своих собственных национальных интересов в масштабах Большого евразийского партнерства («Большой Евразии»).

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Один пояс — один путь, Россия, Китай, Большое евразийское партнерство, Большая Евразия

Some Aspects of Pairing Projects EEMA — “One Belt — one Way”

Vladimir A. Shamakhov^{*}, Vyacheslav V. Sluchevsky

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russian Federation; * shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyses the main problems and prospects of pairing two global projects, expanding on the Eurasian space — Eurasian Economic Union and “One belt — one way”. These projects involved many States, faced with acute problems of choice of economic partners, allies, a combination of their own national interests in the large scale of a Great Eurasian partnership (“Great Eurasia”).

Keywords: Eurasian Economic Union, “One belt — one way”, Russia, China, Great Eurasian partnership, Great Eurasia

Создание «Большой Евразии» от Лиссабона до Владивостока — это сопряжение ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь».

В. В. Путин

Среди сложившихся на сегодняшний день основных геополитических детерминант, определяющих развитие мировых процессов в XXI в., ключевое место принадлежит глобализации, которая продолжает оказывать мощное влияние на геополитическую картину мира. В результате ее воздействия все более унифицируются политические, социальные, экономические и культурные отношения. В этих условиях сложились глобальные субъекты мировой политики и мировой экономики, оформились геополитические центры современного мира, наметились и специфические стратегии их действий¹. Однако международные отношения, будучи открытой системой, регулярно усложняются и претерпевают изменения, а на мировой арене появляются новые участники. Как следствие, появилась необходимость в новых формах взаимодействия с возникающими геополитическими субъектами. Одним из ярких примеров этих процессов является инициатива по сопряжению двух относительно молодых геоэкономических проектов — Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Один пояс — один путь» (ОПОП).

Как известно, 1 января 2015 г. вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза, а уже 8 мая 2015 г. было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского

¹ Кефели И. Ф. Геополитика Евразийского союза: от идеи к глобальному проекту. СПб. : ООО «Геополитика и безопасность», 2013. 208 с.; Глобальная геополитика. Колл. Монография / Под редакцией И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М. : Издательство Московского университета, 2017. 280 с.; Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность». 2018. 220 с.

экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, давшее старт интенсивному сотрудничеству между странами-участницами ЕАЭС и Китаем. Российское руководство и эксперты высоко оценили этот шаг, отметив, что «сопряжение евразийского интеграционного проекта и китайского проекта “Один пояс — один путь” не только ускоряет экономическое развитие их участников, но и наполняет оба проекта новым глобальным содержанием»¹. 17 мая 2018 г. было подписано Соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны». Как отмечается в «Докладе о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза» за 2018 г.: «Большое значение для развития экономики государств-членов и Союза в целом окажет реализация подписанного 17 мая 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, по которому в настоящее время проводятся ВГП (внутригосударственные процедуры. — *Ред.*), необходимые для вступления в силу. Кроме того, продолжается работа по подготовке к подписанию Соглашения об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы Союза и КНР»². Кстати говоря, в данном «Докладе» зафиксировано важное, на наш взгляд, предложение, учитывающее тенденции глобальной динамики современного мира: «Современному интеграционному объединению для реализации поставленных целей и противостояния глобальным вызовам уже нельзя ограничиваться только торговлей и экономикой, а необходимо учитывать социально-экономическую сферу, экологию, научно-образовательный потенциал, развитие IT-технологий. Так, одним из ярких примеров соответствия Союза глобальным тенденциям является то, что Союз, несмотря на отсутствие темы цифровой повестки в Договоре о Союзе, своевременно включил ее в интеграционные процессы, что теперь позволяет ему развиваться в мейнстриме мировых трендов и обеспечивать в будущем сильные позиции в мировой архитектуре. Таким образом, если ограничиться выполнением только закрепленной в Договоре о Союзе программы, существует большая вероятность оказаться в ситуации неоправданных ожиданий — достигнутого к 2025 г. уровня интеграции (установленного сейчас Договором о Союзе) будет недостаточно для ответа на глобальные экономические вызовы, а значит, Союз не будет соответствовать мировым трендам и не будет востребован ни государствами-членами, включая бизнес, ни мировым сообществом». Поэтому в качестве одной из мер гармоничного развития ЕАЭС на будущее предусмотрена актуализация содержания «экономический союз» в соответствии с современными тенденциями, потребностями граждан и бизнеса государств-членов, что предполагает: углубление интеграционного взаимодействия в рамках Союза по основным направлениям интеграции, обозначенным в Договоре о Союзе, и «вовлечение в “орбиту” интеграции отдельных экономических направлений, связанных с достижением целей создания Союза (экология, экономическая безопасность, научно-технологическое сотрудничество и инновации, вопросы коммерциализации прав на объекты интеллектуальной собственности; цифровая трансформация экономик, здравоохранение, спорт, образование, свобода передвижения, приграничное и межрегиональное сотрудничество, туризм), а также целей в области устойчивого развития ООН»³. Необходимость внесения подобных корректив в полной мере согласуется с предложением председателя КНР Си Цзиньпина ускорить процесс сопряжения ЕАЭС и ОПОП, высказанного им осенью того же 2018 г.

Процесс сопряжения ЕАЭС и ОПОП уже в значительной степени способствовал активизации торгово-экономического сотрудничества стран евразийской «пятерки» с КНР. В 2018 г. удельный вес Китая во внешней торговле Союза составил 16,8% (для сравнения: 16,2% — в 2017 г.)⁴. Важно отметить, что процесс сопряжения привел все шесть стран к совместному поиску новых сфер и форматов межгосударственного взаимодействия, размышлению о формировании общего

¹ Сопряжение ЕАЭС и «Одного пояса — одного пути» окажет влияние на формирующуюся новую архитектуру мировой экономики. Евразийская экономическая комиссия. 17.09.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2018-04.aspx> (дата обращения: 01.03.2019).

² Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2018 [Электронный ресурс]. С. 15. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/SiteAssets/Pages/Аналитические%20доклады/10.12.2018%20Проект%20Доклада.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

³ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. 2018 [Электронный ресурс]. С. 76–78. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/SiteAssets/Pages/Аналитические%20доклады/10.12.2018%20Проект%20Доклада.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза. Аналитический обзор. 26.02.2019 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2018/Analytics_E_201812.pdf (дата обращения: 01.03.2019).

пространства торговли, транспорта, коммуникаций, стандартов и подходов. Так, в настоящее время в Китае и России ведется подготовка и реализация порядка 70 инвестиционных проектов на общую сумму 120 млрд долл., 11 из которых уже введены в действие, а еще 15 активно реализуются — например, строительство завода по производству автомобилей «Великая Китайская стена» в Тульской области. Взаимодействие с Казахстаном стало блестящим примером работы в сфере производственных мощностей. В Беларуси динамично развивается индустриальный парк «Великий камень». Новый облик обретает и сопряжение инициативы «Один пояс — один путь» со стратегиями развития Кыргызстана. Последние инициативы Китая действительно открывают новые направления сопряжения ЕАЭС и «Одного пояса — одного пути»: предлагается активнее сотрудничать по международным вопросам, а также активизировать взаимодействие в сфере энергетики и инновационных технологий. Но, несмотря на позитивную риторику, объективные предпосылки и конкретные предложения, все еще остается немало вопросов относительно перспектив данных процессов.

Во-первых, стоит начать с того, что ЕАЭС является исключительно экономическим объединением, наднациональные органы которого не обладают компетенциями для развития диалога по более широкому кругу вопросов от лица Союза, на чем сегодня настаивает Китай. Это изначально создает серьезные ограничения для форсирования сотрудничества не только в рамках сопряжения ЕАЭС и ОПОП, но и внутри самого Союза. Нужно признать, что в современном мире экономики отдельно от политики, социальной и культурной сфер, как таковой, не существует, поэтому подобное позиционирование по определению ставит перед участниками инициативы по сопряжению определенные барьеры, которые по-прежнему придется решать на национальном уровне.

Кроме того, существуют серьезные противоречия в основополагающих идеях ЕАЭС и ОПОП. Китайский проект ориентирован на широкие зоны свободной торговли, тогда как Союз предусматривает защиту внутренних рынков от внешних игроков и бестарифную зону только для его участников. Углубляясь в вопрос современного положения дел в ЕАЭС как международного актора, становится очевидна лидирующая роль России в качестве локомотива его развития. Это также отражено в ходе эволюции отношений по линии ЕАЭС — ОПОП: как упоминалось ранее, первым документом, положившим начало процессу сопряжения, стало Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Другими словами, именно Россия выступила от лица Союза с данной инициативой. Подобное положение дел устраивает китайскую сторону, которая эффективно ведет двусторонние переговоры с Россией по согласованию тех или иных проектов. Как справедливо отмечается в одном аналитическом обзоре, ЕАЭС воспринимается в политической элите Китая скорее не как единый организм, состоящий из равных по праву голоса акторов, а как проект, развиваемый в первую очередь по инициативе России. Именно в этом причина, по которой поступило предложение развивать диалог именно с Москвой по международным вопросам, а также уточнять аспекты развития сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояса и Пути». В настоящее время Китай воспринимает ЕАЭС как российский вариант инициативы «Пояса и Пути». С другой стороны, КНР обращает внимание на возможности более быстрого роста инициативы «Пояса и Пути» благодаря развитию диалога с ЕАЭС. Евразийская интеграция представляется как новая возможность для развития «Пояса и Пути». Оно и понятно, поскольку Китай готов активно инвестировать в страны-члены ЕАЭС в целом и в Россию в частности для достижения определенных политических и экономических целей¹. Таким образом, ускорение сопряжения ЕАЭС и инициативы «Пояса и Пути» в большей степени означает желание ускорить развитие взаимодействия России и Китая. Важно, что КНР видит Россию и другие страны ЕАЭС как государства, входящие в инициативу «Пояса и Пути», и только потом как участников других объединений. Стремление развивать более тесный диалог по международным вопросам между Россией и КНР представляет собой маркер представлений Китая об особом положении России в рамках ЕАЭС.

Другой трудностью на пути дальнейшего сопряжения выступает неравномерное социально-экономическое развитие стран-участниц. Несмотря на внушительные перспективы, это серьезное препятствие не позволяет всем заинтересованным лицам получить желаемый результат в том числе и потому, что ввиду серьезной разницы в данной сфере страны рассматривают имеющиеся задачи через призмы собственных проблем и возможностей. Так, например, российская модель

¹ В. Нежданов. Сопряжение ЕАЭС и Шелкового пути: Китай меняет стратегию [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/eurazia/sopriajenie-eaes-i-shelkovogo-puti-kitai-meniaet-strategiiu-5c0780bd7337200a9a3b7d7> (дата обращения: 01.03.2019).

модернизации явно проигрывает в эффективности китайской, что неизбежно порождает отставание России в темпах экономического и технологического развития. В итоге Китай перешел от стратегии догоняющего развития в пользу стратегии инновационной, создаваемой на собственных наработках по контролю и макрорегулированию экономики. Но можно ли рассчитывать России на равное партнерство, если управление ее экономикой так и не претерпело серьезных реформ?

Оборотная сторона есть и у очевидных выгод, которые сулит нам настоящее сотрудничество. Делая выбор в пользу ОПОП, Россия и ее партнеры по ЕАЭС ставят себя в уязвимое положение, так как не секрет, что финансовое бремя реализации совместных проектов лежит именно на КНР, объем вложений со стороны которой уже достиг огромных сумм и продолжает расти. Кроме того, что важно, Российская Федерация ставит под угрозу уже существующие на ее территории инфраструктурные и логистические проекты — такие как, например, Транссиб, который совершенно точно потеряет свою привлекательность в глазах инвесторов после создания сухопутного трансконтинентального моста из Китая в Европу, пролегающего через территории Казахстана.

Глядя в перспективу, необходимо отметить, что позиционирование «Одного пояса — одного пути» в чисто экономических терминах недооценивает, на наш взгляд, актуальные угрозы региональной безопасности, которые способны его дестабилизировать. Оставляя эти вопросы на откуп России и странам ЕАЭС, Китай, таким образом, говорит: «С нас — капитал, с вас — безопасное окружение, чтобы он мог работать». Поддерживать такое «минималистическое» отношение к безопасности в долгосрочной перспективе невозможно, так что Китаю придется занять более активную и прямую позицию, поставляя не только «капитал», но и безопасность. В целом сопряжение Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс — один путь» следует рассматривать как закономерный процесс, обоснованный актуальным положением дел на международной арене. Однако ввиду украинского кризиса и последующих за ним событий этот процесс, как и само создание ЕАЭС, были значительно форсированы. Именно это, на наш взгляд, и привело к тому, что на этапе, когда участники проекта говорят о расширении сотрудничества и ждут значительного повышения имеющихся результатов, мы вынуждены заполнять пробелы и решать вопросы, оставшиеся без ответа с первоначальных этапов. В качестве репрезентативной выборки оценок обсуждаемой проблемы сопоставим в приведенной ниже таблице 1 позиции авторов, представляющих четыре экспертные площадки: Институт стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа (Китай), Евразийскую экономическую комиссию, Стэнфордский университет (США) и Шанхайскую организацию сотрудничества.

Оценивая сопряжение проектов «Один пояс — один путь» и ЕАЭС, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, современный мир вступает в период глобальной перенастройки всей системы мировой торговли. Данная перенастройка связана с реализацией макропроектов в области развития транспортно-логистических и инвестиционных систем. Реализация сопряжения проектов ЕАЭС и «Один пояс — один путь» неизбежно приведет к смещению мировых логистических центров и торговых коммуникаций и созданию принципиально новых условий, в которых существенно возрастает роль стран, входящих в эти проекты, что вызовет сдвиги в мировой торговле и экономике.

Во-вторых, чтобы в настоящий момент «выровнять» свои позиции, России необходимо быстро перейти на новую модель экономического развития, ориентированную на рост инвестиций и инноваций в реальное производство. На следующем этапе необходимо разработать условия политического и экономического взаимодействия со странами-участниками ЕАЭС, которые позволят сохранить влияние России в процессе сопряжения проектов ЕАЭС и ОПОП. Наша задача заключается в том, чтобы согласовывать все интересы и правильно оценить все риски. В противном случае процессом сопряжения объективно будет вынужден руководить Китай, без должной оглядки на своих партнеров.

В-третьих, по нашей оценке, можно признать, что Россия и Китай структурируют отношения «Одного пояса — одного пути» — ЕАЭС одновременно бережно и рационально, принимая во внимание и возможности (такие как капитал/технологические возможности Китая и присутствие России) и ограничения (например, реальный экономический потенциал ЕАЭС и существующие противоречия внутри Союза). Однако же и Китай, и Россия, по-видимому, недооценивают целый ряд угроз в сфере безопасности, которые в конечном итоге могут подорвать оба проекта. Эти множественные вызовы в регионе (международный терроризм, внутренняя политическая нестабильность, увеличение миграции из-за ослабления режима пограничного контроля, межэтническая напряженность в странах Центральной Азии, конфликты, связанные с распределением воды) вскоре могут вынудить равно Китай и членов ЕАЭС включить эти проблемы в повестку и решать их в рамках обоих проектов одновременно. Возможно, это будет происходить в рамках ШОС и ОДКБ.

Экспертные оценки сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь»

Ван Ци, исполнительный директор Института стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа	<p>«Сопряжение ЕАЭС и “Одного пояса — одного пути” может как открыть путь Китаю для вывоза капитала, так и предоставить Евразийскому экономическому союзу возможности использовать китайский капитал, принеся выгоду обеим сторонам... Сопряжение ЕАЭС и “Одного пояса — одного пути” позволит расширить регион, удлинить коридоры, обеспечить более плавное беспрепятственное перемещение экономических ресурсов и факторов производства...</p> <p>В процессе сопряжения встречаются проблемы. Во-первых, это неравномерное экономическое развитие и социальная нестабильность в Центральной Азии, а это регион, где религиозные, этнические и другие вопросы стоят очень остро. Его геополитическое положение оказалось в центре внимания великих держав и стало ареной для соперничества между различными политическими силами. Во-вторых, кризис на Украине спровоцировал региональные геополитические авантюры, по мере своего распространения он начал влиять на мировые энергетические и финансовые рынки. В-третьих, экономическое и социальное развитие государств-участников является несбалансированным, разные культурные предпосылки приводят к тому, что разные страны рассматривают проблемы под разным углом, решают проблемы разными методами, вплоть до того, что имеют серьезные разногласия».</p>
Ф. В. Черницын, помощник министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии	<p>«Сопряжение евразийского интеграционного проекта и китайского проекта “Один пояс — один путь” не только ускоряет экономическое развитие их участников, но и наполняет оба проекта новым глобальным содержанием... Сопряжение ЕАЭС и “Одного пояса — одного пути” — проект глобального порядка, который выходит за рамки не только двусторонних отношений стран Союза с Китаем, но и за рамки евразийского региона». «Это наше движение навстречу друг другу, которое будет оказывать влияние на формирующуюся новую архитектуру мировой экономики». «Занимаясь сегодня сопряжением, мы, по сути, думаем о том, как нам “сшить” два цивилизационных пространства и вместе построить гармоничную Большую Евразию, используя экономические рычаги».</p>
Дженнифер Инграм, профессор Стэнфордского университета	<p>«У Евразийского экономического союза есть потенциал стать важным союзником в осуществлении китайской инициативы “Один пояс — один путь”. Его члены — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия — могут поодиночке и вместе показать, как она может быть реализована на исполнительном уровне и какие последствия она повлечет в различных локальных контекстах... Лидер КНР предложил Китаю и Центральной Азии сотрудничать для построения современной версии Шелкового пути, которая сформировала древний мир... Инициатива “Пояса и Пути” открытая и инклюзивная, поэтому к участию приглашаются все страны... За последние пять лет стало ясно, что инициатива “Пояса и Пути” нацелена на установление связей настолько далеко, что, чтобы их отразить, не хватит ни одной карты... Пять приоритетов сотрудничества инициативы “Пояса и Пути” (координация политик, взаимосвязанность объектов, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция и связи между людьми) могут в конце концов работать вместе на расширение доступа Китая к мировым рынкам. Однако целью “Пояса и Пути” и самого председателя Си Цзиньпина является взаимовыгодное сотрудничество, в котором все стороны выигрывают, и это означает, что инициатива должна брать в расчет не только китайские интересы. Поэтому важно отслеживать, как она разворачивается в Евразии и чего ей удастся достигать в локальных контекстах... Товарооборот между Китаем и Евросоюзом в среднем составляет более €1 млрд в день. Один из крупнейших проектов “Пояса и Пути” — транзитные железные дороги. В ЕС уже существует обширная сеть железных дорог, и это означает, что большинство таких проектов планируются к осуществлению в Восточной Европе, чтобы улучшить там железнодорожную инфраструктуру и далее соединить ее с востоком Евразии. Планируемая железная дорога, которая соединит Будапешт (Венгрия) и Стамбул (Турция) через Софию (Болгария), очень важна для “Пояса и Пути”, поскольку это ключевой маршрут, соединяющий Китай и Европу».</p>

В. И. Норов, генеральный секретарь Шанхайской организации сотрудничества	«В условиях сохраняющихся трудностей в глобальной экономике, нарастания рисков разрушения сложившейся на базе ВТО архитектуры международной торговли повышается важность развития экономической составляющей деятельности ШОС. При этом особо подчеркнута растущее взаимодействие Москвы и Пекина в вопросах сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, которое в перспективе может послужить основой для формирования большого евразийского партнерства с участием широкого круга стран, входящих в ЕАЭС, ШОС и АСЕАН... В обширном Евразийском регионе кристаллизуется магистральный тренд развития регионального экономического взаимодействия, обусловленный в первую очередь текущим положением дел и последними тенденциями в мировой экономике и выраженный на данном этапе поиском оптимальных моделей стыковки региональных инициатив, интеграционных начинаний и национальных стратегий экономического развития».
--	--

[Электронный ресурс]. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/32389-v-2018-godu-soprjazhenie-eaes-i-pojasa-i-puti-vyshlo-na-novyj-uroven.html>; URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-09-2018-04.aspx> 17.09.2018; URL: <http://eurasia.expert/interes-kitaya-k-sopryazheniyu-eaes-i-proekta-poyasa-i-puti-rastet/>; URL: <https://rezonans.kz/vse-o-politike/8822-vladimir-norov-strany-shos-podderzhivayut-sopryazhenie-eaes-i-initsiativy-poyasa-i-puti> (дата обращения: 01.03.2019).

И главное, до сих пор остаются нерешенными ряд проблем в ЕАЭС, что не позволяет Союзу говорить «одним голосом». Центральнoазиатские страны, входящие в ЕАЭС, уже находятся в проекте «Один пояс — один путь» и, по сути, интегрированы в экономику КНР. Однако равноценный торговый баланс между ЕАЭС и Китаем — это далекая перспектива. Сказывается и отсутствие парламентской составляющей в Союзе: депутаты всех уровней, а также ответственные организации не вовлечены даже в процесс евразийской интеграции. Сам же ЕАЭС основан исключительно на потоке товаров, а у организации нет идеологии. По словам В. И. Ленина, «идея должна овладеть массами», только тогда возможен успех. Полагаем, что у Евразийского экономического союза и инициативы «Пояса и Пути» возможно светлое будущее, когда появятся идеологическая и культурно-гуманитарная составляющая. В перспективе это позволит сформировать Большое Евразийское партнерство в качестве одного из наиболее значимых центров развития современного мира, открытого для взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с внешними партнерами и выстраивания новых форматов взаимодействия.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Случевский Вячеслав Владимирович, советник директора СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; sluchevski-w@sziu.ranepa.ru

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Vyacheslav V. Sluchevsky, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in History; sluchevski-w@sziu.ranepa.ru

Финансовая поддержка предпринимательства в странах ЕАЭС

Свиридович В. А.

Национальная академия наук Республики Беларусь, Институт экономики, Минск, Республика Беларусь; svirva54@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является анализ финансовой поддержки малого и среднего предпринимательства, которая ныне осуществляется во всех государствах Евразийского экономического союза. В данной связи исследуется роль кредитования и страхования, соответствующий потенциал которых достаточно велик. При этом активно используется официальная статистическая информация, содержательный и структурный анализ, позволяющие обеспечить логичность и системность всей работы. В результате оказались выявлены общие закономерности и проблемы, характерные для стран — участниц Евразийского экономического союза. Они свидетельствуют о том, что финансовая поддержка, ежегодно оказываемая тут малому и среднему бизнесу, является весьма ограниченной и нестабильной. Это ведет к объективному сужению производственно-хозяйственной активности частных предпринимателей и стагнации соответствующего сектора экономики Евразийского союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), предпринимательство, малый и средний бизнес, особенности, кредитование, страхование

Financial Support of Entrepreneurship in Countries of EEU

Vasily A. Sviridovich

The National Academy of Sciences of Republic of Belarus, Institute of Economics, Minsk, Republic of Belarus, svirva54@mail.ru

ABSTRACT

Purpose of the article is the analyze of financial support of small and medium businesses, which is implemented in all states of Eurasian Economic Union. Author researched the role of crediting and insurance, which have a big potential to here. In this researching was used official statistical information, informative and structural analysis, which allow to ensure to logicity and consistency for that work. In result author detected regularities and problems, which have all states of Eurasian Economic Union in common. This is evidence a financial support, which small and medium businesses get every year, is not enough sufficient and stable. This leads to objective constriction production and economic activity of self-employed and stagnation of this economic sector of Eurasian Economic Union.

Keywords: Eurasian Economic Union (EEU), entrepreneurship, small and medium businesses, features, crediting, insurance

В современном мире значительно расширилось межгосударственное сотрудничество и взаимодействие. Двухсторонние экономические отношения все более и более превращаются в многосторонние, охватывающие целые группы государств. В Западной Европе эти процессы начали целенаправленно развиваться и поддерживаться после Второй мировой войны и в настоящее время активно продолжают, хотя и не без проблем.

На постсоветском пространстве, где после распада СССР образовалось много новых самостоятельных государств, определенное интеграционное взаимодействие также имело место. Крупнейшими интеграционно-экономическими структурами здесь сегодня являются: а) Содружество Независимых Государств (СНГ), охватывающее одиннадцать стран; б) Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединивший в своем составе пять государств. Однако ЕАЭС, куда сейчас входят Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, представляет собой значительно более тесную и сплоченную экономическую общность, нежели СНГ. Поэтому многие постсоциалистические реалии здесь видны гораздо яснее и отчетливее.

Статистические данные однозначно свидетельствуют об экономическом лидерстве в ЕАЭС Российской Федерации и очень большом отставании Кыргызской Республики. Оставшиеся три страны тоже мало похожи друг на друга. Причем Беларусь тут по большинству экономических показателей значительно уступает Казахстану, но заметно опережает Армению [2, с. 16–20]. Очевидно, что указанным пяти государствам предстоит еще немало сделать для производственно-технологического сближения и развития многостороннего сотрудничества. Здесь налицо обширное поле деятельности для всех субъектов и секторов экономики (государственного, смешанного, частного).

Расширение и интенсификация межсубъектных взаимодействий может существенно помочь укреплению экономических позиций как отдельных секторов и стран, так и Евразийского экономического союза в целом. Его гармоничное развитие включает в себя и частнопредпринимательскую составляющую. Широкий спектр разнообразных хозяйственных связей (как «внутри», так и «снаружи» ЕАЭС) станет повседневной реальностью лишь при условии адекватного участия в нем частного бизнеса, особенно малого и среднего.

Отмеченные обстоятельства повышают тот интерес, который вызывает фактическое положение и динамика развития в Евразийском союзе сферы предпринимательства. Сейчас тут все страны (партнеры) имеют как принципиально важные сходства, так и значительные различия. Причем многие из этих различий достаточно существенны. Например, они касаются того, кто именно в этих государствах считается «субъектом малого предпринимательства». Единой или общей позиции членов ЕАЭС по данному вопросу пока не выработано. Подтверждение этому можно найти в документах самого Евразийского союза.

«**К субъектам малого предпринимательства в Армении** (выделено в оригинале. — В. С.) относятся сверхмалые — коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, у которых среднесписочная численность работников не превышает пяти человек; малые — коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, у которых среднесписочная численность работников не превышает:

- в промышленности и других отраслях материального производства — 50 чел.;
- в области строительства и энергетики — 25 чел.;
- в области транспорта, торговли и услуг — 15 чел.

С 2011 г. установлены дополнительные критерии: выручка от реализации за предыдущий год и/или балансовая стоимость активов за предыдущий год. Микроорганизации — коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, у которых среднесписочная численность работников не превышает 10 чел. и выручка от реализации за предыдущий год (или балансовая стоимость активов за предыдущий год) не превышает 100 млн драмов; малые — коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, у которых среднесписочная численность работников не превышает 50 чел. и выручка от реализации за предыдущий год (или балансовая стоимость активов за предыдущий год) не превышает 500 млн драмов.

К субъектам малого предпринимательства в Беларуси относятся:

- индивидуальные предприниматели, зарегистрированные в Республике Беларусь;
- микроорганизации — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год до 15 чел. включительно;
- малые организации — зарегистрированные в Республике Беларусь коммерческие организации со средней численностью работников за календарный год от 16 до 100 чел. включительно.

...**Малые предприятия в России** — действующие на конец отчетного года юридические лица — субъекты малого предпринимательства (включая временно приостановивших хозяйственную деятельность сроком не более 2 лет), средняя численность работников которых до 100 чел. включительно, выручка от реализации товаров (работ, услуг) за предшествующий год без учета НДС — не более 400 млн руб. Среди малых предприятий выделяются микропредприятия — до 15 чел. включительно» [3, с. 290–291].

Существующие в ЕАЭС различия (в определении «субъектов малого предпринимательства») затрудняют прямые межстрановые сопоставления, касающиеся выявления здесь предпринимательски более успешных и менее успешных стран. Но имеющиеся отличия вовсе не мешают анализу динамики развития малого предпринимательства в каждом из пяти государств. Объективной основой такого анализа мог бы стать ежегодный оборот этих предприятий, статданные о котором представлены в табл. 1.

Однако тут надо отметить еще одно серьезное обстоятельство, препятствующее непосредственному сопоставлению «оборота малых предприятий» стран — участников ЕАЭС. Дело в том, что стоимостная структура оборота предприятий вовсе не является одинаково понимаемой и признаваемой членами Евразийского экономического союза, то есть единый методологический подход здесь отсутствует, а позиции конкретных государств достаточно сильно различаются. Этому факту имеются убедительные подтверждения.

«**В Республике Армения** (выделено в оригинале. — В. С.) формируется «объем промышленной продукции» в стоимостном выражении. Объем продукции промышленной организации определяется без стоимости внутреннего оборота. Внутренним оборотом организации считается стоимость той части выработанных готовых изделий и полуфабрикатов, которая используется внутри данной организации на собственные промышленно-производственные нужды.

Оборот малых предприятий в странах ЕАЭС (млн долл. США)* [1, с. 277; 3, с. 300]

Страны	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Армения	2423	2311	3682**	3837	4529
Беларусь***	20449	20349	13804	13150	16035
Казахстан	12299	44686****	46002	39122	50577
Кыргызстан	1821	1737	1542	1616	2199
Россия	778806	695130	727391*****	581162	830725
ЕАЭС	815798	764213	792421	638887	904065

* Показатель рассчитан по курсам валют национальных (центральных) банков за год: по Беларуси — по средневзвешенному курсу белорусского рубля к доллару США, по Армении, Казахстану, Кыргызстану и России — по средним курсам национальных валют к доллару США.

** С учетом данных домашних хозяйств по найму прислуги.

*** Объем производства продукции (работ, услуг).

**** С 01.12.2013 предусмотрено использование для целей статистики критерия отнесения к субъектам предпринимательства только по численности занятых.

***** Выручка от реализации товаров (работ, услуг) по итогам сплошного наблюдения в 2015 г. за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства.

В Республике Беларусь формируется объем производства продукции (работ, услуг) — стоимость произведенной продукции, выполненных работ, оказанных услуг в отпускных ценах за вычетом налогов и сборов, исчисляемых из выручки. В объем производства продукции (работ, услуг) также включается сумма средств, полученных из бюджета в связи с государственным регулированием цен и тарифов, на покрытие убытков, на возмещение затрат на производство.

...В оборот предприятий в России включается стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, а также выручка от продажи приобретенных на стороне товаров (без налога на добавленную стоимость, акцизов и аналогичных обязательных платежей)» [3, с. 291–292].

Указанные выше особенности, относящиеся к публикуемой статистике «оборота предприятий», вынуждают нас к персональному рассмотрению каждой страны ЕАЭС и соответствующему анализу состояния ее малого предпринимательства.

Из данных табл. 1 хорошо видна многолетняя негативная динамика оборота малых предприятий в Республике Беларусь. Уровень 2013 г. здесь не достигнут до сих пор. В Кыргызстане же оборот малых предприятий не отличается стабильностью (в 2013–2015 гг. он падал, а затем стал расти).

Несколько иная ситуация в Армении, но лишь по формальным признакам. Тут с 2015 г. в статистику оборота малых предприятий включили «данные домашних хозяйств по найму прислуги» (см. пояснения к табл. 1). В результате этого 2013–2014 гг. фактически оказались несопоставимыми с 2015–2017 гг. Хотя оборот малых предприятий три последних года здесь растет, но сложное положение современной Армении (военное, экономическое и политическое) объективно не способствует динамичному развитию предпринимательства в стране.

По Казахстану, к сожалению, соответствующие данные за 2013–2014 гг. являются несопоставимыми из-за пересмотра критерия отнесения к субъектам предпринимательства (см. пояснения к табл. 1). Затем, то есть в 2015–2017 гг., в сфере малого предпринимательства здесь также прослеживается достаточно нестабильная экономическая динамика. Очевидно, что устойчиво-позитивные результаты малые предприятия Казахстана пока не демонстрируют.

В Российской Федерации оборот малых предприятий резко снизился после 2013 г. Это снижение (относительно 2013 г.) составило: в 2014-м — 10,8%; в 2015-м — 6,6%; в 2016-м — 25,4%. Но в 2017 г. оборот этих предприятий значительно вырос, превзойдя на 6,6% уровень 2013-го. Все это свидетельствует о нестабильности и уязвимости, присущей большинству малых предприятий РФ. Они, как и весь предпринимательский сектор России, вплотную столкнулись с целым рядом острых проблем, быстро и безболезненно решить которые будет нелегко. Кроме того, кризисные явления тут усугубляются еще и внешнеэкономическими обстоятельствами и конфликтами. Естественно, что и общий оборот малых предприятий ЕАЭС сильно колеблется «по годам» (см. последнюю строку табл. 1). В целом же страны Евразийского союза фактически оказались

перед лицом достаточно серьезных проблем в сфере предпринимательства, особенно малого и среднего. Ему хронически не хватает стабильности, предсказуемости, уверенности. Поэтому понятно желание выявить главные причины сложившейся ситуации. В этом нам может помочь сравнительный анализ экономической ситуации «здесь» и «там», то есть у нас и в западноевропейских государствах.

В данной связи подчеркнем тот факт, что во многих развитых странах, уделяющих расширению и поощрению предпринимательства постоянное внимание, ключевыми инструментами его экономической поддержки выступают всевозможные формы кредитования и страхования. Мировой опыт показывает, что доступность кредитных ресурсов и страхование предпринимательских рисков способны резко увеличить масштаб, привлекательность и результативность всей предпринимательской деятельности. Но объективные возможности кредитования и страхования определяются теми активами, которыми реально располагают действующие в стране финансово-кредитные организации. Имеющиеся у них активы (их величина и распределение) очень важны и значимы для любой экономики. Соответствующая информация, касающаяся государств Евразийского экономического союза, представлена в табл. 2.

Таблица 2

**Активы банков и страховых организаций стран ЕАЭС
(на конец периода, млрд единиц национальной валюты) [5, с. 31; 6, с. 32]**

Страна	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Армения						
активы банков	2471	2944	3411	3457	3995	4364
активы страховых организаций	38	50	43	41	47	50
Беларусь						
активы банков	317780	392626	495354	649324	66	69
активы страховых организаций	14333	18359	21119	25178	2,8	3,2
Казахстан						
активы банков	13880	15462	18239	23780	25557	24158
активы страховых организаций	443	523	613	826	857	925
Кыргызстан						
активы банков	87	111	138	178	178	198
активы страховых организаций	...*	1,7	2,0	2,8	2,7	3,3
Россия						
активы банков	49510	57423	77653	83000	80063	85192
активы страховых организаций	1117	1316	1547	1624	1869	2425

* Информация отсутствует.

Из данных табл. 2 следует, что активы страховых организаций в ЕАЭС повсеместно и во много раз уступают соответствующим возможностям кредитных организаций (банков), то есть финансово-экономический потенциал отечественных страховых компаний пока очень мал или крайне ограничен. Без масштабного и динамичного роста активов национальных страховщиков их фактическая роль в хозяйственной жизни каждой страны и далее будет оставаться вспомогательной, второстепенной и малозаметной.

Опыт развитых европейских стран, где страхование помогает и содействует экономическому прогрессу, пока мало применим в государствах ЕАЭС. Различные виды страхования, в том числе и предпринимательских рисков, не могут сегодня получить здесь широкого распространения по объективным причинам. Главной из них, как уже отмечалось выше, является незначительно малый объем активов, имеющихся у отечественных страховщиков. О масштабе проблемы и реальном положении дел говорят данные табл. 3, позволяющие сравнить фактическую ситуацию «у нас» и «у них». Она принципиально разная.

Естественно, что недавний экономический спад, наблюдавшийся в 2015–2016 гг. в ЕАЭС, не мог существенно изменить (улучшить) ситуацию в финансовой сфере. Кроме того, вопрос о динамичном наращивании активов отечественных страховщиков в Евразийском союзе пока только обсуждается, а его практическое решение займет здесь не один год и потребует значительных усилий. Заграничные же страховые организации (европейские, азиатские, американские и др.) едва ли будут сильно беспокоиться о развитии и страховой поддержке «чужих» предпринимателей.

**Активы страховых организаций некоторых стран в процентах к ВВП
(на конец периода, %) [6, с. 31]**

Страны	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Армения	0,8	0,9	1,1	0,9
Беларусь	1,7	2,6	2,7	2,6
Казахстан	1,4	1,4	1,5	1,5
Кыргызстан	0,3	0,4	0,5	0,5
Россия	1,7	1,6	1,8	2,0
Австрия	29,9	30,2	30,4	30,5
Германия	45,2	46,4	47,6	48,1
Норвегия	39,1	40,3	42,4	45,4
Франция	89,0	90,7	94,3	98,7
Швейцария	66,2	66,5	76,2	78,6

Так как сегодня во всех странах ЕАЭС банки являются ключевым субъектом финансового рынка, то им следует уделить особо пристальное внимание. Именно банки постоянно и активно поддерживают кредитами национальные экономики. Масштаб и динамику этого кредитования, осуществлявшегося у нас в 2013–2017 гг., отражают данные табл. 4.

Таблица 4

**Задолженность по кредитам, предоставленным физическим и юридическим лицам в странах ЕАЭС
(на конец года, млн долл. США) [4, с. 53, 60]**

Страна	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Армения					
Всего	(3090,4)	(3153,2)	(2979,6)	(3145,5)	(8253,2)
физическим лицам	1648,4	1710,0	1612,3	1611,0	1821,3
юридическим лицам*	3090,4	3153,2	2979,6	3145,5	8253,2
Беларусь					
Всего	27275,6	26497,0	20287,2	18281,0	19643,1
физическим лицам	5675,2	5311,1	3657,3	3633,1	4572,1
юридическим лицам	21600,4	21185,9	16629,9	14647,9	15071,0
Казахстан					
Всего	73507,9	66388,7	37335,4	38131,0	38348,8
физическим лицам	21496,9	20324,1	11430,6	11296,4	12822,2
юридическим лицам	52011,0	46064,6	25904,8	26834,6	25526,6
Кыргызстан					
Всего	1095,7	1337,5	1237,8	1350,6	1573,6
физическим лицам	98,7	112,9	114,7	139,0	155,9
юридическим лицам**	997,0	1224,6	1123,1	1211,6	1417,7
Россия					
Всего	982860,7	694653,1	555943,4	642594,8	717963,5
физическим лицам	303274,2	200765,9	145906,2	177617,3	210684,1
юридическим лицам	679586,5	493887,2	410037,2	464977,5	507279,4

* С учетом физических лиц и банков.

** Без учета просроченной задолженности.

Содержание табл. 4 свидетельствует о том, что Кыргызстан и Армения сильно уступают в объемах кредитования другим участникам ЕАЭС, то есть Беларуси, Казахстану и России. Именно эти три страны тут являются бесспорными лидерами. Их кредитная политика в сфере малого и среднего бизнеса представляется важным экономическим фактором. Ее мы далее и рассмотрим.

Общезвестно, что обильный поток кредитных ресурсов способствует росту экономической активности субъектов, а их хроническая нехватка — снижению или сворачиванию этой активности. Но соответствующая статистика ЕАЭС, характеризующая кредитование частнопредпринимательского сектора, пока не является полной и исчерпывающей (особенно плохо обстоят «статдела»

в Армении и Кыргызстане). Однако даже неполные статистические данные позволяют увидеть важные пропорции и тенденции, имеющие место в Беларуси, Казахстане и России, то есть в ведущих государствах Евразийского экономического союза (табл. 5).

Таблица 5

Задолженность по кредитам, предоставленным субъектам малого и среднего предпринимательства в некоторых странах ЕАЭС (на конец года, млн долл. США) [4, с. 77]

Страны	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Беларусь					
Всего		6532,3	4569,6	3876,9	4206,2
в том числе:					
– субъектам среднего предпринимательства	—	—	1931,1	1438,4	1583,4
– субъектам малого предпринимательства	—	—	2581,3	2384,2	2550,7
– индивидуальным предпринимателям	—	—	57,2	54,2	72,1
Казахстан					
Всего	8355,2	9805,6	6069,6	9316,2	8416,9
в том числе:					
– субъектам среднего предпринимательства	—	—	—	—	—
– субъектам малого предпринимательства*	6246,0	8110,8	5235,3	8491,3	7532,9
– индивидуальным предпринимателям**	2109,3	1694,8	834,4	824,9	883,9
Россия					
Всего	157677,1	90952,2	67030,1	73674,7	72393,8
в том числе:					
– субъектам среднего предпринимательства	—	—	—	—	—
– субъектам малого предпринимательства	—	—	—	—	—
– индивидуальным предпринимателям	19715,8	11425,5	6452,5	6403,3	6532,0

* Юридические лица — субъекты малого предпринимательства.

** Физические лица — субъекты малого предпринимательства.

Из содержания табл. 5 следует, что кредитование предпринимательства во всех трех странах переживает далеко не лучшие времена. В Беларуси уже три года подряд (2015-й, 2016-й, 2017-й) оно фактически находится в состоянии стагнации. Данные об общей сумме кредитов, полученных предпринимательским сектором в 2015–2017 гг., убедительно свидетельствуют об этом. В Казахстане все последнее пятилетие общая сумма кредитования малого и среднего предпринимательства (МСП) достаточно сильно колебалась «по годам», но за пять лет в среднем почти не изменилась. Фактически тут наблюдалась ежегодная волатильность и пятилетняя стагнация соответствующего кредитования. В России же за это время (2013–2017 гг.) общее кредитование предпринимательского сектора сократилось вдвое (см. табл. 5), то есть здесь финансовые условия деятельности МСП резко ухудшились. Таким образом, получается, что ныне в ведущих странах ЕАЭС кредитные условия являются неблагоприятными для развития предпринимательства. При этом очевидно, что само предпринимательство очень неоднородно, а его отдельные компоненты заметно разнятся между собой (по экономической роли, месту, приоритетности и т. д.). В связи с этим подчеркнем специфическую (системообразующую) роль индивидуальных предпринимателей. Попутно отметив, что их динамизм, адаптивность и креативность являются не только значительным, но и весьма доступным ресурсом быстрого роста и диверсификации любой национальной экономики. Именно индивидуальные предприниматели (ИП) представляют естественную «почву», или основу всего предпринимательского сообщества. На этой «почве» органично появляются и последовательно растут микро-, малые и средние организации.

Кроме того, достаточно важен и сравнительный анализ ситуации, сложившейся в настоящее время в лидирующей группе государств ЕАЭС. Все это вынуждает нас вновь обратиться к данным табл. 4 и табл. 5. Они позволяют представить кредитование ИП и МСП не в денежных единицах, а в процентах от общего кредитования экономики. Фактические суммы кредитов, предоставленных банками различным субъектам предпринимательства, нам известны (см. табл. 5). Соответствующий перерасчет конкретной субъектной задолженности в относительные величины, то есть «в проценты» от совокупного объема кредитования экономики, не составляет большого труда. В результате мы имеем реальную картину трех последних лет (2015–2017 гг.), объективно характеризующую кредитование ИП и МСП в ключевых странах ЕАЭС (табл. 6).

**Задолженность по кредитам, предоставленным субъектам предпринимательства
в Беларуси, Казахстане и России (на конец года, %)
[4, с. 53, 60, 77; расчеты автора]**

Страна	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Беларусь — предоставлено кредитов экономике (всего)	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
индивидуальным предпринимателям	0,3	0,3	0,4
субъектам МСП — всего	22,5	21,2	21,4
Казахстан — предоставлено кредитов экономике (всего)	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
индивидуальным предпринимателям	2,2	2,2	2,3
субъектам МСП — всего	16,2	24,4	21,9
Россия — предоставлено кредитов экономике (всего)	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
индивидуальным предпринимателям	1,2	1,0	0,9
субъектам МСП — всего	12,1	11,5	10,1

Данные табл. 6 показывают весьма ограниченную кредитную поддержку индивидуальных предпринимателей, а также невысокую приоритетность кредитования МСП во всех трех странах. Проведенный анализ финансовой поддержки предпринимательства в ЕАЭС позволяет сформулировать несколько итоговых выводов.

1. Индивидуальные предприниматели являются основанием (фундаментом) всей предпринимательской пирамиды. Органичный и сбалансированный рост предпринимательского сектора возможен только при постоянной опоре на ИП. Поэтому их масштабная кредитная поддержка представляется важным фактором успешного развития национального предпринимательства. Но в ведущих странах Евразийского экономического союза серьезного внимания данному вопросу пока не уделяется. Исследование показало, что в Беларуси на долю индивидуальных предпринимателей сейчас приходится примерно 0,5% выделяемых экономике кредитных ресурсов, в Казахстане — около 2%, а в России — приблизительно 1%. Естественно, что эти скромные цифры не способствуют разворачиванию и активизации индивидуальной предпринимательской инициативы. Да и в целом кредитование МСП для многих банков пока мало привычно и не очень привлекательно.
2. Уже ряд лет в ЕАЭС продолжается становление частнопредпринимательского сектора экономики. Отсюда проистекает настоятельная потребность предпринимателей во всевозможных формах экономической помощи и защиты. Важным направлением здесь является кредитно-страховая поддержка предпринимательской деятельности. Обе составляющие этого направления (кредитование и страхование) имеют большой позитивный потенциал. Но их реальные возможности и практическое значение предопределяется конкретным фактором — объемом активов, которым располагают кредитные и страховые организации каждой страны. Однако в государствах ЕАЭС суммарные активы кредитных организаций (банков) в десятки раз превосходят соответствующие активы страховых компаний. Поэтому содействие и помощь страховщиков предпринимательскому сектору (страхование всевозможных предпринимательских рисков) малознакомо нашему МСП. Кроме того, объективная роль страхования в экономической жизни двух географически близких союзов (Евразийского и Европейского) не может быть даже приблизительно сопоставимой, так как в странах ЕАЭС активы страховых организаций сейчас составляют 1–3% от величины ежегодного ВВП, а в развитых государствах ЕС, соответственно, от 30% и выше.
3. Три участника Евразийского союза (Россия, Казахстан, Беларусь) ныне имеют примерно одинаковые проблемы в сфере малого и среднего предпринимательства. Финансово-экономические инструменты, применявшиеся в этих странах для стимулирования МСП, обещали весьма схожий итоговый, или конечный результат. Он, к сожалению, невысок. Поэтому простое заимствование (в рамках ЕАЭС) используемых здесь методологических подходов, мер финансово-кредитной помощи и поддержки, механизмов госрегулирования и т. д. не может обеспечить эффективного решения ключевых проблем русского, казахского или белорусского МСП.

В целом же малое и среднее предпринимательство в государствах Евразийского экономического союза сейчас пребывает в состоянии стагнации и достаточно большой неопределенности. Но позитивные изменения здесь вполне возможны, если повседневной ЕАЭСовской реальностью станет интенсивная финансовая, правовая и информационная поддержка предпринимателей и предпринимательской деятельности.

Литература

1. Государства — члены Евразийского экономического союза в цифрах / Статистический ежегодник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2015. 382 с.
2. Евразийский экономический союз в цифрах / Краткий статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. 206 с.
3. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. М., 2017. 414 с.
4. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2017 г. / Статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. 124 с.
5. Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе 2012–2016 / Статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2017. 33 с.
6. Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе 2013–2017 / Статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2018. 33 с.

Об авторе:

Свиридович Василий Андреевич, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социально-экономического развития, Национальная академия наук Республики Беларусь, Институт экономики (Минск, Республика Беларусь), кандидат экономических наук; svirva54@mail.ru

About the author:

Vasiliy A. Sviridovich, Senior Researcher of the Department of Monitoring of Socio-Economic Development, the National Academy of Sciences of Republic of Belarus, Institute of Economics (Minsk, Republic of Belarus), PhD in Economics; svirva54@mail.ru

ПРАВО

Прогнозирование и практическая реализация политико-правовых идей постсоветской России

Архипова А. Ю.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
ayarkhipova@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье представлен анализ работы И. И. Лукашука «Внешняя политика России и международное право», посвященной проблемам становления внешней политики Российской Федерации; выделяются основные идеи в отношении направления внешнеполитического курса России, зарождения нового миропорядка, возрастания роли международного права, а также значения формального закрепления места международного права в правовой системе России. В статье рассматривается актуальность и значение идей и взглядов И. И. Лукашука в современное время, когда уже имеется возможность оценивать результаты его прогнозов. Отмечается значение данной работы для студентов — будущих специалистов в области международных отношений. *Ключевые слова:* международное право, международные отношения, внешняя политика России, миропорядок, Конституция Российской Федерации

Forecasting and the Practical Implementation of the Legal Ideas of Post-Soviet Russia

Anna Y. Arkhipova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; ayarkhipova@gmail.com

ABSTRACT

The article is based on the research of Igor Iv. Lukashuk “Foreign policy of Russia and international law” devoted to the development of Russian Federation’s foreign policy. This article includes the analysis of Lukashuk’s work, his mains ideas on the direction of Russia’s foreign policy and on the establishment of a new world order, on the growing importance of international law and on the formal enshrinement of international law in the legal system of Russian Federation.

This article is concentrated on the relevance and significance of Lukashuk’s ideas today when we have a chance to assess the validity of his projects. It also stresses the importance of his research for the future specialists in the field of international relations.

Keywords: international law, international relations, Russian foreign policy, world order, Constitution of Russian Federation

Игорь Иванович Лукашук был известным и авторитетным юристом Советского Союза и позже Российской Федерации, ученым с мировым именем, который внес значительный вклад в развитие международного права и знаний о международном праве. Он оставил после себя богатое научное наследие, с которым в той или иной степени знаком каждый человек, изучающий международное право. В данной статье рассмотрим работу «Внешняя политика России и международное право», написанную Игорем Ивановичем в 1997 г., в которой он исследовал процесс становления внешней политики Российской Федерации, и проанализируем значение идей, высказанных в статье, на сегодняшний день. Основной акцент в нашей статье будет сделан на высказанных ученым прогнозах будущего развития внешней политики Российской Федерации и становления нового мирового порядка.

После распада СССР Россия стала правопреемницей этого государства, унаследовав все обязательства, все международные договоры и внешние долги, а также место в Совете Безопасности ООН, однако не было сомнений, что это будет уже новое государство — демократичное по своей природе и не являющееся сверхдержавой. Вместе с тем вследствие распада Советского Союза образовался определенный политический вакуум, и было очевидно, что Россия является именно тем государством, которому суждено его заполнить. Это требовало от нового руководства страны переосмысления внешнеполитических интересов, их места в общей политике государства и разработки четкой стратегии внешней политики.

Ни для кого не секрет, что Российская Федерация в 90-х гг. была погружена в свои внутренние проблемы, достаточных ресурсов для участия в соревновании за место великой державы тогда не было. Именно в этот момент приверженность международному праву, осознание глобальных целей и задач, а также грамотная дипломатическая политика были теми средствами, которые могли помочь новому государству проводить достойную внешнюю политику.

Именно об этом И. И. Лукашук и пишет в своей статье. Как юрист-международник он анализирует важнейшие элементы внешней политики государства в 90-х гг. на основе права Российской Федерации и международного правового опыта. Автор подчеркивает, что в этот период внешняя политика государства была незаслуженно недооценена и поставлена в угоду исключительно внутренним, национальным интересам. Это, по мнению автора, существенно ограничивало возможности России на пути позиционирования себя как великой державы. В рассматриваемой статье автор анализирует Концепцию внешней политики Российской Федерации 1993 г., Конституцию Российской Федерации, конституционно-правовые основы разработки и реализации внешней политики с целью определить закрепленные в них принципы и цели и дать некоторые собственные рекомендации, а лейтмотивом данного анализа является попытка (и вполне удачная) проследить становление международно-правовой концепции России. Статья завершается предположениями автора о том, как будет выглядеть миропорядок в XXI в.

Мы выделим важнейшие мысли и идеи автора, а в конце дадим им свой собственный краткий анализ.

Введение

В 90-х гг. Россия находилась на достаточно трудном этапе развития и становления по причине сложнейших внутренних трансформаций, сопровождавшихся кризисными явлениями политического, социального, экономического характера. Этим легко можно объяснить гипертрофированность политики внутренней и падение интереса к политике внешней, которая переживала все негативные последствия доминирования сугубо внутривнутриполитических интересов.

По мнению И. И. Лукашука, разработка грамотной концепции внешней политики, которая учитывала бы новые особенности и потребности государства на тот момент, являлась крайне важной. И, как указывал автор, руководство страны вполне осознавало эту необходимость, что проявилось в принятии МИД РФ «Концепции внешней политики России» 1993 г., которая, однако, являлась скорее тактикой, нежели полноправной стратегией. Игорь Иванович выделяет следующие недостатки концепции:

- признание примата внутренней политики;
- узконациональная ориентация;
- прагматизм;
- недостаток творческого инициативного потенциала внешней политики.

Таким образом, как считает И. И. Лукашук, в концепции внешняя политика рассматривается лишь как инструмент для обеспечения национальных интересов, что совершенно не отражает реальность, в которой ни одно государство в мире не может обеспечить свои национальные интересы в одиночку. Это не соответствует и статусу великой державы. Внешняя политика великой державы не может основываться на сиюминутных, сугубо практических целях и задачах, она должна иметь определенную стратегию и идейное содержание, которое способно вдохновить и обеспечить поддержку как собственного народа, так и народов других стран.

Вместе с тем автор отмечает отсутствие интереса граждан к внешней политике, что ведет к определенному падению ее легитимности в столь ответственный для страны момент, а также подчеркивает труднодоступность информации о действиях государства на международной арене даже для специалистов в данной сфере вследствие недостаточной освещенности этого вопроса в средствах массовой информации.

Наконец, И. И. Лукашук делает важнейший вывод: «Составной частью концепции внешней политики должна быть связанная с ней международно-правовая концепция». Демократическое государство не может существовать без опоры на право.

1. Становление международно-правовой концепции России

Становление новой внешней политики Российской Федерации не только происходило в период становления самого государства, но и совпало со становлением нового миропорядка: конец двухполярного мира привел к усложнению международных отношений. Автор статьи не сомневается, что роль международного права от этого лишь возросла. Вместе с тем он отмечает неготовность многих государств к более широкому применению международного права, в качестве примера в статье приводится затянувшееся подписание Римского статута Международного уголовного суда. В таких условиях на России лежит обязанность по утверждению примата международного права с целью формирования нового мышления.

Мы можем видеть, что Российская Федерация приняла на себя эту обязанность, анализируя документы, которые формируют собой нормативную базу ее внешнеполитической деятельности. Так, положение о том, что «основные принципы международного права являются основой внешнеполитической деятельности», было закреплено в различных формулировках в Декларации о государственном суверенитете РСФСР, а затем в Конституции РФ 1993 г., которая произвела данное заимствование из Конституции СССР 1978 г.

2. Конституция России и международное право

И. И. Лукашук на основе анализа ряда положений Конституции Российской Федерации делает вывод о том, что она соответствует основным внешнеполитическим целям и задачам государства. По его мнению, основной закон России является по своему характеру «конституцией члена мирового сообщества», разработанной и принятой с полным осознанием связи нашего государства с остальным миром. Конституция признает существование глобальных интересов, ответственность государства за судьбу всего мира, необходимость защиты прав и свобод человека. Лукашук отмечает и то, что в Конституции России проявилась общая тенденция, согласно которой в конституциях многих стран мира увеличивается число общих статей, несмотря на различие их правовых систем. Эта тенденция позволяет предположить, что происходит сближение права конституционного и права международного. Еще одной важнейшей гарантией соблюдения государством своей глобальной ответственности является его демократический характер, и Конституция РФ закрепляет демократические основы устройства Российской Федерации.

Ученый отмечает, что в отличие от Конституции РСФСР и Конституции 1976 г. современная Конституция не содержит отдельную главу, в которой были бы обозначены основные принципы и задачи государства на международной арене. Тем не менее принципы международного права признаются Конституцией составной частью правовой системы РФ. В тексте основного документа РФ мы можем найти следующие принципы:

- Добросовестное выполнение обязательств по международному праву. Этому принципу посвящена ст. 15 Конституции РФ, которая гласит, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Таким образом, Россия закрепила на конституционном уровне свое обязательство соблюдать международное право. Это же обязательство вновь подчеркивается в Федеральном законе «О международных договорах» 1995 г. Конституцией предусмотрен и выбор в пользу международного права в случае расхождения норм права, закрепленных международным договором, и норм национального права.
- Принцип уважения прав человека. И. И. Лукашук отмечает, что этому принципу отведено центральное место в Конституции 1993 г. и что именно в данной сфере международное право оказало наибольшее влияние на национально право Российской Федерации. Доказательством этому может служить, например, положение Конституции, которое гласит, что права и свободы человека должны обеспечиваться «согласно общепризнанным принципам и нормам права и в соответствии с настоящей Конституцией». Закреплена на конституционном уровне и обязанность России защищать права своих граждан не только на национальном, но и на международном уровне. Подтверждением этому служит право граждан при определенных обстоятельствах обращаться в межгосударственные судебные органы, а также право на защиту со стороны своего государства даже за его пределами. С точки зрения Лукашука, защита прав бывших соотечественников, оставшихся в ходе исторических событий вопреки своей воле за пределами границ современной России, является первостепенной задачей Российской Федерации. Он также выражает сожаление в связи с тем, что в Концепции внешней политики 1993 г. права человека не занимают столь важного положения, как в Конституции России.
- Принципы территориальной целостности, равноправия и самоопределения. Данные принципы также нашли свое отражение в Конституции 1993 г. И. И. Лукашук придерживается мнения, что принцип самоопределения тесно увязан с принципом территориальной целостности. Он ссылается на Декларацию о принципах международного права 1970 г., которая гласит, что право на самоопределение не должно вести к расчленению государств, если они не проводят политику дискриминации и соблюдают в данном вопросе нормы международного права. Автор толкует этот принцип как право народа на политическую, экономическую и социальную систему, на соблюдение своих прав и свобод и считает, что именно в контексте самоопределения народов внутри государства данный принцип и закреплен в Конституции РФ.

- Принцип неприменения силы. При рассмотрении данного принципа И. И. Лукашук ссылается уже не на Конституцию РФ, а на Федеральный закон «Об обороне» 1996 г. и на «Основные положения военной доктрины Российской Федерации» 1993 г. На основе данных документов можно сказать, что Вооруженные Силы РФ направлены исключительно на «отражение агрессии, защиту целостности и неприкосновенности территории страны» и на выполнение обязательств по международным договорам. Вместе с тем, как отмечается в статье, изменилась позиция России в отношении неприменения ядерного оружия. В силу снижения своего военного потенциала Россия не взяла на себя политическое обязательство не применять ядерное оружие, принятое в 1982 г. СССР.

Среди целей внешней политики И. И. Лукашук выделяет следующие: закрепление за страной статуса великой державы, упрочение Содружества Независимых Государств, развитие двухсторонней и многосторонней дипломатии, активное участие России в международных организациях. При этом он отмечает, что добиться для России значительной роли на международной арене не представляется возможным, если не отойти от узконациональных интересов и чрезмерного доминирования внутренней политики над внешней. Этого же требует и задача превращения СНГ в реально действующую, весомую международную организацию. Что касается участия Российской Федерации в других международных организациях, автор рекомендует принимать более деятельное участие в разработке методов и инструментов увеличения влияния международного права в рамках ООН, обращать должное внимание на распространение знаний о международном праве и всячески поддерживать расширение юрисдикции международных судов.

3. Конституционно-правовые основы внешней политики

В данной части статьи обозначены правовые основы, на которых строится внешняя политика России. И. И. Лукашук выводит эти основы преимущественно из Конституции Российской Федерации, большое внимание он отводит и их сравнению с правовыми основами других государств. Общим принципом проведения внешней политики является принцип, согласно которому каждому государству на международной арене принадлежит всего один голос. В связи с этим становится очевидна необходимость как можно более успешной и быстрой координации действий всех государственных органов, задействованных в данном процессе.

Президент. Президенту Российской Федерации отводится сразу несколько чрезвычайно важных ролей во внешнеполитической деятельности. Он представляет государство на международной арене (этим он призван обеспечить выполнение принципа единства внешней политики); участвует в разработке и реализации внешней политики совместно с правительством; утверждает военную доктрину России; ведет переговоры и подписывает международные договоры (в том числе и не нуждающиеся в ратификации парламентом); назначает и снимает дипломатических представителей государства за рубежом. Крайне широки и возможности влияния президента как Верховного главнокомандующего на внешнюю политику. В целом Лукашук отмечает, что роль президента определяется не только правовыми, но и политическими нормами: полномочия президента могут быть как несколько шире, так и несколько уже, в зависимости от политических реалий.

Федеральное собрание. Федеральное собрание наделено существенными правовыми полномочиями и значительной ролью в данной сфере деятельности государства. Это может объясняться его статусом высшего представительного органа государства. Оно наделено следующими внешнеполитическими функциями: принятие законов, необходимых для реализации внешней политики; принятие законов по вопросам войны и мира; возможность отрешения от должности президента и вынесение вотума недоверия правительству. Вместе с тем Федеральное собрание обязано соблюдать определенный баланс полномочий во внешнеполитической сфере.

Цели соблюдения баланса полномочий, который является единственным способом обеспечить эффективную взвешенную внешнюю политику, служит принцип разделения властей. При этом, как отмечается в статье, в сфере внешней политики деление несколько иное, чем в сфере внутренних компетенций. Президент разрабатывает внешнеполитический курс, заключает международные договоры, которые становятся частью правовой системы России, а парламент, в свою очередь, гарантирует законодательное и финансовое обеспечение данного курса. И. И. Лукашук считает, что это потенциально могло бы привести к определенной борьбе за власть между президентом и правительством, что уже происходило ранее, например, при принятии Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». В идеале принцип разделения властей призван служить сбалансированности внешней политики, однако достаточно часто он приводит к перекосам, что можно увидеть в Соединенных Штатах, где достаточно часто возникают своего

рода конфликты между законодательной и исполнительной властью. Разногласия между исполнительной и законодательной властью по поводу проводимой внешнеполитической политики привели к появлению политических соглашений, которые не обладают обязательным характером, но вместе с тем и не требуют ратификации парламентом (к такому же средству обхода парламента относят и джентльменские соглашения).

Суд. Ученый отмечает, что существует определенная тенденция к возрастанию значения данной ветви власти во внешней политике. В прошлом суды считали, что внешнеполитические споры выходят за пределы их компетенции, однако, после того как международное право стало все больше и больше проникать в право внутреннее, их позиция претерпела изменения. В настоящее время обеспечение государством своих международно-правовых обязательств возможно только при активном участии судов. Лукашук справедливо отмечает, что участие судов значительно повысило эффективность международного права. Решения суда могут оказывать значительное влияние на международные отношения, однако вместе с тем суды не могут принимать во внимание внешнеполитический курс руководства страны. Важно помнить, однако, что роль конституционных судов во внешнеполитических делах в разных странах определяется по-разному.

Государственный аппарат. Роль государственного аппарата в проведении и формировании внешней политики достаточно велика. Так, Совет по внешней политике при Президенте Российской Федерации задействован в формировании, прогнозировании, проработке внешней политики. Главное управление Президента по вопросам внутренней и внешней политики выполняет значительные организационные функции при разработке и реализации внешней политики. Совет безопасности и Совет обороны также определяют внешнюю политику государства в пределах своей компетенции.

МИД Российской Федерации. В контексте рассмотренной выше проблемы баланса полномочий невозможно недооценить роль МИД Российской Федерации. Функциями МИД являются: разработка общей стратегии внешней политики; способствование достижению целей и задач России в правовых, научно-технических, торгово-экономических, культурных вопросах, а также в вопросах обороны и безопасности за рубежом дипломатическими методами; реализация внешнеполитического курса Российской Федерации; способствование согласованному взаимодействию исполнительной, законодательной и судебной власти по вопросам внешней политики; способствование согласованию вопросов внешнеполитического характера между исполнительной властью и субъектами; разработка международных договоров и подготовка рекомендаций и пр. по их заключению. Таким образом, мы видим, что функции МИД России определены более чем широко, что объясняется его первостепенным значением во внешней политике. Однако И. И. Лукашук констатирует, что необходимо предусмотреть аналитические и прогностические функции данного органа, а также сделать одной из его задач пропаганду внешней политики среди населения.

4. Миропорядок XXI в.

По мнению И. И. Лукашука, грамотная Концепция внешней политики возможна только при учете будущего, в противном случае она сразу же окажется устаревшей. На первый план выходит прогнозирование и превентивная дипломатия. Автор статьи считает, что лишь стратегия, основанная на идее и прогнозировании, способна помочь в достижении внешнеполитических целей. Наиболее эффективными средствами прогнозирования он считает технические средства (ЭВМ), метод аналогии, коллективную оценку, моделирование.

И. И. Лукашук также рекомендует сосредоточить внимание на глобальных задачах. Среди таких задач — предотвращение создания новых разделительных линий (в первую очередь предотвращение расширения НАТО). Гораздо более целесообразным шагом, с его точки зрения, является усиление роли ОБСЕ в обеспечении европейской безопасности. Не менее важной ему представляется и разработка новой программы разоружения, безопасности и стабильности. При этом особое место в обеспечении приверженности государств международному праву и поддержанию мира автор отводит ООН. Он призывает сохранять и наращивать влияние ООН, устраняя при этом такие дефекты в работе организации, как «санкционный синдром», прогнозирует рост значения резолюций ООН и Международного суда, а также расширение возможностей Совета безопасности. В статье высказывается предположение, что государство останется основной единицей международных отношений. При этом прогнозируется, что рост центробежных факторов приведет к усилению сепаратистских настроений, чему благоприятствует и отсутствие внешней угрозы государствам. Размышляя о будущем устройстве мирового сообщества, особенно интересным и полезным И. И. Лукашуку виделся опыт европейской интеграции как возможный способ решения множества современных проблем.

Игорь Иванович видел новый порядок демократическим и глобальным, порядком всего мирового сообщества, а не отдельных стран, который будет отмечен высоким моральным уровнем участников, справедливостью и приверженностью защите прав человека. Он выражал надежду на то, что на смену национальному сознанию придет сознание интернациональное, что каждый осознает свою связь с остальным миром и это приведет к усилению и закреплению права ответственности. Международное право при таком мироустройстве будет играть колоссальное значение, возрастет вместе с этим и значение внешней политики государств. Автор приходит к выводу, что Российская Федерация должна обеспечить разработку и принятие такой Концепции внешней политики, которая будет соответствовать новым реалиям, позволит стране стать частью международного сообщества равноправных членов и принять на себя историческую ответственность за судьбу всего мира.

Таким образом, статья И. И. Лукашука является достаточно объемным трудом, в котором он обозначает основы внешней политики России в середине 90-х гг., а также выделяет те моменты, которые являются важными для утверждения за РФ статуса великой державы в XXI в., когда мировой порядок претерпит определенные изменения.

На наш взгляд, ключевая идея автора заключается в том, что только продуманная стратегия, нацеленная на будущее, направленная на обеспечение не только национальных, но и глобальных интересов, полностью учитывающая международное право и несущая в себе идеи гуманизма и интернационализма, будет успешной для выполнения той исторической роли, которая предназначена Российской Федерации. Эта стратегия должна быть отражена в основных законодательных актах государства и должна являться основной осью его внешнеполитической деятельности. Действительно, концепция внешней политики является документом, значение которого, несмотря на его временный характер, трудно переоценить. Она служит тем ориентиром, который призван помочь облегчить проведение внешнеполитической деятельности в рамках достаточно сложной системы разделения полномочий, которую обозначил автор в своей статье. Однако не менее важным является то, что концепция является и отражением ценностей государства, его видения устройства международных отношений и своей роли в этих отношениях, а это именно те элементы, которые могут служить основой для долгосрочного и стабильного партнерства с другими странами. Очевидно и то, что в условиях постоянно и стремительно меняющегося мира только стратегия, являющаяся результатом тщательного прогнозирования и наполненная глобальными целями и неустаревающими идеалами, сможет оставаться актуальной достаточно долго.

Невозможно не согласиться с Игорем Ивановичем Лукашуком и в том, что институт ответственности и нормы международного права, действительно, являются одной из важнейших частей прогресса мирового сообщества. Только с принятием на себя государствами более широких обязательств перед своими гражданами и перед человечеством в целом мы перейдем на новый этап, на котором будущее будет создаваться осознанно и совместно всеми странами земного шара.

Идеи этого выдающегося юриста во многом представляются правильными и актуальными, вместе с тем реалии как российские, так и общемировые претерпели существенные изменения. Статья была написана более 20 лет назад, что является значительным временным отрезком. Так, в Российской Федерации в наши дни, наоборот, отмечается определенный перекося в пользу внешней политики и умышленно гипертрофированный интерес к ней населения, которое вместе с тем не имеет достаточных возможностей для оказания на нее какого-либо влияния.

Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. носит более универсальный и всеобъемлющий характер: в ней Российская Федерация открыто позиционирует себя как одну из ведущих держав, заявляет о своей ответственности перед миром и о приверженности международному праву. Положение о том, что внешнеполитическая деятельность государства проводится для достижения национальных интересов, однако, сохранилось: «В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на выполнение следующих основных задач...»¹. Присутствует и положение, которое гласит следующее: «Россия проводит самостоятельный и независимый внешнеполитический курс, который продиктован ее национальными интересами». Защита прав человека также обозначена в Концепции лишь в самых общих чертах.

В настоящее время лидирующую роль в формировании и проведении внешней политики занял президент, а парламент выполняет свои функции в данной сфере скорее формально. И. И. Лукашук описывал в своей статье проблему конкурирования ветвей власти за влияние на внешнюю

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации 30.11.2016 № 640 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.01.2019).

политику, мы же в настоящее время наблюдаем скорее недостаток баланса полномочий. МИД России, действительно, нарастил свою силу и занял гораздо более активную позицию, вместе с тем его возможности по прогнозированию уступают таким возможностям ряда других ведущих стран.

В целом Российская Федерация является последовательным сторонником соблюдения международного права, о чем неоднократно заявляли высшие лица государства, вместе с тем в последние годы она оказалось вовлечена в ряд событий, которые являются несколько спорными с точки зрения норм международного права. Те черты, которые И. И. Лукашук видел возможными в мироустройстве XXI в., на сегодняшний день во многом так и не проявились в достаточной степени. Государства все еще не готовы к расширению юрисдикции Международного суда, Римский статут международного уголовного суда по-прежнему не подписан большим количеством ведущих держав (включая Россию). Деятельность ООН вызывает большое количество вопросов и критики, некоторые страны применяют силу в обход Совета безопасности, резолюции Генеральной Ассамблеи носят рекомендательный характер.

В современном мире, действительно, можно проследить усиление тенденций к сепаратизму, несмотря на то, что среди прочих глобальных угроз теперь с новой силой заявляет о себе терроризм. Увеличивается и количество международных конфликтов в целом. Будущее европейской интеграции, которая представлялась автору одной из возможных моделей будущего устройства отношений между государствами, в последнее время в связи с решением Великобритании о выходе из ЕС, ростом национализма и сепаратизма, миграционным кризисом в Европе, обострившим разногласия между европейскими странами и усугубившим обособление Вышеградской группы, также стоит под вопросом. Другие страны так и не смогли повторить этот уникальный опыт, оставаясь преимущественно на значительно более низком уровне интеграции или же проводя интеграцию сугубо в экономической сфере.

Вместе с тем страны расширяют свою работу по гармонизации и унификации международного права, все большее внимание уделяют проблемам глобального потепления, неравенства севера и юга, как никогда осознают свою ответственность за судьбу всех живущих на нашей планете. Что, однако, достаточно часто приводит к искажениям норм международного права. Остается надеяться, что обозначенные кризисные явления всего лишь временные трудности на пути человечества к новому миропорядку.

Работа И. И. Лукашука «Внешняя политика России и международное право», как нам кажется, не только раскрывает базовые аспекты основ процесса формирования и реализации внешнеполитического процесса, но и служит прекрасным ориентиром, с которым можно сверять наше настоящее. Несомненно, идеи Игоря Ивановича и на сегодняшний день являются передовыми, однако ряд тенденций в современных международных отношениях позволяет утверждать, что по крайней мере часть его идей постепенно находит свое отражение в XXI в.

Навык прогнозирования является одним из важнейших для будущих специалистов в области международных отношений. Статья И. И. Лукашука, которая послужила основой для этой работы, является хорошим материалом для развития данной компетенции. Она служит примером комплексного, всестороннего анализа, который делает возможным выявление слабых сторон и выработку предложений по преодолению пробелов и противоречий в правовом массиве. Использование сравнения и аналогии, а также выделение общих трендов, как это было сделано И. И. Лукашук, позволяет дать более обоснованный и долгосрочный прогноз развития международных отношений и международно-правового регулирования. Более того, работы выдающегося юриста имеют высокую ценность для тех, кто изучает право, поскольку они позволяют проследить эволюцию внешнеполитической доктрины и места права во внешней политике Российской Федерации. Таким образом, работа служит достойным примером политико-правового анализа и юридического прогнозирования и рекомендуется для обязательного изучения студентами-международниками.

Об авторе:

Архипова Анна Юрьевна, студент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ayarkhipova@gmail.com

About the author:

Anna Y. Arkhipova, Student of School of International Relations Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); ayarkhipova@gmail.com

Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях

Воронов А. М.

Институт государства и права Российской академии наук, Экспертно-консультативный совет при Совете ПА ОДКБ, Москва, Российская Федерация; adminlaw@igpran.ru

РЕФЕРАТ

Целью данной работы является совершенствование правового администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях. На основе научных методов познания автором анализируется современное состояние исследуемой проблематики, изучаются актуальные вопросы правового регламентирования миграционных процессов как в глобальном мировом масштабе, так и применительно к территории, находящейся под юрисдикцией ОДКБ. Автором раскрываются причины и выявляются условия возникновения нежелательных миграций, когда под видом беженцев боевики проникают на сопредельную территорию для совершения террористических акций. Автору представляется целесообразным инициировать рассмотрение вопроса о законодательном ограничении нежелательных миграций не только в Российской Федерации, но и в государствах — участниках ОДКБ, поскольку границы здесь абсолютно «прозрачны».

Ключевые слова: правовое администрирование, миграционные процессы, нежелательная миграция, ИГИЛ (ДАИШ), пространство ОДКБ

Topical Issues of Administration of Migration Processes on Space of the CSTO in Modern Conditions

Alexey M. Voronov

Institute of the State and the Right of the Russian Academy of Sciences, Expert Advisory Board at Council of PAS of the CSTO, Moscow, Russian Federation; adminlaw@igpran.ru

ABSTRACT

The purpose given works is improvement of legal administration of migration processes on space of the CSTO in modern conditions. On the basis of scientific methods of knowledge, the author analyzes the current state of the studied perspective, topical issues of legal regulation of migration processes as in global world scale, and applicable the territory which is under jurisdiction of the CSTO are studied. The author the reasons reveal and conditions of emergence of undesirable migrations when under the guise of refugees fighters get on the adjacent territory for commission of acts of terrorism come to light. Summarizing the author it is advisable to initiate consideration of a question of legislative restriction of undesirable migrations not only in the Russian Federation, but also in the CSTO State Parties as borders “are absolutely transparent” here.

Keywords: legal administration, migration processes, undesirable migration, ISIL (ISIS), space of the CSTO

“Omniafluunt, omniamutantur (все течет, все изменяется)”, — сказал великий философ античности Гераклит, так становление и развитие Российской государственности, да и всего мирового социума столь динамично и интенсивно.

31 октября 2018 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ о Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. (далее — Концепция) в связи с необходимостью актуализации целей, задач и основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере миграции. Действующая концепция (утверждена в 2012 г. и должна была действовать до 2025 г.) в нем объявляется утратившей силу. В документе прописываются «цель, принципы, задачи и основные направления государственной миграционной политики», исходя из анализа сложившейся практики регулирования миграционных процессов и современного понимания национальных и глобальных современных проблем миграции за прошедшие 6 лет, при этом отмечается, что в 2012–2017 гг. были усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции.

Как показал анализ, Концепция является сложно структурированным документом, раскрывающим современные тенденции в сфере миграции в Российской Федерации, которые обусловлены в основном экономическими и социальными факторами. Достоинством новой Концепции является положение о том, что за последние годы существенно возросла миграционная активность вблизи внешних границ Российской Федерации и в зоне ее интересов.

Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в 2014–2015 гг., ставший одной из причин негативных социально-экономических процессов в европейских государствах, также способствует проникновению в эти государства членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления могут стать угрозой как для Российской Федерации, так и для приграничных с ней государств. Однако явным упущением Концепции является отсутствие положений, касающихся именно нежелательной миграции. В предыдущей редакции Концепции были даны более десятка трактовок понятия миграции: начиная от временной и заканчивая незаконной миграцией. Однако здесь следует отметить, что же мы понимаем под нежелательной миграцией. Под нежелательной миграцией нами предлагается понимать перемещение боевиков ДАИШ (ИГИЛ) под видом беженцев из стран Арабского Востока, Северной Африки и т. д., в которых США под предлогом навязывания демократических режимов были инициированы цветные революции, целью которых является свержение легитимно избранного руководства (захват власти). При этом боевики под видом беженцев проникают в Европу для тех же целей — проведение террористических операций и свержение власти как в странах ЕС, так и на постсоветском пространстве стран — участниц ОДКБ. Не секрет, что боевики планируют в перспективе создание на территории ЕС Шариатского государства.

Целью обновленной миграционной политики в Концепции объявлено создание в этой сфере ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе и т. д. Представляется более корректной цель миграционной политики, прописанная в прежней редакции Концепции, где на первом месте значилось «обеспечение безопасности РФ, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения страны и говорилось о необходимости стабилизации и увеличения численности и содействия обеспечению потребности экономики в рабочей силе».

Здесь представляется уместным уточнить, что без надлежащей обороны и защищенности национальных интересов не может быть суверенной российской государственности. При этом приоритетными направлениями развития Концепции должны являться именно национальные интересы в сфере обороны нашего отечества и обеспечения безопасности личности, гражданского общества и всего государства в целом. Таким образом, именно нежелательная миграция, когда под видом переселенцев (беженцев) боевики запрещенных мировым сообществом террористических организаций проникают на территорию стороннего государства с целью проведения терактов и свержения законного политического режима (власти), является одной из существенных угроз международной (транснациональной) безопасности.

Основу права международной безопасности составляют общепризнанные принципы современного международного права, в том числе: неприменение силы или угрозы силой, территориальная целостность государств, нерушимость государственных границ, невмешательство во внутренние дела государств, мирное разрешение споров, сотрудничество между государствами. Однако сегодня мы видим слабость международных институтов, неспособных остановить кровопролитные конфликты там, где, по сути, не существует государств, а есть лишь псевдогосударственные образования. Но не менее опасна и попытка отдельных государств заменить собой международные институты, присвоив себе право самостоятельно определять, где же необходимо внешнее вмешательство. Зачастую получается, что суверенитет государств нарушается там, где реальных глобальных угроз не существует. Зато есть практические интересы крупных государств, самовольно взявших на себя функции международных институтов.

Некоторые современные международные структуры (наиболее наглядный пример — ООН) находятся в глубоком кризисе и показали свою полную неспособность помогать в решении действительно опасных конфликтов. (Яркий пример — ситуация у Крымского моста, когда украинские ВМС спровоцировали нарушение государственной границы Российской Федерации 22–23 ноября 2018 г.) Однако вместо реформирования этих структур США и ряд стран Западной Европы начали самостоятельно решать, где может использоваться их право на нарушение национального суверенитета. Делается это зачастую необоснованно, а глобальные угрозы для человечества используются в качестве бездоказательного, но действительного предлога. Там, где действительно гибнут сотни тысяч людей и требуется вмешательство мирового сообщества, никто не спешит это делать. Огромное количество западных фондов и общественных организаций постоянно рассказывают о катастрофических событиях в Африке, но тема решения конфликта в том же Судане совершенно не заботит политическое руководство США и ЕС, которые не спешат в него вмешиваться. Зато там, где никакой угрозы человечеству нет и в помине, суверенитет нарушается довольно безапелля-

ционно. Это может быть как прямым военным вторжением, так и участием в подготовке государственных переворотов и революций. Все это делается вовсе не из-за соображений глобальной безопасности, а в конкретных политических и экономических интересах ряда государств. Например, не является секретом, что Ирак обладает крупнейшими запасами нефти и газа, а в Судане таких ресурсов нет. Военная кампания в Ираке является наглядным примером подтасовки фактов для аргументации нарушения суверенитета страны. Решения мирового сообщества о возможности военной операции в Ираке не было, однако США и Великобритания прикрылись заявлениями о наличии «неопровержимых» доказательств разработки оружия массового поражения в Ираке. Впоследствии оказалось, что эти «доказательства» были в самой грубой форме сфальсифицированы. Администрация США была вынуждена признать, что на территории Ирака не было обнаружено явных свидетельств того, что Ирак действительно приступил к изготовлению химического или бактериологического оружия. Глава американской группы инспекторов по вооружениям Дэвид Кей ушел в отставку, заявив, что Ирак не располагал запрещенными видами вооружений. Передавший журналистам информацию о грубых подтасовках доклада о якобы имеющемся у Ирака оружии массового поражения эксперт министерства обороны Великобритании Дэвид Келли погиб при весьма загадочных обстоятельствах.

Когда говорят о внешних вызовах и угрозах, практически всегда приводят одни и те же аргументы: международный терроризм, наркоторговля, распространение ядерного оружия, региональные войны — и так вплоть до глобального потепления. Этот стандартный набор, к великому сожалению, на сегодняшний день существенно изменился. С учетом реалий сегодняшнего дня представляется целесообразным обратить внимание на некоторые угрозы и вызовы, о которых порой замалчивается, хотя они уже имеют давнюю историю. При этом данные угрозы актуализировались именно сегодня. Так, национальные интересы США, например мировой гегемонизм во всех его проявлениях, являются прямой угрозой национальным интересам России, впрочем, как и большинству других стран мира. Сегодня практически многие уже признают, что рост международного терроризма, вплоть до возникновения Аль-Каиды и ИГИЛ, является прямым следствием политики США, которые намеренно, согласно своим национальным интересам, устанавливают так называемые ими «демократические режимы» в целом ряде европейских стран, стран Ближнего Востока и ЮАР путем содействия сепаратистам в свержении законно избранного политического режима.

В современных условиях в государствах, национальным интересам которых противостоит внешняя политика США, объективно возникают два взаимообусловленных процесса нежелательных миграций. Первый обусловлен развитием хаоса от так называемых цветных революций и представляет собой вынужденную миграцию, где выталкивающими факторами являются насильственная радикальная исламизация, фашизация общества и, наконец, открытое уничтожение отдельных социальных слоев населения. Второй, напротив, формируется на почве ускоренной враждебной трансформации социальных отношений (Сирия). Таким образом, мы столкнулись с масштабными за всю историю современного мира потоками мигрантов из числа противников (в большинстве своем жертв) и сторонников «новых» революционных отношений, которые ранее приводили к масштабным изменениям геополитической карты мира в конце XVIII в. и начале XX столетия.

С позиции международного права данные виды миграций, возникающие на фоне деструктивных социальных изменений, вполне легитимны и, по существу, должны быть обеспечены «принимающими» сторонами в лице государств, признающих право на свободу передвижения и убежище, в качестве гаранта реализации данной свободы. Вместе с тем с потоками беженцев в искомые страны въезда устремляются эмигранты, активные участники (боевики) и просто пособники преступных организаций, управляемых в первую очередь США, для ведения подрывной работы в очередном государстве-жертве. Цель таких планируемых миграций вполне очевидна.

Во-первых, это юридическое закрепление правового статуса своих сторонников под эгидой беженцев.

Во-вторых, формирование в новой социальной среде платформы для новоиспеченных «революций» или как минимум вербовка наемников для ведения войн в «захваченных» странах исхода.

Актуальность данных положений уместно аргументировать официальными источниками. Как пишет австрийское издание *Kronen Zeitung* от 04.11.2018, свыше 20 тыс. мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки проникли в Боснию и Герцеговину и намерены в ближайшее время прорваться на территорию Европейского союза, при этом ситуация осложняется тем, что практически все нелегалы вооружены ножами. По данным МВД Австрии, большинство мигрантов — выходцы из Пакистана, Ирана, Алжира, Марокко (точно идентифицировать их невозможно, так как многие уничтожают свои документы). В основном это молодые люди, среди которых почти нет женщин и детей. А стремятся они в Германию и скандинавские страны, где уже созданы

прекрасные условия для их пребывания. Ранее Хорватия, находящаяся на «передовой», разместила специальные подразделения на границе. Лишь это помогло предотвратить прорыв, который свыше 200 мигрантов пытались осуществить в конце октября 2018 г. Тогда в столкновениях пострадали около десятка человек, половина из них — полицейские. Следует обратить внимание на тот факт, что нынешние события на Арабском Востоке, в Северной Африке и Евросоюзе являются звеньями одной, извне спланированной цепи и полностью вписываются в разработанную в США геополитическую теорию «управляемого хаоса». На сегодняшний день государства — участники Договора о коллективной безопасности не исключение. Европа пока является лишь благоприятной средой. В результате активных боевых действий в Сирии и на севере Ирака образовалось большое число беженцев, которые в своей общей массе находятся в Иордании и Турции, однако при этом стремятся найти убежище в более благоприятных странах Евросоюза. Поэтому последние 2–3 года в Европе наблюдается кризисная ситуация, связанная с резким ростом неконтролируемого потока вынужденных мигрантов. Попросту европейские власти столкнулись с проблемами массового перемещения через государственные границы государств — членов ЕС людей из Ближнего Востока в поисках лучших условий жизни под предлогом боевых действий в государствах своей гражданской принадлежности. За этот период границу ЕС пересекли свыше 2 млн мигрантов. ООН прогнозирует в ближайшие два года как минимум до 5–8 млн переселенцев. На сегодняшний день для них благоприятной средой пока является Европа. Российская Федерация, государства — участники Договора о коллективной безопасности, по нашему прогнозу, не станут исключением.

Евросоюз трещит по швам, повсеместно возведены приграничные заграждения, налицо многократное обострение криминальной обстановки. Более того, когда Исламское государство, по сути, объявило войну мировому социуму, данная проблематика является весьма актуальной. Можно привести множество подтверждений тому: террористическая атака 13.11.2015 во Франции. В терактах погибли соответственно 224 чел. и более 120 чел. получили ранения. 22 марта 2016 г. — два взрыва в аэропорту Брюсселя (Бельгия), третий — в метро. Погибло 34 чел. Более 200 получили ранение. По официальным данным Europol, 135 Tote durch islamistischen Terror (нем.), Zeit Online от 15.06.2017, в последние годы в Западной Европе отмечается общее увеличение количества жертв терактов. Так, в 2015 г. на территории Европейского союза в результате терактов погиб 151 чел. и более 360 чел. получили ранения различной степени тяжести. В 2016 г. в результате терактов в Европе погибло 142 чел., из них 135 стали жертвами исламистов (данные Европола).

На наш взгляд, ИГИЛ сегодня главная угроза безопасности планетарного масштаба. Цель ИГИЛ — создание Шариатского государства путем захвата всего Ближнего Востока, Северной Африки, Средней Азии и даже России. ИГИЛ — это хорошо организованный механизм по осуществлению терроризма, наркоторговли, захвата заложников и проч. В настоящее время на стороне Исламского государства воюют, по разным данным, около 10 тыс. русскоязычных боевиков, из них одномоментно в рядах ИГИЛ находится примерно 5–8 тыс. русскоязычных боевиков, еще 2–5 тыс. находятся на отдыхе и в лагерях подготовки. В случае возврата даже части этих людей в страны своей гражданской принадлежности (государства СНГ) террористическая угроза на территории как Российской Федерации, так и государств — участников ОДКБ может резко возрасти. В этой связи представляется необходимым инициировать рассмотрение вопроса о законодательном ограничении нежелательных миграций не только в Российской Федерации, но и в государствах — участниках ОДКБ, поскольку границы у нас абсолютно «прозрачны». Речь идет о законодательном закреплении (уточнении) трех правовых институтов национальных законодательств:

- ограничения (запрета) въезда определенным категориям иностранных граждан (возможно, запрета въезда лицам, имеющим двойное гражданство, либо виды на жительство, полученные в государствах не своей гражданской принадлежности), причастным к террористической деятельности;
- ограничения (запрета) выезда гражданам в государства с повышенным уровнем террористической опасности и на отдельные территории без признанного международным сообществом правового статуса, где ведутся военные действия;
- применения мер принуждения в отношении иностранных граждан, чье пребывание на территории государства въезда как из числа дальнего зарубежья, так и государств — участников ОДКБ представляет угрозу безопасности и национальным интересам государства въезда.

В последнем блоке правовых инноваций в рамках развития института принуждения, применяемого к рассматриваемой категории иностранных граждан, законодательно должны быть закреплены механизмы контроля за лицами, в отношении которых вынесены представления о нежелательности пребывания (проживания) на территории государства — участника ОДКБ, вынесшего соответствующее решение.

Цель предлагаемого законопроекта не ограничивается только защитой интересов каждого из государств — участников ОДКБ. Единые правовые подходы к проблемам противодействия экстремизму в этих государствах позволят на системной основе в рамках совместной правоохранительной деятельности по контролю за лицами (гражданами государств — участников ОДКБ) существенно снизить уровень угроз, исходящих от международных террористических организаций. При этом на законодательном уровне будет реализована общегосударственная превентивная функция по отношению к потенциальным наемникам (жертвам) в лице представителей молодежи наших государств, склонных к вербовке со стороны эмиссаров террористических организаций и сомневающих в себе. Эти и многие другие угрозы безопасности и территориальной целостности государств — участников ОДКБ актуализировались именно сегодня и требуют, на наш взгляд, незамедлительного решения.

Об авторе:

Воронов Алексей Михайлович, заведующий сектором административного права и процесса, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, эксперт РАН, член Экспертно-консультативного совета при Совете ПА ОДКБ (Москва, Российская Федерация), профессор, доктор юридических наук; adminlaw@igpran.ru

About the author:

Alexey M. Voronov, Professor Managing the Sector of Administrative Law and Process, the Chief Researcher of Institute of the State and the Right of the Russian Academy of Sciences, the Expert of RAS, the Member of the Expert Advisory Board at Council of PAS of the CSTO (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor; adminlaw@igpran.ru

ПОЛИТИКА

К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве

Кефели И. Ф.^{1,*}, Комлева Н. А.²

¹ Центр геополитической экспертизы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *geokefeli@mail.ru

² Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем, г. Екатеринбург, Российская Федерация; Komleva1@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье дается определение сущности феномена гибридной войны и изучаются основные проявления данного типа войны применительно к постсоветским государствам Центральной Азии на основе компаративистского и феноменологического методов исследования. Рассматриваются основные технологии ведения гибридной войны в географическом, экономическом, информационно-идеологическом и информационно-кибернетическом пространствах государств Большой Евразии, а также способы противостояния данным технологиям.

Вывод: включение государственной идеологии в сферу конституционного права должно стать политическим решением государств — членов ОДКБ, это ответ на вызов гибридным войнам на пространстве создаваемой Большой Евразии. Здесь предстоит и большая работа Парламентской Ассамблеи ОДКБ. Признание государственной идеологии не только как основы государственной и общественной безопасности, но и устройства духовной жизни пространства Евразийского союза должно стать ответом на вызовы гибридной войны.

Ключевые слова: геополитические пространства, Большая Евразия, гибридная война, информационно-идеологические технологии, государственная идеология, государственная и общественная безопасность

On the Role of Information and Ideological Security the Counter-Strategy Hybrid War in Eurasia

Igor F. Kefeli^{a,*}, Natalia A. Komleva^b

^a Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPA, Saint-Petersburg, Russian Federation; *geokefeli@mail.ru

^b Center for Geopolitical Analysis at Geopolitical Problems Academy, Ekaterinburg, Russian Federation; Komleva1@yandex.ru

ABSTRACT

This article defines the essence of the hybrid warfare phenomenon and studies the main manifestations of this type of war in relation to the post-Soviet States of Central Asia. Comparative and phenomenological research methods are used. The article considers the main technologies of hybrid warfare in the geographical, economic, information-ideological and information-cybernetic spaces of the Central Asian States, as well as the ways to confront these technologies. Conclusion: the inclusion of the State ideology in the scope of constitutional rights should be a political decision of the Member States of the CSTO is a response to the challenge posed by space wars hybrid Big Eurasia. To be here and the great work of the CSTO Parliamentary Assembly. Recognition of State ideology not only as the basis for State and public security, but also the spiritual life space devices of the Eurasian Union should become a response to the challenges of hybrid war.

Keywords: geopolitical space, hybrid war, Great Eurasia, information-ideological technology, State ideology, State and public security

Введение

Феномен гибридной войны в последние несколько лет оказался в центре внимания специалистов различных направлений. Большинство авторов трактуют данный тип войны как сочетание традиционных и нетрадиционных (вариант: конвенциональных и неконвенциональных) форм вооруженного противостояния. Однако феномен гибридной войны в рамках военной и политической науки не определяется исчерпывающе, его сущность и специфику невозможно понять вне геополитической парадигмы. Гибридная война, на наш взгляд, представляет собой исключительно геополитическое явление, в своем полном объеме не определяемое в иных исследовательских парадигмах. С этой точки зрения гибридная война — это совокупность действий, направленных на одновременное разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. Основными геополитическими пространствами авторы данной статьи полагают следующие: географическое, экономическое, информационно-идеоло-

гическое и информационно-кибернетическое. В каждом типе геополитического пространства способы ведения гибридной войны различаются не только соответственно природе какого-либо из указанных выше пространств, но и тем, кто и в какой последовательности выступает актором осуществления гибридных операций по ходу ведения гибридной войны. Весьма распространенным видом гибридных операций становятся фейковые новости, как правило, малоинформативные, но четко реализующие информационно-психологические и информационно-идеологические функции войны смыслов как сердцевины стратегии гибридной войны. Наглядный пример тому — появившаяся в начале марта 2019 г. новость подобного рода: «Президент США Дональд Трамп фактически объявил на весь мир о начале Третьей мировой войны (Курсив наш. — И. К., Н. К.)». Правда, сделал он это не сам, а устами премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху. На днях он обвинил Иран в разработке оружия массового уничтожения, что, по сути, развязывает Тель-Авиву и стоящему за ним Вашингтону руки для военной агрессии в отношении исламской республики»¹. В таком информационном «замесе» обращает на себя внимание в первую очередь «объявление о начале», реакция на которое у военного, политического деятеля, аналитика или обывателя будет, естественно, разной, но на уровне психологического восприятия вряд ли будет вызывать положительные эмоции и уверенность в завтрашнем дне. Данная ситуация в полной мере характеризует информационно-идеологические функции войны смыслов, т. е. ключевое звено гибридных войн.

А. А. Бартош, анализируя процесс трансформации функций НАТО (со времени зарождения этого военно-политического альянса), обратил внимание на появление принципиально новой его функции: «Служить информационно-идеологическим каналом для международной социализации государств, стремящихся вступить в альянс, для общения с государствами-партнерами, другими международными организациями»². Тем самым НАТО преобразуется, по справедливому замечанию автора, в глобальную гибридную военно-политическую структуру. Более того, «по сравнению с “холодной войной”, — отмечает этот же автор, — решающим фактором в трансформации современных конфликтов является переход от противостояния в идеологической сфере к конфронтации цивилизационной, т. е. **к войне цивилизаций и смыслов их существования**, что составляет суть современного противоборства. Победитель в войне смыслов не столько выигрывает пространство и даже право распоряжаться ресурсами побежденного государства, сколько завоёвывает себе право определять его будущее»³. Вполне объяснимы и основные способы ведения гибридной войны в географическом пространстве какой-либо страны:

- локальные «традиционные» войны в ее ресурсных регионах;
- вовлечение данной страны в серию «конфликтов малой интенсивности» по периметру ее границ;
- «цветные революции», то есть государственные перевороты в стране — объекте агрессии и в государствах, которые являются ее геополитическими союзниками;
- поощрение сепаратизма и терроризма в стране — объекте агрессии.

Нужна ли государству государственная идеология?

Как отмечалось ранее, ключевой технологией войны в информационно-идеологическом пространстве является замещение базовых ментальных ценностей того или иного общества ценностной мозаикой агрессора. Такая технология направлена на разрушение гецивилизационного кода общества — объекта агрессии и позволяет овладеть совокупностью его материальных и нематериальных ресурсов вне ситуации четко выраженной угрозы физическому существованию этого социума, т. е. относительно незаметно для массового сознания. Основным «оружием», применяющим эту технологию, является идеология как совокупность оценочных мировоззренческих конструктов. Если ранее эти конструкты рассматривались как «оружие» идеологического противостояния, то в настоящее время они создаются и распространяются с целью формирования в массовом сознании положительного образа актора-агрессора и наряду с этим отрицательного имиджа управленческих структур и базовых ценностей общества — объекта агрессии [1].

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://directmedia.online/news/txt/?id=1132164&da_id=7956968&tag=dadirect_673272&ts=a1366b-c1d0e0f1g-h1i-j-k1l-m-n-o-p-q771r866s-t1u0v0w-x0y1&at=46381|md|345|mu (дата обращения: 01.03.2019).

² Бартош А. А. Гибридизация НАТО как угроза национальной безопасности России. М.: Вестник Академии военных наук РФ. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/articles/gibridizatsiya-nato-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 10.02.2019).

³ Бартош А. А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны [Электронный ресурс]. URL: <http://vm.milportal.ru/strategiya-i-kontrstrategiya-gibridnoj-voyny/> (дата обращения: 17.02.2019).

Нельзя забывать, что государственная идеология — это содержание и основа духовного состояния общества, а формой и способом ее выражения в информационном обществе выступают различные механизмы и способы информационной (в т. ч. информационно-психологической и когнитивной) безопасности, которые регламентируются в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (от 05.12.2016). Правда, в этом документе речь о государственной идеологии не идет напрямую, однако в качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности указывается на необходимость противодействия «использованию информационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии, распространения ксенофобии, идей национальной исключительности в целях подрыва суверенитета, политической и социальной стабильности, насильственного изменения конституционного строя, нарушения территориальной целостности Российской Федерации...», нейтрализации «информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей...» и обеспечения «защищенности граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности» (ст. 23а, к; 27д). В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (от 31.12.2015), которая рассматривается как основа для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, прямо указано:

- на стремление «некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (ст. 21);
- на деятельность, связанную «с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе» (ст. 43)¹.

Но ни в том, ни в другом документе не указывается, каким образом и с помощью чего необходимо противостоять перечисленным выше идеологиям, если не на основе государственной идеологии, регламентирующей государственную и общественную безопасность.

Следует признать, что главным элементом обеспечения информационно-идеологической войны выступает государственная (официальная) идеология общества. Можно согласиться с тем, что между официальной и государственной идеологией существуют определенные различия. Официальная идеология представляет собой систему оценочных конструктов, обосновывающих легальность и легитимность органов власти и управления, лояльных власти структур гражданского общества, всего хода общественного развития в данном социуме. Угрозы распространению и сохранению ценностей официальной идеологии распознаются на уровне гуманитарной науки, структур гражданского общества и не сопровождаются иными мерами противодействия, кроме ментальных. В свою очередь, государственная идеология четко регламентирует ареал своего влияния, а все социальные структуры и отдельные граждане, выходящие за границы этого ареала, подвергаются законодательно закрепленным наказаниям, осуществляемым государственными же органами. Однако «оружие» информационно-идеологических войн, идеологические конструкты, равным образом создаются как в рамках официальной, так и в рамках государственной идеологии, различаясь лишь способами стимулирования процесса создания и распространения, а также способами защиты. Пока же мы регламентированы концепцией мировоззренческого нейтралитета государства, зафиксированной в Конституции Российской Федерации: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, п. 1, 2)². Не будем забывать, что в информационно-идеологическом пространстве основными способами ведения гибридной войны являются:

- 1) Замещение традиционных ценностей и/или доминирующих идеологических конструктов данного общества ценностями и/или доминирующими идеологическими конструктами другого общества.
- 2) Фальсифицирование истории страны — объекта агрессии.
- 3) Десакрализация пророков, основных персоналий и основных постулатов базовых религий страны — объекта агрессии.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71296054/paragraph/72:0> (дата обращения: 01.03.2019).

² Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочная правовая система: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbc63f48c943e8175be16462 (дата обращения: 17.10.2018).

- 4) Имплантация и/или поощрение децивилизующих социальных практик, будь то промискуитет, насилие в отношении слабых и беспомощных, наркомания, инцест, бытовая и экономическая преступность.

Интенсивность ведения данной формы гибридной войны очень высока, в том числе и в странах ЦАР. В частности, различные западные правозащитные организации обвиняют страны ЦАР в отсутствии терпимого отношения к ЛГБТ-сообществу¹. В 2016 г. в Таиланде (Бангкок) на XXVIII конференции Международной ассоциации лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов (International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association, ILGA) на одном из пленарных заседаний единогласно было принято решение о включении ЛГБТ-организаций и инициатив стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации — ILGA Europe².

В кибернетическом пространстве основными способами ведения гибридной войны являются вытеснение программного продукта и кибернетических технологий страны — объекта агрессии с мировых и/или региональных рынков, а также хакерские атаки против экономических и политических институтов страны — объекта агрессии. В отношении органов власти стран ЦАР давно и планомерно ведутся хакерские атаки³.

Таким образом, против стран ЦАР, как и против России, активно ведется гибридная война.

Акторами гибридной войны, по нашему мнению, являются государства, глобальные и транснациональные корпорации, межгосударственные и надгосударственные институты, а также НПО (неправительственные организации). Вышеперечисленные способы ведения гибридной войны фактически предполагают включение в состав комбатантов таких неконвенциональных структур, как частные военные компании, незаконные вооруженные формирования террористического характера, структуры организованной преступности (прежде всего, наркокартели), структуры внесистемной радикально-экстремистской оппозиции, подрывные СМИ, НКО и НПО.

Особенность гибридной войны в поведенческом плане состоит в том, что никаких сдерживающих факторов морального или правового порядка в этой войне для акторов-агрессоров нет. Главное — результат (разрушение геополитических пространств соперника), а не соблюдение моральных или правовых норм. Эту особенность выделяют почти все исследователи гибридной войны. Основным геополитическим пространством в настоящее время является информационно-идеологическое. Почему? При наличии материальной, видимой угрозы существованию (традиционная, «горячая» война) нация за короткий период времени психологически мобилизуется на ее отражение, а инициатор войны получает имидж агрессора. Для овладения ресурсами общества, являющегося объектом атаки (при этом без ответного организованного и эффективного отпора), необходимо перенести агрессию из географического пространства в экономическое и информационно-идеологическое пространство и, прежде всего, совершить операцию по изменению «настройки» ментального поля данного общества. Это означает изменение (переориентацию или уничтожение) его традиционных ценностей с тем, чтобы фактическая атака извне воспринималась данным обществом как ненасильственное поощрение к дальнейшему восходящему развитию. В данном случае тотальная внешняя агрессия в массовом сознании преобразуется в цивилизационный вызов обществу, стоящему на более высокой ступени развития, причем в качестве стимула, а не угрозы.

Основным «оружием» информационно-идеологических войн является совокупность оценочных мировоззренческих, или идеологических, конструкций, целенаправленно созданных с целью оправдания экспансии данного геополитического актора и осуждения экспансии актора-противника (противников). Базой создания этого специфического оружия выступает официальная идеология соответствующего актора информационно-идеологической войны, т. е. ценностная мировоззренческая система, поддерживаемая государством. Государство курирует соответствующий тип идеологии, потому что данная ценностная мировоззренческая система концентрирует и выражает национальный интерес, т. е. выражает цели развития данного социума и способы их достижения. Более того, ценностная мировоззренческая система утверждает экономические, социокультурные

¹ Amnesty International опубликовала доклад по Кыргызстану. Что в нем? [Электронный ресурс]. URL: https://kaktus.media/doc/370833_amnesty_international_opyublikovala_doklad_po_kyrgyzstany_chno_v_nem.html (дата обращения: 07.02.2019); Как в Казахстане относятся к геям? [Электронный ресурс]. URL: <https://camonitor.kz/28468-kak-v-kazhastane-otnosyatsya-k-geyam.html> (дата обращения: 09.02.2019).

² Включение ЛГБТ-организаций стран Центральной Азии в состав европейского филиала Ассоциации. [Электронный ресурс]. URL: <http://indigo.kg/vvkluchenie-lgbt-organizatsiy-stran-tsentralnoy-azii-v-sostav-evropeyskogo-filiala-assotsiatsii-ilga-europe.html> (дата обращения: 09.02.2019).

³ Самые яркие хакерские взломы в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: <https://kloop.kg/blog/2017/05/19/nash-ideal-dzhedaj-samy-e-yarkie-hakerskie-vzlomy-v-tsentralnoj-azii/> (дата обращения: 15.02.2019).

приоритеты и в конечном счете — место данного общества в историческом процессе (в рамках мейнстрима или «на обочине истории»), а кроме того, обосновывает легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности. Отсутствие официальной идеологии приводит к неопределенности социального развития, хаотизации общественных процессов, а в итоге — к утрате данным обществом такого важного качества, как конкурентоспособность.

Особенно фатальным отсутствие официальной (государственной) идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны: агрессор в качестве оружия активно использует конструкции, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию. Иначе говоря, в системном противостоянии агрессивной идеологии должна противодействовать идеология, мировоззренчески и организационно обеспечивающая духовную безопасность российского общества, его исторические и цивилизационные устои. В последние годы некоторыми НПО (например, сообщество The Brights — «Яркие») активно распространяется концепция «мировоззренческого нейтралитета государства»¹. Так, к примеру, Сергей Бурьянов, автор изданной на английском языке книги «Мировоззренческий нейтралитет государств в условиях усиления неравномерности развития глобальных процессов (на примере Российской Федерации 2016 — начала 2017 г.)», анализируя деятельность движения неких противников нарушения мировоззренческого нейтралитета и свободы мировоззренческого выбора и их преследование в Российской Федерации, дает (ни больше ни меньше) рекомендации для мирового сообщества и Российской Федерации, направленные на реализацию принципа мировоззренческого нейтралитета и свободы мировоззренческого выбора [3]. Мировоззренчески нейтральное государство трактуется этим автором как государство, принципиально не приемлющее никакое мировоззрение в качестве официальной идеологии, обеспечивающее каждому возможность свободного мировоззренческого выбора и, разумеется, мировоззренческая нейтральность государства предполагает также равноудаленность от любых «мировоззренческих организаций»².

Но именно такая позиция юридически закреплена не только, как отмечалось выше, в Конституции Российской Федерации, но и в конституциях центральноазиатских государств. Так, в Конституции Республики Таджикистан (ст. 8) содержится следующее утверждение: «В Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Идеология ни одной партии, общественного и религиозного объединения, движения или группы не может быть признана как государственная»³. Конституция Республики Узбекистан (ст. 12) гласит: «В Республике Узбекистан общественная жизнь развивается на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной»⁴. Конституция Республики Казахстан (ст. 5): «В Республике Казахстан признается идеологическое и политическое многообразие»⁵. Конституция Туркменистана (ст. 19): «Идеология политических партий, религиозных организаций, общественных объединений и иных структур не может носить обязательный характер для граждан»⁶. Конституция Кыргызской республики вообще обошла молчанием вопрос об идеологии⁷. Однако, по образному выражению президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, государство без идеологии — то же, что человек без мысли или организм без иммунитета. Важно также помнить так называемую максиму Лиддел-Гарта: «Цель войны — добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны. Следовательно, ведя войну, важно постоянно помнить, какой мир вам нужен» [2, с. 377].

Каким образом государство выражает официальную идеологию? Основным моментом здесь является наличие системы образования, социально-гуманитарная компонента которой включает

¹ The Brights [site] [Электронный ресурс]. URL: <https://brights-russia.org/wp-content/uploads/2018/07/State-Worldview-Neutrality> (дата обращения: 17.02.2019).

² Бурьянов С. Свобода совести и светскость государства в Российской Федерации // Россия для всех. Общественное движение за единую российскую нацию [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaforall.ru/news/1424568430> (дата обращения: 17.10.2018).

³ Конституция Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 11.02.2019).

⁴ Конституция Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.uz/ru> (дата обращения: 11.02.2019).

⁵ Конституция Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 11.02.2019).

⁶ Конституция Туркменистана (новая редакция) [Электронный ресурс]. URL: <http://infoabad.com/zakonodatelstvo-turkmenistana/konstitucija-turkmenistana-novaja-redakcija.html> (дата обращения: 11.02.2019).

⁷ Конституция Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913> (дата обращения: 11.02.2019).

в себя целенаправленную подготовку «комбатантов информационно-идеологической войны». Государство в данной сфере является ключевым игроком: необходима специальная политика министерства образования. Подчеркнем еще раз: при наличии в какой-либо форме запрета на идеологию исключается системная подготовка специалистов в сфере обеспечения информационно-идеологической безопасности, в том числе профессионалов в области пропаганды и контрпропаганды. Ни в одном из центральноазиатских государств такой специализированной подготовки кадров для информационно-идеологической войны нет.

Важнейшим элементом общественной жизни является степень развитости общественных наук, особенно политической науки. Академические свободы, отсутствие или минимальная степень бюрократизации процесса развития научного знания — вот основные формы поддержки государством этой сферы противостояния информационно-идеологической агрессии. Системная и целенаправленная нейтрализация операций гибридной войны, прежде всего агрессии в информационно-идеологическом пространстве, требует в том числе создания особой организационной структуры, которую можно было бы назвать Бюро контргибридной войны¹. Подобная структура в США уже имеется — это Бюро противодействия гибридной войне (Hybrid Warfare Resistance Bureau), созданное в декабре 2015 г. и имеющее официальный статус общественной организации². Любопытно, что собственного сайта в интернете данная организация не имеет, размещая свою информацию исключительно в социальных сетях. В рамках информационно-идеологической войны интернет и социальные сети составляют особую сферу деятельности, в настоящее время сферу деятельности так называемого искусственного интеллекта, когда без непосредственного участия человека специальные компьютерные программы составляют тексты на нужную тему, фабрикуют фото или видео в пропагандистских или контрпропагандистских целях. Видео традиционно оказывает большее влияние на аудиторию. В апреле 2018 г. в интернете было выложено видео, получившее название Obama Peele по именам задействованных в нем людей: бывшего президента США и актера³. На видео Барак Обама произносит речь, но в действительности текст за кадром зачитывает актер. Специальная программа обработала игру актера так, что мимика Обамы полностью соответствует тексту. Применяются так называемые глубокие фейки — видеоизображения, где лицо одного человека присоединяется к телу другого человека. Такой способ клеветы на некоторых звезд шоу-бизнеса был опробован в США. Впоследствии метод может быть использован для создания клипа политика, говорящего или делающего что-то возмутительное и неприемлемое. Искусственный интеллект может создавать правдоподобные фальшивки, которые не распознаются обычными способами. Так называемые генеративные состязательные сети, или GAN (Generative Adversarial Networks), позволяют создавать чрезвычайно реалистичные фальшивые образы. Целенаправленная подготовка кадров для ведения информационно-идеологической войны в киберпространстве является насущной задачей нашего времени — и это тоже функция государства. К сожалению, государства ЦАР не имеют специализированных структур противодействия информационно-идеологической агрессии, в том числе идеологической агрессии в кибернетическом пространстве.

Выводы

Гибридная война — это общая реальная угроза, угроза развитию и спокойному существованию государств ЦАР, поэтому и решать проблемы противодействия гибридной войне страны ЦАР также должны сообща. Организационная структура для решения этой проблемы имеется — это Организация Договора о коллективной безопасности. Следует напомнить, что в «Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.», наряду с указанием на необходимость противодействия использованию «информационных и коммуникационных технологий в целях оказания деструктивного воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку, а также манипулирования общественным сознанием в государствах — членах ОДКБ», определены и задачи в области обеспечения инфор-

¹ О необходимости создания такой официальной структуры в России давно говорит в своих публикациях и выступлениях известный политолог и специалист в области информационной безопасности И. Н. Панарин. В интернет-пространстве в сентябре 2018 г. им был создан «информационный спецназ». См.: Ассоциация информационный спецназ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infospecnaz.ru/> (дата обращения: 10.10.2018).

² Бюро противодействия гибридной войне / Hybrid Warfare Resistance Bureau [ФБ-аккаунт] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/hwrbbureau/> (дата обращения: 07.02.2019).

³ Савин Л. Глубокие фейки и политическая манипуляция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/glubokie-feyki-i-politicheskaya-manipulyaciya> (дата обращения: 15.02.2019).

мационной безопасности¹. Не далее как 08.11.2018 в Астане была принята «Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности», в которой четко было заявлено: «Мы, члены Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, считаем необходимым наращивание коллективных усилий и конкретных действий в сфере информационной безопасности. Придаем особое значение содействию разработке и скорейшему принятию под эгидой ООН универсальных правил, норм и принципов ответственного поведения в информационном пространстве. Твердо выступаем за предотвращение конфликтов в информационной сфере, недопущение гонки информационных вооружений, неприменение силы в информационном пространстве, использование информационно-коммуникационных технологий исключительно в мирных целях»². Включение государственной идеологии в сферу конституционного права должно стать политическим решением государств — членов ОДКБ — это ответ на вызов гибридным войнам на пространстве создаваемой Большой Евразии. Здесь предстоит и большая работа Парламентской Ассамблеи ОДКБ. Признание государственной идеологии не только как основы государственной и общественной безопасности, но и устройства духовной жизни пространства Евразийского союза должно стать ответом на вызовы гибридной войны.

Литература

1. *Кефели И. Ф.* Глобальный социальный процесс: динамика, противоречия, кризисы / *Философские стратегии социальных преобразований XXI века* // Под ред. В. Г. Марахова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 144 с. С. 27–42; *Кефели И. Ф.* Диалектика познания глобального мира: между неолиберализмом и «постсоветским марксизмом» // *Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания* / Под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. Гродно : ГрГУ, 2015. 462 с. С. 150–160; *Комлева Н. А.* Война в информационно-идеологическом пространстве: проблемы тылового обеспечения // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2018. № 4. С. 70–83. [Электронный ресурс]. URL: www.vestnik-mgou.ru. Komleva (дата обращения: 28.02.2019).
2. *Лиддел-Гарт Б.* Стратегия не прямых действий. М. : Эксмо, 2008. 447 с.
3. *Sergey A. Buryanov.* State Worldview Neutrality in the Context of Deteriorating Imbalances in Globalization: The Case and Current State of Affairs in the Russian Federation from 2016 to the Beginning of 2017. 228 p.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), эксперт РАН, д. филос. н., профессор; geokefeli@mail.ru

Комлева Наталья Александровна, директор Центра геополитического анализа Академии геополитических проблем (г. Екатеринбург, Российская Федерация), д. полит. н., проф.; Komleva1@yandex.ru

About the authors:

Igor F. Kefeli, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of the Center of Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management (Saint-Petersburg, Russian Federation), First Vice President of the Academy of Geopolitical Problems, an Expert RAS, Doctor of Science (Philosophy), Professor; geokefeli@mail.ru

Natalia A. Komleva, Director of Center for Geopolitical Analysis at Geopolitical Problems Academy (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; Komleva1@yandex.ru

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=8382 (дата обращения: 28.02.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=14225/ (дата обращения: 28.02.2019).

ОДКБ — современные вызовы. Взгляд из Армении

Марджанян А. А.

Научно-образовательный Фонд «Нораванк», г. Ереван, Республика Армения; amarjanyan@yahoo.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются некоторые аспекты создания единой объединенной системы противовоздушной и противоракетной обороны организации Договора о коллективной безопасности. Анализируются определенные препятствия по ее созданию, приводятся некоторые озабоченности Армении в свете современных угроз ее национальной безопасности и коллективной безопасности стран — участниц Договора.

Ключевые слова: система ПВО, система ПРО, единая объединенная система ПВО и ПРО, коллективная безопасность, принцип равной и неделимой безопасности

Collective Security Treaty Organization — Main challenges. View from Armenia

Ara H. Marjanyan

"Noravank" Foundation, Yerevan, Republic of Armenia; amarjanyan@yahoo.com

ABSTRACT

In the article some aspects of creating a joint and united air and missile defense system of the Collective Security Treaty Organization are discussed. Certain obstacles to its creation are analyzed. Some concerns of Armenia in the light of modern threats to its national security and collective security of the Treaty member states are formulated.

Keywords: air defense, missile defense system, joint and united air and missile defense system, collective security, principle of equal and indivisible security

Современная геополитическая ситуация на глобальном и региональном уровнях, динамика и тенденции ее развития обостряют существующие угрозы, приводят к появлению новых вызовов, стоящих перед каждой из стран — участниц Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и перед всей организацией в целом. Мы остановимся на двух из них, с нашей точки зрения, наиболее актуальных: проблеме создания единой объединенной системы противовоздушной и противоракетной обороны (ЕОС ПВО и ПРО) ОДКБ и на проблеме восприятия одного из краеугольных положений ОДКБ — принципа единой и неделимой коллективной безопасности стран-участниц. Разумеется, мы отдаем себе отчет в крайней важности таких угроз, как терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и оружия, трансграничная организованная преступность, незаконная миграция и др.

1. ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ

Опыт второй половины XX в., обусловленный глобальным противостоянием двух крупнейших военно-политических образований, имеющих значительную пространственную протяженность и скрепленных принципом коллективной и неделимой безопасности (НАТО, Организация Варшавского договора), наглядно указывает на важную роль объединенной системы ПВО (чуть позднее — ПРО) в деле обеспечения бое- и дееспособности данной организации. Для скрепления стран-участниц в единое устойчивое военно-политическое и геополитическое целое роль единой объединенной системы противовоздушной (ПВО) и противоракетной (ПРО) обороны (ЕОС ПВО и ПРО) хоть и существенна, но не решающая. Опыт же локальных конфликтов конца XX и начала XXI в. выявил ключевую роль авиационных и ракетных (баллистических и крылатых) ударов в проводимых операциях (Ирано-Иракский конфликт, бомбардировка Югославии, операции вторжения в Ирак и Ливию и т. д.), еще более подчеркнув значимость ЕОС ПВО и ПРО для различных государств и групп государств. Наконец, ряд политических и технологических тенденций усиливают и без того значимую роль ЕОС ПВО и ПРО.

Об одной из них подробно информировал участников недавнего Астанинского саммита ОДКБ Президент РФ В. Путин. Речь идет о планируемом выходе США из договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД), анонсированном 22.10.2018, и о последствиях и ситуации, складывающейся в этом отношении на границах стран — участниц ОДКБ. То обстоятельство, что в декабре 2001 г. США вышли из договора по ПРО (как одного из краеугольных элементов баланса

сил на планете), придает этой проблеме не только локальный, но и глобальный характер. Озабоченность стран-участниц этим кругом вопросов была четко выражена в Астанинской Декларации Совета коллективной безопасности ОДКБ от 08.11.2018 в следующей формулировке: «Подтверждая приверженность принципу равной и неделимой безопасности, выражаем озабоченность сложившейся ситуацией вокруг Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в связи с заявлениями представителей США о намерении выйти из него»¹.

Приведенная формулировка представляется нам знаменательной по своей глубине по ряду причин. Во-первых, в свете современных тенденций **создание единой объединенной системы противовоздушной (ПВО) и противоракетной (ПРО) обороны ОДКБ (ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ) становится ключевой задачей нашей организации на ближайшие несколько лет.** Ведь действия США, приведшие за последние два десятилетия к эрозии регулирующих и ограничивающих механизмов по ПРО и гонке вооружения, являются важными, но не единственными из этих тенденций. Другая связана с интенсивным расширением списка стран, обладающих РСМД или находящихся на пороге этого. Причем большинство этих государств расположено по периметру западных, юго-западных, юго-восточных и восточных границ стран — участников ОДКБ. Важна и тенденция технологической конвергенции боевых систем, традиционно рассматриваемых ранее в достаточно обособленных областях ПВО и ПРО [9; 12]. Более того, технологическое развитие и унификация приводит к почти неразличимой и неverifiedируемой разнице между ударными средствами собственно систем ПРО и ударными средствами первого, обезоруживающего удара.

Во-вторых, крайне важно, что Астанинской Декларацией ОДКБ от 08.11.2018 задача **создания эффективной ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ ставится в контекст основополагающего принципа о равной и неделимой безопасности стран — участниц ОДКБ** (об этом см. далее). Между тем попыткам создания ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ едва ли не столько же лет, сколько лет самой нашей организации. Свою тормозящую роль тут сыграли постепенность сближения технологий и тактико-технических характеристик систем ПВО и ПРО, длительный период осознания необходимости единого подхода к организации ПВО и ПРО, процесс формирования Воздушно-космических сил (ВКС) как отдельного вида войск. А также затратный и длительный период передислокации (а по сути, создания заново) критически важной инфраструктуры системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) на территорию Российской Федерации и т. д. Однако представляется, что, помимо этих, повторим, чрезвычайно важных причин, тут действовал и продолжает оказывать влияние комплекс иных причин, менее связанных с технологиями и критическими инфраструктурами и в большей мере обусловленных геополитическим видением постсоветских стран своего будущего, историко-цивилизационным выбором и конкретными договоренностями, достигнутыми во время этого выбора в ранних 90-х гг. прошлого века, сутью и сроками действия (валидности) этих договоренностей.

Адекватное понимание характера этих препятствий, помимо прочего, предполагает обращение к истории «Большого Торга 1994 г.». Это меткое название принадлежит одному из бывших послов США в Казахстане Larry C. Napper [14]. Речь идет о сложных многосторонних переговорах 1991–1994 гг., приведших, помимо прочего, к подписанию Будапештского меморандума (декабрь 1994 г.), к Бишкекскому протоколу о прекращении огня в Арцахе (май 1994 г.), к азербайджанской «Сделке века» по аннексии Каспийских нефтегазовых месторождений («Азери-Чираг-Гюнешли», сентябрь 1994 г.) и ко многому другому, что и сегодня в решающей мере формирует геополитические процессы, протекающие у нас в регионе и на всем постсоветском пространстве. Именно тогда были реализованы т. н. «обменные стратегии» Украины, Белоруссии и Казахстана по размену ядерной инфраструктуры, доставшейся им в наследство от СССР, на гарантии безопасности и предоставления западных инвестиций и технологий. Именно тогда к этим странам были подключены Азербайджан и Грузия, хоть и обделенные своей долей ядерного наследия СССР, но играющие важную роль в транспортировке углеводородов Каспийско-Среднеазиатского бассейна на Запад и в Израиль [7]. Знаменательным для подключения Азербайджана к «Большому Торгу 1994 г.», помимо прочего, явилось и то, что 31.05.1991 в газете The Washington Times был опубликован материал, где с ссылкой на разведсообщество США и лично директора ЦРУ США У. Вебстера подчеркивалась озабоченность официальных лиц США попыткой захвата в феврале 1990 г. азербайджанскими «повстанцами» склада ядерных боеприпасов, расположенного вблизи г. Баку [6; 13].

Реализация этих «обменных стратегий» в условиях неясной и рыхлой позиции России начала 90-х во многом и стала главным препятствием для первых попыток создания объединенной ПВО

¹ Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Документы. URL: http://odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=14225 (дата обращения: 20.11.2018).

и ПРО ОДКБ во второй половине нулевых годов. Предпоследний срыв этих попыток произошел в 2013–2014 гг., когда стало известно, что Казахстан ведет переговоры о возможности совместного производства радиолокационных систем (РЛС) ПВО и ПРО с Израилем, Испанией, Францией и США. В мае 2014 г. Казахстан подписал меморандум с франко-американской компанией Thales-Raytheon Systems о поставке нескольких десятков РЛС Ground Master 400 («Нур» в казахской маркировке). Первые «Нуры» вступили в строй под Астаной в конце 2014 г. Весьма характерно, что к этой РЛС проявляли пристальный интерес Беларусь, Азербайджан, который в 2011 г. приобрел у Израиля американско-израильскую РЛС EL/M-2080 Green Pine системы ПРО Arrow 2, и Грузия. Кстати, Грузия планировала приобрести и ударную компоненту ПВО у французской компании MBDA. В том же 2014 г., юбилеем для «Большого Торга», были запущены первые разведывательные спутники Азербайджана и Казахстана, созданные в рамках стратегического партнерства этих стран с французской корпорацией AirbusDefence&Space/Astrium. РЛС натовского стандарта, интегрированная с наземным запросчиком системы определения государственной принадлежности «Пароль», — это весьма пикантная ситуация для объединенной ПВО и ПРО ОДКБ. Причем наличие производственно-технического предприятия «Гранит» в составе совместного предприятия Granit/Thales Electronics (с сентября 2012 г.) мало что объясняет, тем более что сам «Гранит» был задействован в разработке системы «Пароль». Следует учитывать, что «Гранит» был образован постановлением Совета Министров СССР в 1976 г. в Алма-Ате в качестве производственно-технического предприятия Министерства радиопромышленности СССР, занимавшегося монтажом, настройкой, стыковкой, государственными испытаниями и техническим обслуживанием полигонных и опытных образцов радиоэлектронных комплексов ПРО и СПРН на полигоне Сары-Шаган (Казахстан). Как осторожно выражается известный российский военный ресурс: «Остается непонятным, как станции западного производства будут интегрированы в Объединенную систему ПВО государств — участников СНГ» [11]. Ситуация, мягко говоря, нестандартная. Зеркально сравнимая, пожалуй, только с российскими С-400 «Триумф», интегрированными в систему ПВО (и ПРО) Турции, на Южном фланге НАТО. Задача создания ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ значима для всех государств — членов нашей организации. Однако она особо актуальна для Армении, втянутой в военное противостояние с Азербайджаном и находящейся в энерготранспортной блокаде со стороны Турции, Азербайджана и отчасти Грузии. Ряд географических причин — отсутствие стратегической глубины обороны территории Армении, близость стратегических объектов к границе, географические и топографические особенности границ (Нахиджеванский анклав и т. д.) — приводят к тому, что наличие ракет меньшей дальности, высокоточных крылатых ракет и даже крупнокалиберных реактивных систем залпового огня вооруженных сил противника приобретают для нас характер стратегической угрозы.

В этом ряду следует подчеркнуть и фактор отсутствия у Армении сухопутных и морских границ со своим стратегическим союзником — Россией. С одной стороны, подобная пространственная разорванность имеет очевидные транспортно-логистические, военные и экономические минусы. Но с другой — такое состояние дел подчеркивает важность объединения систем безопасности Армении и России в единое информационное, оперативное и командное целое, и в первую очередь в части, касающейся ПВО и ПРО, где информационная и командно-оперативная связанность способна превалировать над пространственной связанностью. Такое объединение должно осуществляться со строгим определением и сохранением суверенности сфер ответственности и разграничением процедур принятия решений. Ибо, как совершенно справедливо было отмечено, «геополитическое объединение на пространствах Евразии не может не основываться на цивилизационном диалоге, раскрывающем смысл геополитической истории и обеспечивающем суверенность государств» [3, раздел II, гл. 6].

Помимо этого, в нашем регионе мы в полной мере сталкиваемся с проявлениями т. н. «геополитического аналога биогенетического закона», согласно которому локальные конфликты в своем развитии склонны повторять логику и динамику разворачивания глобального противостояния, подобно тому, как отдельная особь повторяет в своем развитии этапы развития вида [4, с. 427–432]. От желания сторон приобрести потенциал нанесения первого, неожиданного и обезоруживающего удара (пример тому — агрессия Азербайджана в Нагорном Карабахе в начале апреля 2016 г. [1, с. 155–156]) до осознания необходимости гарантированного нанесения неприемлемого ущерба ответно-встречным ударом. Не следует забывать и то, что нанесение ракетного или авиационного высокоточного удара по Армянской АЭС, даже в обычном оснащении боеголовок, будет эквивалентно применению оружия массового поражения по Армении.

В этом отношении вызывает озабоченность тот факт, что сегодня Баку ведет активные переговоры с Турцией, Израилем, Пакистаном и Белоруссией о покупке и налаживании производства

в Азербайджане баллистических ракет дальностью 500 км и более¹. Если присутствие первых трех стран в этом списке ожидаемо, то не может не вызывать недоумения присутствие в нем нашего союзника по ОДКБ — Республики Беларусь. Недоумение вызывает и позиция Беларуси и Казахстана по лоббированию интересов Азербайджана в ОДКБ, страны находящейся в стратегическом союзе с членом НАТО — Турцией. Но подлинную тревогу вызывает тот факт, что 08.11.2018 в Астане опять не удалось согласовать план создания ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ и решение этого вопроса вновь перенесено на будущее². Именно это обстоятельство, а вовсе не перипетии обсуждения кандидатуры генсека ОДКБ, мы склонны считать одним из двух по-настоящему тревожных моментов разворачивающихся процессов [8].

В этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что Армения не являлась участником «обменных стратегий» 90-х гг., за что и заплатила великую и кровавую цену. Армения уже третье десятилетие находится в состоянии блокады и втянута в жесткое, изматывающее геополитическое противостояние, чреватое перерастанием в полноценную войну. И посему Армения, в точности как и Россия, стратегически заинтересована в создании единой и объединенной системы ПВО и ПРО ОДКБ.

2. Принцип равной и неделимой безопасности стран — участниц ОДКБ

«У России мало военных союзников, — говорится в «Записках» № 66 (апрель 2017 г.) известного «Валдайского Клуба» [5; 10]. — ...Юридически обязывающие соглашения, при которых нападение на одну сторону приравнивается к нападению на другую, у России имеются только с Абхазией и Южной Осетией». И далее: «Иные соглашения, в том числе со странами, считающимися наиболее близкими союзниками России, не содержат подобные автоматические механизмы. Причем обязательства в рамках ОДКБ заметно мягче аналогичных обязательств в рамках НАТО. Это хорошо видно при сопоставлении формулировок двух документов о взаимных гарантиях безопасности». В качестве иллюстрации этой мысли приводятся две выдержки из документов [10, с. 11]:

Ст. 5 договора НАТО: «Договаривающиеся стороны соглашаются с тем, что вооруженное нападение на одну или нескольких из них в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом»³.

Ст. 2 Договора о коллективной безопасности ОДКБ: «В случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников, государства-участники незамедлительно приводят в действие механизм совместных консультаций с целью координации своих позиций, вырабатывают и принимают меры по оказанию помощи таким государствам-участникам в целях устранения возникшей угрозы»⁴.

Исходя из подобного, как увидим, выборочного цитирования документов, авторы заключают, что т. н. «прагматичный» подход ОДКБ в вопросе союзничества не только следует букве и духу этих документов (что неверно фактически), но и в полной мере отвечает российским национальным интересам (что, на наш взгляд, неверно концептуально). Российская система союзов (по мысли «Записок») должна обеспечить присутствие России как влиятельной силы в важных для нее регионах мира. Одновременно Россия должна избегать манипулирования со стороны союзников. Например, «отношения с Арменией важны для России с точки зрения поддержания и укрепления ее влияния в Закавказье. Россия оказывает и будет оказывать Еревану военную помощь и содействовать экономическому развитию Армении. Однако она будет избегать положения, когда, например, в коалиции против нее окажется Азербайджан с одним или несколькими соседними государствами» [10, с. 17].

Не надо быть физиком-ядерщиком, чтобы понять: все дело тут в том, **что** понимают под «манипулированием со стороны союзников» авторы «Записок». И **что** будет, если «Азербайджан, с одним или несколькими соседними государствами» окажется-таки в противоположной к России коалиции. Да не в результате каких-то манипуляций, а в силу железной логики геополитических

¹ «Длинная рука» Азербайджана [Электронный ресурс] // Armiya.az: Независимое информационное агентство. 12.02.2018. URL: <http://armiya.az/ru/news/128520/> «Длинная-рука» Азербайджана (дата обращения: 20.11.2018); Белоруссия поставила Азербайджану реактивные системы залпового огня [Электронный ресурс] // Lenta.Ru: издание RamblerMediaGroup. 11.06.2018. URL: <https://lenta.ru/news/2018/06/11/polonez/> (дата обращения: 20.11.2018).

² Проект объединенной системы ПВО и ПРО снят с повестки заседания ОДКБ [Электронный ресурс] // Eurasia Daily: Информационное агентство. 08.11.2018. URL: <https://easaily.com/ru/news/2018/11/08/proekt-obedinennoy-sistemy-pvo-i-pro-snyat-s-povestki-zasedaniya-odkb> (дата обращения: 20.11.2018).

³ [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 20.11.2018).

⁴ [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 20.11.2018).

обстоятельств у нас в регионе. Из всего многообразия угроз военно-политическому союзу Армении и России главной угрозой нам представляется именно подобное, выборочное прочтение основополагающих документов ОДКБ и те выводы, к которым такое прочтение с неизбежностью ведет. Лучше всего эти выводы можно проиллюстрировать следующей сравнительной таблицей, составленной из аргументов [10].

Таблица 1

Аргументы «Идеологов» и «Прагматиков» относительно союзнических отношений России [10]

«Идеологи»	«Прагматики»
1. У России мало союзников, следовательно, ей необходимо укреплять имеющиеся союзы и создавать новые, включая в них юридические обязательства.	1. Нынешнее состояние «блестящей изоляции», собственно, и помогает России преследовать свои внешнеполитические цели со свободными руками.
2. Россия должна создать идейную альтернативу «Западу» (и/или «исламскому радикализму»).	2. Отсутствие идеологии, отказ от мессианства позволяют России поддерживать ее высокий геополитический статус, затрачивая на это гораздо меньше ресурсов, чем Советский Союз.
3. Россия должна всемерно укреплять свои позиции в традиционных сферах влияния — на постсоветском пространстве и на Балканах.	3. России нужно стабилизировать лимитрофные территории лишь в той мере, в которой это необходимо для обеспечения безопасности ее территории, и не допускать, чтобы союзники вовлекали ее в ненужные для нее конфликты.

Описанный выше подход «прагматиков» нам представляется безупречным. Во-первых, потому, что он искажен выборочным прочтением основополагающих документов ОДКБ. Действительно, авторы «Записок» вероятно «забыли» процитировать ст. 4 Договора о коллективной безопасности, которая гласит: «...Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств — участников настоящего Договора. В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную...»¹.

Т. е. ровно то, что гласит ст. 5 Договора НАТО. Более того, они забыли процитировать важный документ под названием «Концепция Коллективной Безопасности ОДКБ», где ясно определены концептуальные основы союзничества в рамках ОДКБ:

1. Неделимость безопасности, т. е. агрессия против одного государства ОДКБ рассматривается как агрессия против всех государств-участников.

2. Равная ответственность государств-участников за обеспечение безопасности².

Подход «прагматиков» спорен еще и потому, что он искусственно объединяет некоторые положения концепции «остров Россия» В. Л. Цымбурского с циничной формулой Д. Рамсфельда «не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию» в некое эклектическое целое³. Разумеется, не нам решать, как Россия должна выстраивать свои союзнические отношения. Но, повторим, главной угрозой союзничеству России и Армении мы считаем не белорусско-китайские «Полонезы», израильские «Лоры», российские ТОСы, турецкие «Кассирги» или «SOM»ы в Азербайджанской армии. Не запасной центр управления спутниками или турецких инструкторов в Нахиджеване. И даже не технологическое отставание России в некоторых сферах. А именно такой «прагматичный» подход к союзничеству. Авторы «Записок» ясно изложили свою точку зрения в случае предполагаемого «манипулирования» со стороны Армении, однако при этом полностью упустив иные способы манипулирования. Например, с точки зрения Армении под «манипулированием» следует понимать также и комплекс мер, предпринимаемых определенными силами по подрыву союзничества между Арменией и Россией путем продаж тяжелого наступательного вооружения Азербайджану, лоббирования Казахстаном и Беларусью интересов Азербайджана и Турции в ОДКБ, а также препятствуя осуществлению мер по созданию ЕОС ПВО и ПРО ОДКБ. И все это с целью подорвать наши отношения, изменить геополитическую ориентацию армянского

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (дата обращения: 20.11.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=130 (дата обращения: 20.11.2018).

³ Боюсь, что сам покойный Вадим Леонидович крайне удивился бы подобному соседству.

общества и власти по отношению к России и/или ОДКБ. А в конечном итоге, например, «выдавить» 102-ю российскую военную базу из Армении и региона.

Современная ЕОС ПВО и ПРО на самом деле представляет собой сплав «железки» технико-технологических возможностей системы с геополитическими и мировоззренческими установками, что приблизительно соответствует «программному обеспечению» системы. Несколько изменив формулу Клаузевица о войне и политике, можно утверждать, что **создание единой объединенной системы ПВО и ПРО ОДКБ есть продолжение общего понимания геополитических угроз и принципов союзничества иными средствами**. И никак не наоборот. Здесь нам представляется необходимым выделить положение об общем понимании принципов союзничества, поскольку считаем, что не может быть решения этой задачи, если принцип равной и неделимой защиты стран — участниц ОДКБ не станет святой святых Договора о коллективной безопасности. Одной «железки» для этого недостаточно [2].

В заключение хотелось бы отметить, что площадка ПА ОДКБ самой своей сутью представляется нам наиболее подходящим местом для проговаривания и обсуждения вышеизложенных и многих других проблем, для поиска путей по сближению позиций и снятия напряженностей в важных для нашей организации вопросах. Считаем, что ПА ОДКБ может сделать много полезного для формирования единства в геополитическом понимании будущего, развития согласованного и активного общего информационного поля проведения общих аналитических исследований и экспертных обсуждений.

Литература

1. В ожидании бури: Южный Кавказ / Под ред. К. В. Макиенко. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 200 с.
2. *Вовба В. В., Чугунов Е. А., Асеев В. А.* Евразийская воздушно-космическая оборона: от проблем создания к перспективам применения // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 6. С. 9–14.
3. Глобальная геополитика / Под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. М. : Издательство Московского университета. 2017. 280 с.
4. *Марджанян А. А.* Поразительная потеря адекватности в восприятии реальности // Итоги-2016: «правый поворот» под знаком России. Ежегодник Кавказского геополитического клуба. Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры. 2017.
5. *Марджанян А. А.* Научно-информационная политика и гибридные войны // Геополитика и безопасность. 2017. № 4 (40). С. 26–34.
6. *Марджанян А. А.* Перестройка СССР и Спитакское землетрясение [Электронный ресурс] // Noravank.am: Сайт Фонда «Нораванк». 03.12.2018. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=17882 (дата обращения: 15.01.2019).
7. *Марджанян А. А.* Нефтяная отрасль Израиля [Электронный ресурс] // Noravank.am: Сайт Фонда «Нораванк». 11.11.2018. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=17789 (дата обращения: 20.11.2018).
8. *Марджанян А. А.* Для ОДКБ наступил момент истины [Электронный ресурс] // сайт газеты «Голос Армении». 16.11.2018. URL: <http://www.golosarmenii.am/article/73216/dlya-odkb-nastupil-moment-istiny> (дата обращения: 20.11.2018).
9. *Подберезкин А. И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. М. : МГИМО–Университет. 2013. 488 с.
10. *Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии // «Валдайские записки», № 66, апрель, 2017.
11. Современное состояние ПВО стран — бывших советских союзных республик. Ч. 8. Казахстан. [Электронный ресурс] // Сайт «Военное обозрение». 24.10.2016. URL: <https://topwar.ru/102309-sovremennoe-sostoyanie-rvo-stran-byvshih-sovetskih-soyuznyh-respublik-chast-8-ya.html> (дата обращения: 20.11.2018).
12. *Ягольников С. В.* Основные направления и перспективы строительства системы воздушно-космической обороны Российской Федерации в современных условиях // Военно-промышленный курьер. 2014.
13. CIA-RDP99-01448R000401660042-6. Документ датирован 31.05.1991, рассекречен 22.05.2012, доступен в рамках FOIA с 22.12.2016.
14. *Sholk Dena.* The Denuclearization of Kazakhstan (1991–1995): The Institute for the Study of Diplomacy, Georgetown University. April 30, 2013.

Об авторе:

Марджанян Ара Арутюнович, заместитель директора по науке научно-образовательного Фонда «Нораванк» (Ереван, Республика Армения), национальный эксперт ПР ООН по энергетике, член Евразийского Экспертного Клуба, кандидат технических наук; amarjanyan@yahoo.com

About the author:

Ara H. Marjanyan, Vice-Director on Science, “Noravank” Foundation (Yerevan, Republic of Armenia), UNDP National Expert on Energy, Member of Eurasian Expert Club, PhD in Technical Science; amarjanyan@yahoo.com

Бишкекский протокол: взгляд с дистанции в четверть века

Рябухин П. П.

Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности, Санкт-Петербург, Российская Федерация; rov-odkb@mail.ru

РЕФЕРАТ

Коллегам-парламентариям необходимо подумать о концентрации усилий, в том числе и в решении проблем и конфликтов, существующих в зонах интересов и прилегающих к зонам ответственности интеграционных объединений. Таков один из выводов статьи, в которой, используя исторический материал, автор рассматривает парламентскую дипломатию Содружества Независимых Государств и подписание Бишкекского протокола. *Ключевые слова:* Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств, парламентская дипломатия, Нагорно-Карабахский конфликт, Бишкекский протокол

The Bishkek Protocol: a View from a Quarter of a Century Distance

Peter P. Ryabukhin

Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization; Saint-Petersburg, Russian Federation, rov-odkb@mail.ru

ABSTRACT

Colleagues and parliamentarians need to think about the concentration of efforts in solving problems and conflicts that exist in the areas of interest and responsibility of integration associations. This is one of the conclusions of this article, in which, using historical material, the author considers the parliamentary diplomacy of the Commonwealth of Independent States and the signing of the Bishkek Protocol.

Keywords: Inter-parliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States, parliamentary diplomacy, Nagorno-Karabakh conflict, Bishkek Protocol

5 мая 2019 г. исполняется 25 лет заявлению с призывом к прекращению огня, сделанному в ходе Карабахской войны и известному под названием «Бишкекский протокол». Тогда, уже в далеком 1994 г., мирную инициативу проявила Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ, которую поддержали парламент Кыргызской Республики, Федеральное Собрание и Министрство иностранных дел Российской Федерации. Конфликтующие стороны — не сразу — прекратили войсковые операции и массированные обстрелы позиций. Окончательный мир не наступил, но ожесточенное взаимное истребление прекратилось...

Немного истории

Карабахское ханство наряду с другими территориями Кавказа вошло в состав Российской империи в качестве приза за победу в русско-персидской войне 1804–1813 гг.: 12 октября 1813 г. в селении Гюлистан (Карабахское ханство) был подписан мирный договор, ст. III которого гласила: «Его шахское величество в доказательство искренней приязни своей к его величеству императору всероссийскому сим торжественно признает как за себя, так и за своих высоких преемников персидского престола принадлежащими в собственность Российской империи ханства Карабагское и Ганжинское, обращенное ныне в провинцию под названием Елисаветпольской; также ханства Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Тальшское с теми землями сего ханства, кои ныне состоят во власти Российской империи; при том весь Дагестан, Грузию с Шуграгельскою провинцией, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между постановленной ныне границей и Кавказской линией, с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами».

Справедливости ради, следует сказать, что, невзирая на свои клятвы и заверения в вечной дружбе с Россией, Персия не смирилась с утратой Закавказья и, подстрекаемая Великобританией, вскоре вновь пошла против северного соседа войной, закончившейся для нее окончательным поражением в 1828 г. Но это уже другая история...

В 1920 г. в Закавказье была установлена советская власть. 12 марта 1922 г. в Тифлисе конференция представителей ЦИК Азербайджанской ССР, ЦИК Армянской ССР и ЦИК Грузинской ССР утвердила договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ), а уже 13 декабря 1922 г. 1-й Закавказский съезд Советов, проходивший

в Баку, преобразовал ФСССРЗ в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР) при сохранении самостоятельности входивших в нее республик. Съезд утвердил Конституцию ЗСФСР, образовал Закавказский ЦИК и правительство — Совет народных комиссаров ЗСФСР. Карабах (по-армянски — Арцах) — территория площадью около 4,5 тыс. кв. км, населенная в основном¹ армянами, — входил тогда в состав Азербайджанской ССР. В 1923 г. из армянонаселенной части Нагорного Карабаха была образована автономная область Нагорного Карабаха (АОНК), в 1937 г. АОНК была преобразована в Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО). В годы советской власти армянский анклав на территории Азербайджана был, по сути, глубокой провинцией, где жили неторопливо и размеренно, не погружаясь в межнациональные проблемы. Но с началом перестройки ситуация изменилась. В 1987 г. развернулась агитационная кампания за присоединение НКАО к Армении, зашумели митинги, зашелестели подписные листы... Совместная сессия Нагорно-Карабахского областного и Шаумяновского районного Советов народных депутатов 2 сентября 1991 г. провозгласила образование Нагорно-Карабахской Республики (НКР) в границах Нагорно-Карабахской автономной области и населенного преимущественно армянами прилегающего Шаумяновского района Азербайджанской ССР, а референдум, прошедший в декабре того же года, показал, что практически все население НКР проголосовало за полную независимость от Азербайджана. Понятно, что Азербайджан объявил провозглашение независимости незаконным, а результаты референдума недействительными.

В поисках выхода

К началу «горячей» фазы Карабахской войны пространство Советского Союза представляло собой пятнадцать «суверенов», большая часть которых объединилась в Содружество Независимых Государств и не могла спокойно смотреть на то, как два совсем не посторонних им народа истребляют друг друга. Хотя первые попытки решения карабахской проблемы предпринимались еще осенью 1991 г.: в сентябре президенты России и Казахстана посетили Степанакерт — столицу непризнанной НКР, а также Баку и Ереван, пытаясь найти путь к примирению Азербайджана и самопровозглашенной республики. Чуда не произошло, но началась планомерная международная деятельность в поисках возможностей примирения враждующих сторон.

К делу подключились ООН и ОБСЕ (тогда — Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе). В январе 1992 г. в СБСЕ вошли Республика Армения и Азербайджанская Республика. Это обстоятельство стало поводом для направления в регион конфликта наблюдателей СБСЕ, которые через месяц выступили с докладом о ситуации в НКР. Последовавшая за этим эскалация конфликта подвигла руководство Совещания на создание специальной посреднической группы для подготовки переговоров по урегулированию карабахского конфликта на Минской мирной конференции. Расчет был на то, что к весне 1993 г., когда должна была состояться Минская конференция, призванная утвердить окончательный вариант мирного соглашения, рабочая группа посредников решит все технические проблемы. Однако в процессе решения разногласий Минская группа все глубже погружалась в трясину переговоров, ни на шаг не приближаясь к цели. В результате Минская конференция была отложена на неопределенный срок.

Организация Объединенных Наций также не бездействовала. В 1993 г. Совет Безопасности ООН принял четыре резолюции по нагорно-карабахскому конфликту, «принимая во внимание», «выражая обеспокоенность» и «призывая стороны конфликта». Однако противоборствующие стороны это не останавливало: к 1994 г. они вели полноценные боевые действия, сотни тысяч людей были вынуждены покинуть родные дома, убегая от войны, а количество жертв исчислялось многими тысячами.

Парламентская дипломатия в действии

Образованная в марте 1992 г. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге), объединившая на тот момент в своих рядах законодателей 10 бывших республик СССР, включая Азербайджанскую Республику и Республику Армения, не могла оставаться в стороне от решения карабахской проблемы. В МПА СНГ создали группу содействия урегулированию конфликта в НКАО, которую возглавил бывший тогда спикером парламента Кыргызской Республики М. Шеримкулов. Группа активно включилась в миротворческую деятельность совместно с аналогичной группой, созданной МИД России.

Кто-то вспомнил, что всего в 700 км от Северной столицы находится место с похожей исторической проблемой, но при этом мирно существующее уже не один десяток лет, — Аландские

¹ По данным переписи населения 1926 г., армяне составляли 90% населения НКАО.

острова — архипелаг в Балтийском море на входе в Ботнический залив (автономия в составе Финляндии, населенная финскими шведами и имеющая особый демилитаризованный и моноязычный статус), и предложил изучить их опыт бескровного решения межгосударственных и межнациональных конфликтов. Кстати говоря, острова архипелага были заселены этническими шведами, являвшимися гражданами Финляндии. В марте 1917 г., после падения в России монархии, население Аландских островов, имея основания опасаться за сохранность шведского языка и культуры, предприняло попытки воссоединиться со Швецией, в связи с чем представителями аландских провинций-коммун была составлена петиция к шведскому королю и правительству с просьбой принять Аланды под свое покровительство. Начался сбор подписей всего взрослого населения, но 6 декабря 1917 г. Финляндия объявила свою независимость от России, вследствие чего Аландам было отказано в праве самоопределения. 4 января 1918 г. Швеция и Россия признали независимость Финляндии, а острова архипелага были включены в ее состав, что вызвало волну протеста среди населения как самих Аландских островов, так и континентальной части Швеции.

Проведенный в июне 1919 г. референдум о статусе островов выявил желание 95,48% голосовавших на нем аландцев вхождения архипелага в состав Швеции. В мае 1920 г. парламент Финляндии, издав закон об автономии Аландских островов, предоставил островам права автономии, однако закон не был принят населением Аландов, что привело к так называемому Аландскому кризису. В аландском парламенте, избранном еще в 1918 г., произошли бурные дебаты, закончившиеся тем, что два лидера Сундблум и Бьеркман были арестованы по обвинению в государственной измене.

При посредничестве Великобритании вопрос был рассмотрен в ходе двух заседаний Лиги Наций и завершился принятием 24 июня 1921 г. аландской конвенции, в соответствии с которой было решено оставить архипелаг под контролем Финляндии, но с предоставлением статуса широкой автономии. Спустя три дня Швеция и Финляндия подписали «Аландское соглашение» — мирный договор по статусу островов.

21–22 декабря 1993 г. по инициативе МПА СНГ, МИД России и Аландского института мира в столице островной автономии — Мариехамне — состоялась встреча депутатов парламентов Азербайджанской Республики, Республики Армения и представителей НКАО, в ходе которой был представлен опыт разрешения спора между Швецией и Финляндией вокруг архипелага. Тогда же М. Шеримкулов предложил провести следующую встречу в Бишкеке. В столице Кыргызской Республики собрались 4 мая 1994 г. Помимо посредников — представителей МПА СНГ, Федерально-го Собрания и МИД России, Жогорку Кенеша, во встрече участвовала делегация из депутатов Аландских островов. Делегации противоборствующих сторон возглавляли руководители законодательных органов: от Азербайджанской Республики — заместитель спикера Милли Меджлиса А. Джалилов, от Республики Армения — председатель Верховного Совета Б. Араркцян, от НКАО — депутат областного Совета К. Бабурян.

Организаторы встречи задались целью — по ее итогам подписать документ с призывом к противоборствующим сторонам о прекращении огня и добиться его безусловного выполнения. В результате двухдневных упорных дебатов вечером 5 мая 1994 г. итоговый документ подписали все участники встречи, кроме вице-спикера А. Джалилова. Особо следует отметить, что представитель НКАО был признан равноправным участником встречи и также поставил свою подпись под заявлением. От азербайджанской стороны подпись под документом поставил 8 мая спикер парламента Р. Гулиев, вписав две оговорки.

Текст Бишкекского протокола не занимает много места, но его роль в истории парламентской дипломатии столь велика, что приводим его полностью:

«Участники встречи, проведенной 4–5 мая 1994 г. в городе Бишкеке по инициативе Межпарламентской Ассамблеи СНГ, парламента Кыргызской Республики, Федерального Собрания и Министерства иностранных дел Российской Федерации:

- выразили решимость всемерно способствовать прекращению вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него, который не только наносит непоправимый урон азербайджанскому и армянскому народам, но и существенно затрагивает интересы других стран региона, серьезно осложняет международную обстановку;
- поддержав Заявление Совета глав государств СНГ от 15 апреля 1994 г., высказали готовность оказывать полную поддержку усилиям глав и представителей исполнительной власти по прекращению вооруженного противостояния и ликвидации его последствий путем скорейшего заключения соответствующего соглашения;
- выступили за естественную активную роль Содружества и Межпарламентской Ассамблеи в прекращении конфликта, в реализации связанных с этим принципов, целей и конкретных решений ООН и СБСЕ (прежде всего резолюций Совета Безопасности ООН 822, 853, 874, 884);

- призвали все противоборствующие стороны внять голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая с. г., опираясь на Протокол от 18 февраля 1994 г. (в том числе и в части размещения наблюдателей), и самой интенсивной работой в кратчайшие дни закрепить это путем подписания надежного, юридически обязывающего соглашения, предусматривающего механизм обеспечения невозобновления военных и враждебных действий, вывод войск с занятых территорий и возобновление функционирования коммуникаций, возвращение беженцев, продолжение переговорного процесса;
- согласились предложить парламентам государств — участников СНГ обсудить инициативу Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи В. Ф. Шумейко и Руководителя миротворческой группы Ассамблеи по Нагорному Карабаху М. Ш. Шеримкулова о создании миротворческих сил Содружества;
- считают целесообразным продолжать подобные встречи в интересах мирного решения вооруженного конфликта;
- выразили признательность народу и руководству Кыргызстана за создание превосходных условий работы, радушие и гостеприимство.

От имени делегаций:

А. Джалилов, Р. Гулиев¹, Б. Араркцян, К. Бабурян, В. Шумейко, М. Шеримкулов, В. Казимиров — полномочный представитель Президента Российской Федерации, руководитель посреднической миссии России, М. Кротов — руководитель Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

Бишкек, 5 мая 1994 г.».

Уже в полночь 12 мая 1994 г. подписанное на основе Бишкекского протокола Соглашение о прекращении огня вступило в силу.

Взгляд в день сегодняшний

Бишкекскому протоколу исполняется 25 лет — солидный срок, но проблемы, которые он был призван решить и решил, по-прежнему остры на постсоветском пространстве. Их решением вплотную занимаются президенты и министры наиболее авторитетных государств мира, часто — в том же дорогом многим из нас Минске и, как правило, с тем же результатом. Самый свежий пример — попытка прекратить гражданскую войну на Юго-Востоке Украины... Почему же успешно решенная посредством парламентской дипломатии задача оказалась забытой? Ведь за каждым депутатом стоят тысячи его избирателей, а за национальными парламентами — миллионы граждан, доверивших им осуществление властных полномочий от своего имени!

Авторитет МПА СНГ и созданной в 2006 г. Парламентской Ассамблеи ОДКБ за прошедшие годы вырос. Сегодня эти уважаемые организации признаны на самом высоком международном уровне. Оглядываясь на прошедшую четверть века и устремляя взор вперед, призываю коллег-парламентариев подумать о концентрации усилий для решения проблем и конфликтов, существующих в зонах интересов и на территориях, прилегающих к зонам ответственности интеграционных объединений государств, будь то Приднестровье или Донбасс.

Об авторе:

Петр Павлович Рябухин, исполняющий обязанности заместителя ответственного секретаря Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (Санкт-Петербург, Российская Федерация); rov-odkb@mail.ru

About the author:

Peter P. Ryabukhin, Executive Secretary (the acting) of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization (Saint-Petersburg, Russian Federation); rov-odkb@mail.ru

¹ 8 мая 1994 г. в Баку при подписании Р. Гулиевым Бишкекского протокола в тот его экземпляр была включена следующая запись: «Подписано с условием, что в пятом абзаце настоящего текста в третьей строке сверху перед словом “наблюдателей” будет добавлено слово “международных” и в шестой строке сверху этого же абзаца слово “занятых” будет заменено на “захваченных”». Кроме того, предпринималась попытка дополнить тот экземпляр документа подписью лидера азербайджанской общины Нагорно-Карабахского региона Н. Бахманова, но в тот день его не нашли в Баку. Он подписал документ позже.

Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии

Торопыгин А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

В этом году исполняется 25 лет со дня подписания Бишкекского протокола (1994 г.), сыгравшего значительную роль в урегулировании конфликта вокруг Нагорного Карабаха и ставшего существенным вкладом Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств в миротворческую деятельность на постсоветском пространстве. Статья посвящена этому событию. Автор, в 1994 г. — помощник заместителя Генерального секретаря Совета МПА СНГ — представителя Федерального Собрания Российской Федерации в МПАСНГ, вспоминает атмосферу тех дней, переговоры, связанные с подготовкой и подписанием документа. События, связанные с подготовкой подписания в известной мере позволяют посмотреть на некоторые аспекты развития парламентской дипломатии, что, в свою очередь, важно как для развития дипломатии, так и парламентаризма в целом.

Ключевые слова: конфликт, Нагорный Карабах, МПА СНГ, Бишкекский протокол

Bishkek Protocol. How It Was: Memories and Comments

Andrey V. Toropygin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation ; toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

This year marks the twenty-five years since the signing of the Bishkek Protocol (1994), which played a significant role in resolving the conflict over Nagorno-Karabakh and became a significant contribution of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in peacekeeping activities during the post-soviet period. The article is dedicated to this event. The author in 1994 was an Assistant Deputy Secretary General of the IPA CIS Council — Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation in the IPA CIS, recalls the atmosphere of those days and the negotiations related to the preparation and signing of the document.

The events connected with the preparation of signing certainly allow us to look at some aspects of the development of parliamentary diplomacy, which is important, both for the development of diplomacy and parliamentarism in general.

Keywords: conflict, Nagorno-Karabakh, IPA CIS, Bishkek Protocol

Легко найти причины участия парламентариев в миротворческой деятельности: исторические; институциональные; политические; экономические; мотивационные и т. д. Все это, конечно, правильно. Но, на наш взгляд, наиболее емко определил суть парламентского миротворчества М. Шеремкулов, председатель Верховного Совета Кыргызской Республики: «Само общественное положение обязывает нас быть парламентарями, посредниками между народами»¹. Думается, что сопереживание людской боли, обостренное чувство желания помочь вело их через линию фронта самого кровопролитного вооруженного конфликта начала девяностых годов прошлого века на территории бывшего СССР и помогло с честью пройти «свою часть пути».

М. Шеремкулов вспоминал в 1995 г. о том, что в тот момент надо было найти какое-то положительное «...воздействие на разрешение мирным путем различных конфликтов на территории бывшего Советского Союза. Исходя из этого, еще в 1993 г. я предложил, чтобы Межпарламентская Ассамблея приняла активное участие в разрешении карабахского конфликта. Эта идея была поддержана. Поэтому с того времени мы неоднократно выезжали в Азербайджан, Армению и Карабах и в 1993 г. в декабре первый раз приехали на эти чудесные острова (Аландские. — А. Т.), чтобы провести семинар, посадить за стол переговоров конфликтующие стороны. После встречи на Аландах я пригласил всех к себе, в Бишкек, и 5 мая 1994 г. был подписан уже ставший известным Бишкекский протокол. И вот уже девять месяцев там нет войны, не льется кровь. Если бы Межпарламентская Ассамблея не сделала ничего, кроме этого, она бы уже оправдала свое существование» [1, с. 30].

«Воздействие», о котором говорил М. Шеремкулов, представляло из себя в первую очередь переговорный процесс. Переговоры представителей МПА и руководителей Азербайджана и Арме-

¹ Санкт-Петербургские Ведомости, 05.10.1993.

нии особенно активно проводились в сентябре 1993 г. На них было высказано мнение о необходимости прямого диалога между конфликтующими сторонами и нахождения политического решения. Все участники переговоров были в данном случае едины во мнении, что начало урегулированию должно положить прекращение огня.

Той осенью (17–22 сентября) были проведены переговоры в Баку с исполняющим обязанности президента, главой парламента Азербайджана Г. Алиевым и другими руководителями страны, в Ереване — с президентом Л. Тер-Петросяном, главой парламента Б. Аракцяном, в Степанакерте — с руководителями Нагорного Карабаха. Миротворческая группа посетила лагерь беженцев и по взаимному согласию сторон перешла линию боевых действий в Агдамском районе Азербайджана.

Вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе возник в 1988 г., вместе с тем он имеет давние исторические корни. За семь лет конфликт привел к огромным человеческим жертвам (свыше 25 тыс. убитых) и разрушениям. С 1993 г. оккупировано семь районов Азербайджана за пределами Нагорного Карабаха. Как среди армян, так и среди азербайджанцев имеется большое количество беженцев — в целом более 1,5 млн. Военные действия, энергетическая и транспортная блокада дезорганизовали экономику всего региона.

В 1989 г. Верховный Совет Армянской ССР и Национальный Совет Нагорного Карабаха приняли совместное Постановление о воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха. Тем самым парламент Армении признал самоопределение Нагорно-Карабахской автономной области, а затем поручил соответствующим органам принять меры по осуществлению реального слияния политических, экономических и культурных структур Армянской ССР и Нагорного Карабаха в единую государственно-политическую систему. Армянская сторона исходила из утверждения, что Карабах, по ее мнению, как территория исторического проживания армян, является «исконно армянской территорией». Азербайджанская сторона ответила энергичными контрмерами. Начались армяно-азербайджанские столкновения, переросшие в затяжную войну. Усилия высших органов власти СССР, а затем и мирового сообщества остановить и разрешить конфликт в тот момент успеха не имели.

Миротворческая миссия ознаменовалась двумя важнейшими итогами: во-первых, удалось получить согласие сторон на прекращение огня сроком на один месяц; во-вторых, было получено принципиальное согласие руководства государства и парламента Республики Азербайджан, ранее не являвшейся участницей МПА, о вступлении в Ассамблею. В составе группы были представители России, Казахстана и Беларуси¹.

В тот момент еще не было официального названия — группа, миротворческая группа, не было мандатов на проведение переговоров, и лишь витала идея провести раунд переговоров на Аландах. 10–14 ноября 1993 г. состоялась 43-я сессия Северного Совета. В работе форума участвовала делегация секретариата Совета МПА, возглавляемая его руководителем М. Кротовым. На заседаниях сессии обсуждался опыт Аландских островов как модели для мирного разрешения конфликтов на спорных территориях в различных районах СНГ. В дискуссии по этому вопросу приняли участие представители парламентских делегаций и премьер-министры ряда скандинавских стран. Тогда-то и было окончательно принято решение о встрече на Аландских островах². В декабре 1993 г. МПА совместно с МИД России и Аландским институтом мира организовали встречу-семинар на Аландских островах, в которой приняли участие азербайджанские и армянские парламентарии и представители Нагорного Карабаха [3, с. 232]. Значение этой акции трудно переоценить, поскольку удалось провести прямую встречу между всеми участниками конфликта и изучить аландский опыт.

А изучить и осмыслить было что.

Аландские острова имеют богатую историю. Так, орган аландского самоуправления — ландстинг — упоминается уже в летописях 1322 г. И в дальнейшем Аландские острова имеют довольно самостоятельное положение в рамках шведского государства. Аландцы всегда подчеркивают свои шведские корни. Когда Швеция после войны 1808–1809 гг. была вынуждена передать Финляндию во владение России, то и Аландские острова были присоединены к Великому Княжеству Финляндии. Россия считала, что острова могли стать важным форпостом на Балтике, и в 1820 г. стала возводить большую крепость в Бомарсунде.

Война на берегах другого моря, Черного, стала отправной точкой процесса, приведшего к положению вещей, существующих сейчас. Страны — победительницы Крымской войны (1853–1856 гг.) настаивали на передаче Аландов Швеции. Этого не произошло, но в Париже был принят

¹ Санкт-Петербургские Ведомости. 18.09.1993, 24.09.1993.

² Интервью М. Кротова. Санкт-Петербургские Ведомости. 15.11.1993.

так называемый Аландский сервитут, включающий положение о вечной демилитаризации Аландских островов. Аландцы хотели воссоединиться со своей бывшей метрополией — Швецией, особенно сильным это желание стало в момент Великой Октябрьской социалистической революции в России (1917 г.). Финляндия стала независимой, но в отношении Аландов она не была готова принять такое же решение.

Надо ли говорить, что такое положение вещей, мягко говоря, не способствовало безоблачным отношениям Швеции с Финляндией. И тогда Великобритания выступила с предложением передать решение вопроса в Лигу Наций. 24 июня 1921 г. Лига Наций приняла решение. Был признан суверенитет Финляндии в отношении Аландских островов. Одновременно Совет констатировал, что «мир, хорошие отношения между Финляндией и Швецией в будущем, а также благосостояние и счастье на островах можно укрепить только с помощью таких мероприятий, целью которых является: а) предоставление населению островной группы новых гарантий; б) обеспечение нейтральности и запрещения возводить укрепления» [5, с. 23]. К счастью, и Швеция, и Финляндия согласились с решением и не потребовалось никаких миротворцев. Они заключили Аландский договор, а вслед за ним в Финляндии был принят Закон о самоуправлении Аландов, разделивший властные полномочия между островом и республикой. Не меняясь по своей сути, он изменялся в соответствии с реальностями.

Делегацию Азербайджана возглавлял А. Джалилов — заместитель председателя Национального Собрания, делегацию Армении — А. Туманян — заместитель председателя Верховного Совета¹. К. Бабурян, председатель непризнанного Верховного Совета НКР, представлял интересы Нагорного Карабаха. Во встрече принимали также участие: В. Казимиров — специальный представитель Президента Российской Федерации, Консул Российской Федерации на Аландах В. Болдырев, руководитель российской посреднической миссии по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, официальные представители Швеции и Финляндии, председатель Парламентской Ассамблеи ОБСЕ И. Суоминен. МПА СНГ представляли М. Шеримкулов и М. Кротов. Участники встречи заранее условились не подписывать каких-либо документов по ее итогам, главным из которых было достижение соглашения о продолжении диалога и проведении следующей встречи весной 1994 г. в Бишкеке. Комментарии средств массовой информации на Аландскую встречу были весьма сдержанные. Почти все они повторяли высказывание В. Казимирова и М. Шеримкулова о том, что несомненным успехом встречи является то, что «на Аландах впервые за шесть лет удалось собрать под одной крышей представителей всех сторон конфликта»². Депутат Верховного Совета Республики Армения Х. Безирджян, сказал: «...Встречи, безусловно, были плодотворными и интересными, сама идея ознакомления конфликтующих сторон с «Аландской моделью» полезной. Однако остается под сомнением факт повторения модели в случае Карабаха в силу многих, в том числе и этнических, различий. В частности, абсолютно неприемлемо для Карабаха придание статуса демилитаризованности»³.

Начало 1994 г. прошло в интенсивной подготовке встречи в Бишкеке, особенно насыщенными стали март и апрель. Сохранился черновик служебной записки о поездке миротворческой группы МПА СНГ 31.03–03.04.1994 в республики Азербайджан и Армения. «Миротворческая группа, созданная распоряжением Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ В. Ф. Шумейко в составе: Шеримкулов М. Ш. — руководитель группы, Председатель Верховного Совета Республики Кыргызстан; Казимиров В. Н. — Посол по особым поручениям Российской Федерации, специальный представитель Президента России⁴; Коротченя И. М. — Исполнительный секретарь СНГ, народный депутат Республики Беларусь; Кротов М. И. — руководитель секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ; Павлов Е. А. — заместитель председателя Комитета Совета Федерации по делам СНГ Федерального Собрания России; Ширшов П. П. — председатель Комитета Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны Федерального Собрания России, председатель Комиссии МПА по вопросам обороны и безопасности, посетила г. Баку, где 31 марта состоялись официальные переговоры с председателем Национального собрания Р. Б. Гулиевым и неофициальный ужин у Президента Азербайджанской Республики Г. А. Алиева с руководством республики.

¹ Реален ли вариант «Аландской модели» в случае Карабаха. Республика Армения. Ереван. 15.01.1994.

² Вечерний Петербург, Невское время. 25.12.1993.

³ Республика Армения. 15.01.1994.

⁴ Значение деятельности Владимира Николаевича в процессе урегулирования в 1992–1996 гг. как главы российской посреднической миссии по политическому урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха невозможно преувеличить. Им написана книга «Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта». М. : Международные отношения, 2009.

01.04 состоялись официальные переговоры с Президентом Азербайджанской Республики Г. А. Алиевым.

01.04 миротворческая группа прибыла в Ереван, где состоялись переговоры с Председателем Верховного Совета Республики Армения Б. Г. Араркцяном, членами Президиума ВС и руководителями фракций. Прошли официальные переговоры с Президентом Республики Армения Л. А. Тер-Петросяном. Вечером состоялся неофициальный ужин, в котором приняли участие Президент и руководитель Верховного Совета.

02.04 миротворческая группа выехала в Нагорный Карабах, посетила район Лачина и встретилась с руководством Нагорного Карабаха в селе Егцаог, после чего вернулась в Армению и вылетела в Минск. Накануне вылета миротворческой группы из Москвы министр иностранных дел России А. В. Козырев принял М. Ш. Шеримкулова и М. И. Кротова по их просьбе. В ходе беседы А. В. Козырев дал высокую оценку деятельности МПА по урегулированию нагорно-карабахской проблемы, при этом подчеркнув, что видит главную задачу в создании благоприятного общественно-политического климата для переговоров, которые проводятся исполнительными органами. Переговоры, проведенные в Армении и Азербайджане, показали, что все стороны заинтересованы в мирном решении конфликта, признают определяющую роль России как посредника и гаранта в процессе мирного урегулирования и заинтересованы в подключении к переговорному процессу СНГ в целом. Вместе с тем к выполнению первого этапа российского плана урегулирования — повсеместному прекращению огня и разводу войск — стороны относятся сдержанно»¹.

Миротворческие усилия государств Содружества ясно обозначены уже в Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 г., Декларации о неприменении силы или угрозы силой во взаимоотношениях между государствами — участниками Содружества Независимых Государств, принятой главами государств 20 марта 1992 г. в г. Киеве, в Ашхабадской Декларации о развитии сотрудничества и укреплении доверия в отношениях между государствами-участниками СНГ (24 декабря 1993 г.). С момента образования Содружества одновременно нарабатывалась практика принятия конкретных решений политического урегулирования конфликтов в Содружестве. Так, на киевской (1992 г.) встрече было принято Заявление глав государств-участников СНГ об обстановке в левобережных районах Республики Молдова. В июне 1995 г. в Исполнительном Секретариате Содружества прошла международная научно-практическая конференция «Проблемы сотрудничества государств — участников Содружества в урегулировании вооруженных конфликтов в СНГ», которая рекомендовала разработать общие принципы управления и контроля за миротворческой деятельностью.

В 1996 г. главы государств приняли Заявление Совета глав государств СНГ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, в котором отмечается ряд положительных моментов в его урегулировании, а стороны призываются к активизации усилий в мирном решении спорных вопросов. Совет глав государств правомочен в любой стадии спора, продолжение которого могло угрожать поддержанию мира или безопасности в Содружестве, рекомендовать надлежащую процедуру или методы его регулирования. Механизмы урегулирования споров и конфликтов в СНГ оптимально анализировать на основе «Концепции предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств — участников Содружества Независимых Государств» [6, с. 13–29]. Документ был принят Советом глав государств 19.01.1996 и таким образом вобрал в себя не только теоретические положения, но и опыт решения конфликтных ситуаций.

Первый заместитель министра иностранных дел России А. Л. Адамишин, по просьбе М. И. Кротова, командировал в Бишкек В. П. Болдырева — консула России на Аландских островах, тем самым подтверждая мысль о том, что встреча в Бишкеке является прямым продолжением переговоров сторон на Аландских островах. В Бишкек также прибыли официальные лица с Аландских островов и дирекции Аландского института мира. Встреча в Бишкеке не рассматривалась как событие выдающееся, скорее как один из проходных раундов переговоров на трудном пути к миру. По информации «Интерфакса»², А. Джалилов заявил в интервью журналистам в Баку перед отлетом в Бишкек, что в ходе встречи предполагается обсудить пути политического урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, в частности, условия прекращения огня, отвода войск и возвращения азербайджанских беженцев. Спикер армянского парламента Б. Араркцян заявил, что Ереван придает важное значение усилиям МПА в деле содействия мирному урегулированию конфликта, однако при этом обратил внимание на отсутствие механизмов международного

¹ Архив автора.

² Информационное сообщение о событиях в государствах Содружества. Информационно-аналитическое управление Министерства РФ по делам СНГ. 05.05.1994.

урегулирования вооруженных конфликтов. Он также заявил журналистам перед началом встречи, что уровень представленной в Бишкеке азербайджанской делегации может затруднить переговорный процесс. Между тем В. Шумейко и М. Шеремкулов выразили уверенность, что отсутствие на встрече председателя парламента Азербайджана Р. Гулиева не отразится на итогах переговоров, так как А. Джалилов уполномочен подписывать документы. По всей видимости, здесь уместно сделать некоторые пояснения.

Президент Азербайджана Г. Алиев в это время находился с официальным визитом в Брюсселе, где должен был подписать программу «Партнерство во имя мира». А в соответствии с конституцией этой страны в отсутствие президента его должен заменять спикер парламента. Поэтому делегацию в Бишкеке возглавлял вице-спикер парламента. Это достаточно важная деталь. И еще два факта, безусловно, повлиявшие на ход встречи. Когда 1 апреля Президент Азербайджана Г. Алиев принял в Баку находящуюся делегацию МПА СНГ во главе с председателем Верховного Совета Кыргызстана М. Шеремкуловым, Президент специально отметил, что не может поддержать предложение об участии представителей Нагорного Карабаха в бишкекской встрече. По словам главы азербайджанского государства, этот вопрос не подлежит дискуссии¹. Вопрос о конфликте вокруг Нагорного Карабаха немного позже был рассмотрен и на Совете глав государств СНГ, где было принято соответствующее заявление (15 апреля). Однако, несмотря на это, переговоры в Бишкеке, по признанию всех участников, шли очень трудно. Тем не менее удалось выйти на итоговый документ — Бишкекский протокол, который, несомненно, явился заслугой миротворческих усилий парламентариев и Межпарламентской Ассамблеи государств Содружества и без преувеличения стал историческим документом, хотя по объему укладывается в две страницы текста. В преамбуле протокола было подчеркнuto, что бишкекская встреча проходит по инициативе Межпарламентской Ассамблеи СНГ, парламента Кыргызской Республики, Федерального Собрания и Министерства иностранных дел Российской Федерации. Протокол констатировал решимость сторон всемерно способствовать прекращению вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе и вокруг него. Было поддержано Заявление Совета глав государств СНГ от 15.04.1994 и выражена готовность содействовать усилиям глав государств, представителям исполнительной власти в деле прекращения вооруженного противостояния. В протоколе отмечено значение активных действий стран Содружества и Межпарламентской Ассамблеи для прекращения конфликта и реализации конкретных решений ООН и ОБСЕ (прежде всего резолюций Совета Безопасности ООН № 822, 853, 874, 884). Подписавшие протокол руководители парламента и МПА:

- призвали все противоборствующие стороны внять голосу разума: прекратить огонь в полночь с 8 на 9 мая 1994 г., опираясь на протокол от 18.02.1994 (в том числе и в отношении размещения наблюдателей), подписать юридически обязывающее соглашение, предусматривающее невозобновление военных и враждебных действий, вывод войск с занятых территорий, возобновление функционирования коммуникаций, возвращение беженцев, продолжение переговорного процесса;
- выразили согласие на то, чтобы в парламентах государств-участников СНГ была обсуждена инициатива Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи В. Шумейко и Руководителя миротворческой группы Ассамблеи по Нагорному Карабаху М. Шеримкулова о создании миротворческих сил Содружества;
- признали целесообразным продолжить встречи в интересах окончательного мирного разрешения вооруженного конфликта.

Глава делегации Азербайджана вице-спикер республиканского парламента А. Джалилов подписать протокол отказался и заявил на брифинге по окончании переговоров, что Баку не согласен с некоторыми пунктами протокола. В нем, в частности, не признается агрессия Армении против Азербайджана, говорится о разводе войск противоборствующих сторон, а не о выводе армянских сил с оккупированных территорий Азербайджана, а также о введении в зону конфликта миротворческих сил СНГ, а не международных войск, за что выступает Баку.

20 марта 1992 г. в г. Киеве было подписано Соглашение о группах военных наблюдателей и коллективных силах по поддержанию мира в СНГ. Его подписали и Республика Азербайджан, и Республика Армения. Этим соглашением было положено начало самостоятельной региональной миротворческой деятельности в СНГ. В документе предусматривается создание в Содружестве групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира в целях «...оказания на основе взаимного согласия помощи в предотвращении и урегулировании на территории любого государства-члена СНГ конфликтов на межнациональной, религиозной и политической основах» [7, с. 37].

¹ Азербайджан. 05.04.1994.

Группа по поддержанию мира осуществляет те функции и задачи, которые возлагаются на нее по принимаемому с общего согласия решению Совета глав государств — участников Содружества Независимых Государств. Такое решение принимается только в случае поступления просьбы со стороны всех конфликтующих сторон, а также при условии достижения между ними соглашения о прекращении огня и других враждебных действий до направления группы по поддержанию мира. В развитие положений данного соглашения 15 мая 1992 г. в г. Ташкенте были подписаны:

- Протокол о статусе групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств;
- Протокол о комплектовании, структуре, материально-техническом и финансовом обеспечении группы военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств;
- Протокол о временном порядке формирования и задействования групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира в зонах конфликтов между государствами и в государствах — участниках Содружества Независимых Государств [7, с. 41–64]. И Армения, и Азербайджан в то время подписали эти документы.

Кроме того, по словам А. Джалилова, под документом не должна стоять подпись представителя Нагорного Карабаха. Баку считает, что Карабах не является стороной конфликта. В. Шумейко заявил на брифинге, что без признания Нагорного Карабаха стороной в конфликте урегулировать его будет невозможно. Он высказался за создание и направление в зону карабахского конфликта миротворческих сил СНГ, поскольку зона конфликта находится в пределах Содружества¹. Вслед за этим официально было заявлено, что азербайджанские представители настаивают на признании факта агрессии со стороны Армении². В то же время Азербайджан настаивал на том, чтобы в зону конфликта были введены не миротворческие силы СНГ, а международные войска и чтобы под документом не стояла подпись представителя Нагорного Карабаха³. 8 мая, после переговоров В. Казимира с Р. Гулиевым, последний поставил свою подпись под протоколом [4, с. 248]. Таким образом, последняя подпись под Бишкекским протоколом была поставлена в Баку. На протяжении всего этого времени, с начала встречи и по 12 мая, продолжались военные действия. Приведем справку «Интерфакса», опубликованную в Минсотрудничестве: «Вооруженные силы Нагорного Карабаха, выполняя приказ командования, с 00:00 9 мая “строго соблюдают одностороннее прекращение огня”», сообщили в понедельник «ИФ» в пресс-службе армии обороны самопровозглашенной НКР. Между тем, по данным министерства обороны Азербайджана, в течение 8 мая «части вооруженных сил Армении, несмотря на заявление армянской стороны об одностороннем прекращении огня с 00 часов 9 мая, в 3:00 9 мая армянские войска атаковали позиции азербайджанской армии на юге Физулинского района Азербайджана». Но если сложная военная обстановка не претерпела значительных перемен, то политическая серьезно обострилась по целому ряду причин. Так, «Коммерсан-Дейли» 11 мая со ссылкой на агентство ТУРАН написала: «...ставя подпись (Гулиев – А. Т.), сделал одну примечательную оговорку: там, где говорится о размещении наблюдателей, он вписал слово “международных”»⁴. Между тем Казимиров не делал никакой тайны и сразу же сообщил, что протокол подписан со следующим дополнением: «Подписано с условием, что в пятом абзаце настоящего текста в третьей строке сверху перед словом “наблюдателей” будет добавлено слово “международных” и в шестой строке сверху этого же абзаца слово “занятых” будет заменено на “захваченных”».

Эти оговорки устроили не всех. Среди откликов на встречу есть следующий материал: «Партия национальной независимости Азербайджана (ПНН, лидер Э. Мамедов) обвинил в “национальном предательстве” спикера республиканского парламента Р. Гулиева... В распространенном в среду в Баку заявлении этой одной из самых влиятельных оппозиционных организаций республики отмечается, что ПНН не признает Бишкекский протокол, а подпись под ним Р. Гулиева считает недействительной». Такой же позиции придерживался и ряд других партий. Так, Обращение Демократического конгресса, в котором говорилось, что глава парламента Р. Кулиев (так в источнике. — А. Т.) нарушил Конституцию республики, поставив свою подпись рядом с подписью представителя Нагорного Карабаха, де-юре признал существование самопровозглашенной НКР,

¹ Информационное сообщение о событиях в государствах Содружества. Информационно-аналитическое управление Министерства РФ по делам СНГ. 05.05.1994.

² Баку выдвигает свою версию событий на бишкекской встрече. Информационное сообщение о событиях в государствах Содружества. Информационно-аналитическое управление министерства РФ по делам СНГ. 09.05.1994.

³ Примирение «по-московски» устраивает в Баку не всех. Коммерсант-Дейли. 11.05.1994.

⁴ Там же.

подписали 12 партий и организаций¹. 16 мая военными должен был быть подписан протокол о прекращении огня² в Нагорном Карабахе. Как выяснилось позже, его подписали Павел Грачев — министр обороны Российской Федерации, министр обороны Армении Серж Саркисян и командующий армией обороны Нагорного Карабаха С. Бабалян. Министр обороны Азербайджана после ночных консультаций с политическим руководством своей республики отказался ставить свою подпись³. Так Бишкекский протокол стал документом, гарантирующим перемирие в этой «горячей точке». 13 мая «Невское время» сообщило: «Несмотря на новую договоренность о полном прекращении огня и военных действий в зоне карабахского конфликта, в полночь с 11 на 12 мая вчера утром азербайджанские войска при поддержке артиллерии пытались прорвать карабахские позиции на восточном — Агдамском — направлении. Получив отпор, азербайджанские войска отступили на прежние позиции. По данным войсковой разведки Нагорного Карабаха, азербайджанская сторона стягивает большие силы к северу Мардакертского района НКР»⁴. Это было, может быть, последнее сообщение с той войны. С 12 мая в конфликте вокруг Нагорного Карабаха наступило устойчивое прекращение огня.

Позже, оценивая значение Бишкекского протокола, Председатель Верховного Совета Азербайджана Р. Гулиев сказал о том, что это был правильный шаг в миротворческом процессе, хотя он дался нелегко. Тогда, в мае, в Азербайджане он вызвал неоднозначную реакцию, чуть было не обернувшуюся парламентским кризисом и обострением внутривнутриполитической ситуации. [3, с. 25]. А Председатель Верховного Совета Республики Армения Б. Араркцян в своем интервью подчеркнул: «Я, конечно, прекрасно понимаю, что это дело исполнительной власти. Парламенты могут только рекомендовать те или иные шаги — такого рода рекомендации содержались и в Бишкекском протоколе. Но рано или поздно, если будут подписаны соглашения, они должны быть ратифицированы в Верховном Совете. И включение парламента в работу уже на ранней стадии облегчит ратификацию⁵». Вторым важным итогом Бишкекского протокола явился вклад в формирование особого нравственно-правового климата вокруг проблем урегулирования вооруженных конфликтов на территории СНГ. Сразу же за этим событием последовало прекращение огня в Абхазии, были доработаны и приняты документы о миротворческих силах СНГ. Страны Содружества убедились, что своими силами могут остановить вооруженную фазу конфликтов.

В канун 5-летия Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ О. Богомолов, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации Федерального Собрания РФ, говорил: «Мы видим, что парламентарии намного лучше справляются с ролью миротворцев, чем представители исполнительной власти. Прекращение огня в Абхазии, Приднестровье — несомненная их заслуга. Не слышны выстрелы и в Нагорном Карабахе после шести лет военных действий. Ассамблее, руководителю ее миротворческой миссии Председателю Верховного Совета Киргизстана М. Шеримкулову удалось сделать то, чего не смог никто до него. Именно Бишкекский протокол, подписанный в мае 1994 г. при посредничестве МПА руководителями парламентов Азербайджана, Армении и Нагорно-Карабахской Республики, обеспечил условия для столь длительного перемирия»⁶. На протяжении последующих двадцати пяти лет отношение к документу было очень разное. Что совершенно понятно, учитывая дальнейшее развитие событий. Но очевидно одно, Бишкекский протокол создал прецедент в развитии и миротворчества, и в процессе развития парламентаризма СНГ. Протокол совершенно справедливо называется Бишкекским, но огромную роль в его подготовке сыграл и Санкт-Петербург.

Литература

1. Аланды: миротворческий поход продолжается // Курьер МПА. 1995. № 1.
2. Бишкекский протокол — согласие, которое не наносит никому ущерба. Председатель Верховного Совета Азербайджанской Республики Р. Гулиев о Бишкекском протоколе // Курьер МПА. 1995. № 1.

¹ Лавры миротворцев решено поделить поровну. Литературная газета. 18.05.1994.

² Сама форма документа о прекращении огня очень необычна. Как правило, это должно быть соглашение, в котором о прекращении огня говорится в императивной форме. Например, «полное и окончательное прекращение огня и военных действий будет обеспечено сторонами с 00 часов 01 минуты такого-то числа. Приказы о полном и окончательном прекращении огня и военных действий и разводе войск будут отданы Сторонами и доведены до командиров воинских формирований, ответственных за их выполнение...» и так далее.

³ Российский план урегулирования все же отвергнут бакинским руководством. Независимая газета. 18.05.1994.

⁴ Бои на Агдамском направлении. Невское время. 13.05.1994.

⁵ Независимая газета. 15.06.1994. 15.06.1994.

⁶ Богомолов О. Европарламент или декорация? Деловой мир. 12.01.1997.

3. Вестник МПА. 1994. № 1.
4. Вестник МПА. 1994. № 2.
5. *Иссакссон М., Юхансон Л. И.* Аландские острова — демилитаризованная территория. Мариехамн. 1984.
6. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств — участников Содружества Независимых Государств // Информационный Бюллетень Совета министров обороны государств-участников СНГ. 1997. № 4.
7. Сборник документов и теоретических материалов по миротворческой деятельности в СНГ. М., 1996.

Об авторе:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; toropyginav@mail.ru

About the author:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции¹

Клаус Шваб

Globalization 4.0. A New Architecture for the Fourth Industrial Revolution

Klaus Schwab

Предисловие редактора

Данный доклад Клауса Шваба, предваривший открытие 22 января 2019 г. 49-го Давосского экономического форума, был опубликован в журнале *Foreign Affairs* 16 января того же года и в полной мере соответствовал девизу самого форума «Глобализация 4.0: в поисках глобальной архитектуры в век четвертой промышленной революции». Клаус Шваб, известный немецкий экономист, основатель и бессменный (с 1971 г.) президент Давосского экономического форума, автор научного бестселлера «Четвертая промышленная революция» и изданной в 2018 г. книги «Технологии четвертой промышленной революции», обратился к участникам форума с призывом «создать новую глобальную архитектуру», разработать глобальный проект переустройства мира (подобно тому, который был реализован, надо полагать, ООН после Второй мировой войны и обеспечил возможность «миру торговать, сотрудничать и избегать войны») не столько путем разрешения конфликтов геополитического или экономического характера, а на основе достижений 4-й промышленной революции. Можно было бы упрекнуть автора в излишней преданности «досто-славному» технологическому детерминизму, но вряд ли это будет правомерно.

Стоит обратить внимание на те указанные Швабом предупреждения, перечисление которых не дает оснований для подобных упреков, к примеру: «масштабная экономика испаряется, а роботы и искусственный интеллект все больше заменяют людей, компании больше не требуют сотен тысяч сотрудников для выполнения своих операций», «оцифровка открыла шлюзы как для информации, так и для дезинформации. Алгоритмы, а не люди, теперь определяют многое из того, что мы видим и читаем», «искусственный интеллект, со своей стороны, может принести столько же вреда, сколько и пользы, и требует тщательного регулирования», «возможно, в менее глобализованном мире жизнь не была материально лучше, ...но общество, в котором жили люди, могло чувствовать себя более безопасным, знакомым и уверенным». Его призыв к «сохранению и укреплению основ социальной справедливости и равенства» органично дополняется приуроченным к открытию данного форума (можно предположить, и по инициативе самого Шваба) и весьма своевременно дополненным опубликованным накануне открытия Экономического форума в Давосе ежегодным докладом некоммерческой организации *Oxfam*², на страницах которого приводятся данные об ужасающем разрыве между богатством и бедностью в глобальном масштабе. Так, в частности, в 2018 г. всего лишь 26 чел. на Земле (годом ранее таковых было «чуть больше» — 43 чел.) владели таким же богатством, как 3,8 млрд людей, составляющих беднейшую половину человечества³.

Рассматривая волны глобализации, Шваб, по сути, воспроизводит уже признанную в научном сообществе периодизацию промышленных революций. Но волна по имени «Глобализация 4.0» отличается коренным образом от всех предыдущих. Конкуренция теперь стала основываться не столько на экономической эффективности, сколько на способности к инновациям, а глобальная интеграция теперь опирается на национальные цифровые и виртуальные системы и связанный с этим поток идей и услуг, что стало основой глобализации 4.0.

Шваб призывает формировать «свежее мышление», иницилирующее понимание справедливых экономических отношений в современном мире, который подлежит полной оцифровке. Более

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-01-16/globalization-40> (дата обращения: 01.03.2019)

² Lawson Max (and others). Public good or private wealth? Oxfam GB, Oxfam House, John Smith Drive, Cowley, Oxford, OX4 2JY, UK, 2019. 106 p.

³ Ibid. P. 12. См. также: Oxfam calculations based on Forbes. 2018. The World's Billionaires, op. cit, and Credit Suisse. 2018. World Wealth Report Databook. For more detail, see methodology note: <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/private-wealth-or-public-good-620599>

того, стоит обратить внимание на одно его существенное замечание: «Безопасность, прежде всего, всегда была предварительным условием глобализации», что остается верным в киберпространстве. Иными словами, Шваб вплотную подходит к идее междисциплинарного исследования самого по себе феномена безопасности как атрибута больших саморазвивающихся систем и неотъемлемого звена глобализации 4.0.

В заключение хотелось бы провести некоторую параллель между идейными позициями двух ученых — Клауса Шваба («Сейчас требуется новый подход, который формирует наше глобальное будущее на основе постоянной приверженности улучшению состояния мира») и Джона Бернала, выдающегося английского ученого-физика и общественного деятеля, который еще в конце 50-х гг. указывал на то, что «водородная бомба и ракета властвуют над политикой... Постепенно завоевывает признание идея, что мы переживаем начальную стадию новой промышленной революции. Однако — и это также вполне понятно — данные новые возможности осуществляются не так уж скоро, контраст между жизненным уровнем американцев и европейцев, с одной стороны, и жителей Азии и Африки — с другой, увеличивается и становится все более нетерпимым. Только с помощью принципиально новой экономической международной политики и полного использования науки это неравенство может быть устранено»¹. Такая преобладанность идей, объединяющих заботу о разумном использовании достижений промышленной революции и ответственность за установление справедливых социальных отношений, дает основание надеяться не только на могущество человеческого интеллекта, но и на его моральные измерения.

Но, предупреждает Шваб, «потенциал Четвертой промышленной революции затмевает даже прогресс, достигнутый в течение трех предыдущих промышленных революций, вместе взятых... Существует очень мало дискуссий, не говоря уже о консенсусе относительно того, как регулировать технологии или иметь дело с победителями и проигравшими Четвертой промышленной революции». Неужели подобного рода дискуссии сведутся лишь к диалогу «на равных» между естественным интеллектом и искусственным? Будем надеяться, что естественный интеллект, носителем которого является *homo sapiens*, сам справится.

Надеюсь, что читателям будет небезынтересно вникнуть в весьма конструктивные суждения одного из «пионеров» исследования современного этапа глобализации.

Игорь Кефели

Сегодня мир нуждается в новых рамках для глобального сотрудничества в целях сохранения мира и ускорения прогресса. После катаклизма Второй мировой войны лидеры разработали ряд институциональных структур, которые позволили послевоенному миру торговать, сотрудничать и избегать войны — сначала на Западе, а затем и по всему миру. В условиях меняющегося мира сегодняшние лидеры должны вновь взяться за такой проект. Однако на этот раз изменения носят не только геополитический или экономический характер. Четвертая промышленная революция — полная оцифровка социального, политического и экономического — дергает саму ткань общества, изменяя то, как люди относятся друг к другу и к миру в целом. В эту эпоху экономика, бизнес, сообщества и политика коренным образом трансформируются.

Реформирование существующих процессов и институтов будет недостаточным. Лидеры правительств при поддержке гражданского общества и бизнеса должны коллективно создать новую глобальную архитектуру. Если они подождут или просто применят «быстрое исправление», чтобы исправить недостатки устаревших систем, силы изменения естественным образом разовьют свой собственный импульс и правила и тем самым ограничат нашу способность формировать положительный результат.

Парадоксы прогресса

В течение десятилетий после 1945 г. мировые экономики переживали амбициозный процесс интеграции. Западная Европа возглавила эту атаку, наметив беспрецедентные темпы роста, поскольку она нацелена на «еще более тесный союз». Япония и «азиатские тигры» последовали за ними, получив доступ к глобальным рынкам и наращивая свои экономики. К началу 2000-х гг. экономики стран БРИКС — Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки — стимулировали международную торговлю до невиданных ранее уровней; экспорт в настоящее время составляет около одной пятой мирового ВВП — самый высокий уровень в истории. Во всем мире Соединен-

¹ Бернал Дж. Мир без войны. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 499 с. С. 7.

ные Штаты играли ведущую роль, создавая институциональные структуры, лежащие в основе глобальной системы, обеспечивая торговые пути и перекачивая богатства на внешние рынки.

Сегодня эта мегаинженерия глобализации, похоже, замедляется. В процентном отношении к ВВП торговля больше не растёт. Хуже того, консенсус свободного рынка распадается. Хотя глобализация и вывела миллионы людей из нищеты, она означала снижение доходов и ухудшение условий труда для многих других на протяжении последних десятилетий. Для американских рабочих золотые годы глобализации закончились десятилетия назад. Занятость в обрабатывающей промышленности в Соединённых Штатах достигла пика примерно в 1980 г. и резко упала примерно с момента вступления Китая в ВТО в 2001 г. Несмотря на бурный рост экономики, рабочие места в обрабатывающей промышленности вернулись на уровень, существовавший до Второй мировой войны. Во многих других странах темпы роста удручают, а показатели безработицы упрямо высоки. По большей части Латинской Америки, включая Аргентину, Бразилию и Венесуэлу, инфляция и отрицательный рост являются порядком дня. Европа, все еще не оправившаяся от последствий финансового кризиса, сталкивается с мощной реакцией против иммиграции. Даже Китай изо всех сил пытается оправдать свои ожидания роста. Популисты и протекционисты питаются этими болезнями, и их решения несут в себе розовое сияние ностальгии. Возможно, в менее глобализованном мире жизнь не была материально лучше — хотя для некоторых сообществ так оно и было, — но общество, в котором жили люди, могло чувствовать себя более безопасным, знакомым и уверенным. Подписать на это повествование и тарифы, иммиграционные барьеры и возвращение к национальному суверенитету покажутся разумными идеями.

Но это принятие желаемого за действительное. Конечно, отказ от системы глобально интегрированных цепочек создания стоимости может помочь оживить местное производство автомобилей, электроники или сельскохозяйственной продукции в западных экономиках. Однако реальная проблема заключается в том, что производство и обмен физическими товарами с каждым годом имеют все меньшее значение. Отныне решающие конкурентные преимущества в мировой экономике будут зависеть не столько от низкой себестоимости производства, сколько от способности к инновациям, роботизации и цифровизации.

Следующая волна

Проще говоря, мы живём в эпоху четвертой промышленной революции, последней волны новаторских инноваций. Первые принесли паровые поезда, пароходы и индустриализацию ткачества и горного дела. Вторая электрифицировала буквально большую часть мира, ввела современные сборочные линии и привезла нам машину и самолет. Третья, начиная с 1970-х гг., была сосредоточена вокруг компьютера и ранней оцифровки.

Как и ее предшественники, четвертая промышленная революция лучше всего описывается ее ведущими технологиями: искусственным интеллектом, автономными транспортными средствами и интернетом вещей. Это технологии, которые повлияют на многие отрасли промышленности в ближайшие десятилетия и придадут беспрецедентное значение цифровому миру. Объединяет их то, что они трансформируют саму структуру экономического взаимодействия: две тенденции оцифровки и виртуализации создают экономику почти неограниченной мобильности, в которой киберпространство является домом для всех данных. По мере того как онлайн-платформы стремятся к вертикальной интеграции, они отсекают традиционных посредников. А искусственный интеллект создает «умные» системы, которые являются не только аналитическими, но и прогностическими и предписывающими. Производство и обмен физическими товарами с каждым годом имеют все меньшее значение. В этом мире глобализация не исчезнет; она углубится. Если в прошлом глобальная интеграция росла по мере снижения торговых барьеров, то теперь она будет опираться на подключение национальных цифровых и виртуальных систем и связанный с этим поток идей и услуг. Это ядро глобализации 4.0.

Эта новая форма глобализации развивается с головокружительной скоростью. Рассмотрим цифровые потоки: уже в 2016 г., согласно исследованию, проведенному McKinsey & Company, «цифровые потоки, которых практически не было всего 15 лет назад, теперь оказывают большее влияние на рост ВВП, чем вековая торговля товарами»¹. Было также выявлено 45-кратное увеличение объема

¹ Шваб, очевидно, имеет в виду исследование «Цифровая глобализация», в котором прямо указано на то, что резкий рост трансграничного потока больших данных теперь генерирует больше экономических ценностей, чем традиционные потоки товаров (см. Digital globalization: The new era of global flows, McKinsey Global Institute, February 2016. 156 p. P. 2; см. также: Globalization in transition: the future of trade and value chains, McKinsey Global Institute, January 2019. 144 p. P. 30) – *Ред.*

трансграничной торговли с 2005 по 2016 г. и предсказано пятикратное увеличение к 2022 г. Все это дало толчок мировой экономике. В первую очередь это коснулось обрабатывающей промышленности, где на смену традиционным цепочкам поставок пришли автоматизация, локализация и индивидуализация. В дальнейшем это будет означать, что конкуренция станет основываться не столько на экономической эффективности, сколько на способности к инновациям.

Возьмем американские технологические гиганты: менее чем за 25 лет Amazon превратился из стартап-магазина электронной коммерции во вторую по величине торговую компанию в мире, совершив революцию в розничной торговле, облачных вычислениях и других веб-сервисах; Apple стала первой в мире компанией с оборотом в 1 трлн долл. в 2018 г. — всего через десять лет после выпуска первого iPhone. Титаны предыдущих промышленных революций, такие как железнодорожные компании Корнелиуса Вандербильта, ExxonMobil и IBM, также извлекали выгоду из такой динамики «победитель получает все», но их экономия на масштабе имела тенденцию к сужению, ограниченную либо естественными пределами, либо искусственными законами. Однако в нашу эпоху на смену старой экономии пришли безграничные сетевые эффекты. Для «больших технологических» фирм верхний предел пользователей не меньше, чем для всего мирового населения, и они расширяются рекордными темпами. Самолетам и автомобилям потребовалось более шести десятилетий, чтобы достичь 50 млн пользователей. Для компьютеров и мобильных телефонов для достижения подобного эффекта понадобилось 14 и 12 лет соответственно, а для вездесущих смартфонов и WeChat (приложение все-в-одном, ставшее доминирующим средством связи для пользователей Китая) — только год. По последним данным, четыре компании насчитывают миллиард или более пользователей: три американских (Alphabet, Facebook и Microsoft) и одна китайская (Tencent). Рыночная власть, которую вышеназванные компании получили на этом пути, удивительна.

На этом все не заканчивается. Переходя в новые отрасли, такие как облачные вычисления, здравоохранение, кредиты и платежи, Amazon, китайская Alibaba и другие технологические компании становятся цифровыми конгломератами. Другие платформы, такие как Airbnb, WeWork и Uber, расширяются по всему миру, никогда не имея физических активов, на которые полагаются их услуги. Попутно эти фирмы переросли границы традиционного бизнеса и нарушили социальные модели. Искусственный интеллект, большие данные и возможность создания технологических платформ массового использования начинают определять даже национальную мощь.

Для тех, кто имеет доступ к технологиям, это отличная новость. По мере того как масштабная экономика испаряется, а роботы и искусственный интеллект все больше заменяют людей, компании больше не требуют сотен тысяч сотрудников для выполнения своих операций. Промышленные гиганты прошлого были одними из крупнейших работодателей в мире. Сегодня те, кому посчастливилось трудоустроиться, являются либо высококвалифицированными и высокооплачиваемыми, либо низкоквалифицированными и низкооплачиваемыми.

Соединенные Штаты — это даже не та страна, где больше всего пострадают рабочие. Во время предыдущей волны глобализации промышленно развитый Запад передал большую часть своих производственных рабочих мест на аутсорсинг более дешевым развивающимся странам. Посмотрите на Бангладеш, Филиппины или Вьетнам, где передовые промышленные роботы заменяют квалифицированных рабочих-людей в швейных и других отраслях. В результате увеличивается разрыв между победителями и проигравшими в четвертой промышленной революции. На вершине пирамиды небольшая группа учредителей, инвесторов и других акционеров формирует фантастически богатую элиту. В самом низу низкоквалифицированные работники должны рассчитывать на минимальную заработную плату, чтобы жить. Ряды среднего класса, некогда связующей ткани общества, истончаются, и в результате страдает социальная сплоченность.

Что еще хуже, оцифровка открыла шлюзы как для информации, так и для дезинформации. Алгоритмы, а не люди теперь определяют многое из того, что мы видим и читаем. Дезинформационные кампании искажают последние выборы на Западе, и подобные вещи происходят по всему миру. Доверие граждан к руководителям правительств, судебным органам и средствам массовой информации находится на рекордно низком уровне или почти на нем.

Краеугольные камни нового порядка

Трудно переоценить то, что поставлено на карту для обществ и их правительств перед лицом этих изменений: успех или неудача помогут определить качество жизни будущих поколений. Столкнувшись с четвертой промышленной революцией, правительства и общества имеют три варианта. Они могут защитить «проигравших» от этих трансформационных изменений, создав эффективные

системы социальной защиты, активную политику на рынке труда и эффективные системы здравоохранения. Они могут удвоить неоклассическую экономическую политику невмешательства с надеждой на то, что полученное в результате богатство принесет пользу всем секторам общества. Или они могут использовать возможности четвертой промышленной революции, разрабатывая и управляя инклюзивными платформами и системами, которые подходят для решения сложных проблем новой волны глобальной интеграции. На ранних стадиях третьей промышленной революции новые границы и программы Великого Общества при президентах США Джоне Ф. Кеннеди и Линдоне Б. Джонсоне укрепили международные лидерские позиции Соединенных Штатов, а также их внутреннюю сплоченность. К концу 1960-х гг. стране удалось посадить человека на Луну и вдвое снизить уровень бедности, в то время как ее компании были мировыми лидерами рынка. Хотя эти льготы никоим образом не распределялись равномерно, ВВП на душу населения вырос до рекордного уровня.

Потенциал четвертой промышленной революции затмевает даже прогресс, достигнутый в течение трех предыдущих промышленных революций вместе взятых. Нет причин, по которым сегодняшние лидеры не могли бы активно управлять негативными внешними эффектами и обеспечить справедливое распределение возможностей в рамках инклюзивной политики. Цифровые ресурсы безграничны, как и богатство, которое они создают. Однако для достижения этого результата требуется нечто большее, чем лоскутные действия, направленные на оживление устаревших систем. Нам нужно свежее мышление о том, что означает свободные и справедливые экономические отношения в современном мире. Глобальная система, построенная государствами после Второй мировой войны, была построена вокруг глобализации самолетов, автомобилей, глобальных производственных цепочек и ранних компьютеров. Но эта глобальная система прошла свой путь, и ни одна существующая международная организация не может справиться с вызовами глобализации 4.0. Существует очень мало дискуссий, не говоря уже о консенсусе относительно того, как регулировать технологии или иметь дело с победителями и проигравшими четвертой промышленной революции.

Как должна выглядеть новая глобальная операционная система? Она должна начать с признания реальности того, что четвертая промышленная революция еще более безгранична, взаимосвязана и взаимозависима, чем глобальная экономика интегрированных цепочек поставок. Во-вторых, глобальное сотрудничество должно быть сосредоточено на вопросах управления, лежащих в основе нынешних преобразований: кибербезопасность, использование искусственного интеллекта и технологии редактирования генов CRISPR¹, а также Соглашения об интеллектуальной собственности и защите данных. Безопасность, прежде всего, всегда была предварительным условием глобализации. Это остается верным в киберпространстве: когда интернет небезопасен, страдают экономики. Мы должны обеспечить безопасность цифровых морских путей и гаваней глобализации 4.0.

Искусственный интеллект со своей стороны может принести столько же вреда, сколько и пользы, и требует тщательного регулирования. Поскольку Соединенные Штаты, Китай и другие государства соперничают за лидерство в этой области — и в других технологиях, таких как редактирование генов, — они должны договориться о том, что разрешено, а что нет. То же самое относится и к финансовым системам. Криптовалюты, такие как биткоин, уже доказали свои преимущества перед традиционными деньгами, но они не застрахованы от эксплуатации спекулянтами и преступниками. В будущем центральные банкиры и политики должны договориться о том, как оптимизировать блокчейн-основу системы, чтобы она могла принести пользу всем.

Угрозы из нецифрового мира тоже никуда не денутся. Лесные пожары, засухи и тропические штормы напоминают нам, что изменение климата угрожает нашим местообитаниям, биоразнообразию, экономике и обществу. Тем временем рост населения будет продолжаться еще несколько десятилетий, хотя и более медленными темпами. Это означает, что геополитические горячие точки будут множиться, а миграция ускорится. Столкнувшись с такими экстремальными условиями, суверенные государства имеют право разрабатывать адекватную национальную политику и чрезвычайные планы. Но многосторонняя координация имеет ключевое значение, поскольку мы делим одну планету и несем ответственность за ее общее достояние. При этом лидеры должны признать, что мы сейчас живем в многополярном мире, в котором несколько стран и регионов должны будут разделить бремя и щедрость глобального лидерства.

¹ CRISPR (от *англ.* Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats — короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами) — технология редактирования генома путем удаления, добавления или изменения последовательных участков ДНК. Технология CRISPR является самым простым, универсальным и точным методом генетической манипуляции. — *Ред.*

Наконец, мы должны прийти к согласию с экономикой совместного использования и платформ. До сих пор они приносили пользу конечным пользователям и, прежде всего, владельцам платформ. Большинство платформ сосредоточено в нескольких глобальных хабах, и их преимущества в основном достались небольшой группе ранних, ищущих риск инвесторов. Поскольку эти платформы полагаются на меньшее число сотрудников и отсекают компании-посредники, они наносят ущерб национальным казначействам и многим существующим предприятиям. В ответ международные соглашения должны предусматривать новые методы налогообложения. Вместо того, чтобы облагать налогом рабочую силу, которая могла бы затруднить и без того нестабильные формы занятости, правительства могли бы договориться о налогообложении деятельности платформы «у источника», а именно там, где базируются пользователи. Таким образом, правительства по всему миру могли бы извлечь выгоду и финансировать образование и переквалификацию своего народа.

Руководящий принцип

Рассматривая проблемы глобализации 4.0, мы хотели бы следовать трем важнейшим принципам.

Во-первых, в диалогах, которые проводятся в целях формирования глобализации 4.0, должны участвовать все соответствующие глобальные игроки. Правительства, конечно, должны играть ключевую руководящую роль, но бизнес является движущей силой инноваций, и гражданское общество играет решающую роль в обеспечении того, чтобы эта инновация применялась с учетом интересов общественности.

Во-вторых, сохранение социальной и национальной сплоченности должно быть поставлено во главу угла. Сохранение и укрепление основ социальной справедливости и равенства будут необходимы для поддержания национальных социальных контрактов и сохранения открытого мира. Это не может произойти без принятия решений «снизу вверх», что обеспечивает реальное участие граждан во всем мире.

В-третьих, координация как достижение общих целей принесет больше успехов, чем сотрудничество как реализация общей стратегии. Парижское соглашение об изменении климата и цели Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития являются примером скоординированного подхода, который оставляет возможность субъектам разрабатывать свои собственные стратегии. В мире, где общие ценности являются редким товаром, координация на основе общих интересов является наиболее управляемым подходом к глобальному управлению.

Во второй половине XX в. лидеры всех слоев общества заложили институциональные основы устойчивого мира, безопасности и процветания. Однако с тех пор мир радикально изменился. Сейчас требуется новый подход, который формирует наше глобальное будущее на основе постоянной приверженности улучшению состояния мира. Лидеры могут обсуждать, должны ли они работать на благо своей страны или на благо человечества. Но ясно одно: глобализация 4.0 будет только ускоряться. Мы должны сделать все возможное, чтобы использовать ее во благо и для всех.

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».
 2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.
 3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).
 4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.
 5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).
 6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].
 7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.
 8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.
- Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.
- Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. *Манойло А. В.* Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. *Образ врага.* Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 1 (27)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Ответственный редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА

Корректоры
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка С. И. ШИРОКОЙ

Сдано в набор 01.03.2019.
Подписано к печати 15.03.2019.
Формат 60×90^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11. Тираж 100 экз.
Заказ № 1/2019.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления — Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72